

Вогульский героический эпос в художественно-литературной
(русскоязычной) интерпретации

Вадим Орлов

Вадим Орлов

Вогульский героический эпос в художественно-литературной (русскоязычной) интерпретации

Региональная общественная организация содействия
развитию творчества, образования и науки
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Академия Природы»

Вадим Орлов

Вогульский героический эпос в художественно-литературной (русскоязычной) интерпретации

авторская интерпретация «Песен святых покровителей», содержащихся
в изданном в Будапеште в 1892 году II томе «Собрания вогульской
эпической народной поэзии» Берната Мункачи (Munkácsi Bernát «Vogul
népköltési gűjtemény. Istenek hűsi énekei, regei es idezo igei». Kiadja a Magyar
Tudományos Akadémia. Budapest, 1892. II. kötet)

УДК 398; 908; 821

ББК К 82.3(2 Рос =Манс) + 84 (Рос=Рус)

О – 66

При подготовке и издании книги использованы средства, выделенные в качестве гранта в форме субсидии из бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на возмещение части затрат для реализации проектов, способствующих сохранению, развитию, популяризации фольклора, традиций, языка, народных художественных промыслов коренных малочисленных народов Севера.

Рецензенты:

Ромбандеева Е.И., доктор филологических наук;

Семёнов А.Н., доктор педагогических наук;

Дмитриева (Салонтаи) Ю., кандидат филологических наук.

О 66 **Орлов, В. Б.** Вогульский героический эпос в художественно-литературной (русскоязычной) интерпретации / В. Б. Орлов. – Шадринск: Дом печати, 2014. – 272 с. ил.

ISBN

В настоящем издании содержится полное изложение текстов II тома «Собрания вогульской эпической народной поэзии» Берната Мункачи в художественно-литературной интерпретации Вадима Орлова. Эта работа стала возможной, прежде всего, благодаря венгерским ученым А. Регули и Б. Мункачи, побывавшим ещё в XIX веке в России и осуществившим сбор, запись и сохранение в финно-угорской транскрипции мансийского фольклора. Изданный в Венгрии мансийский фольклор (с параллельным переводом на венгерский язык) ждал своего возвращения на историческую родину более 100 лет, и вот в 2010 году отечественные учёные-лингвисты Е.И. Ромбандеева и Т.Д. Слинкина осуществили транслитерацию значительной части древне-мансийских текстов с финно-угорской транскрипции на кириллицу, а также их смысловой перевод на русский язык, бережно сохранив при этом грамматику, смысл, стиль и все лингвистические конструкции мансийского первоисточника. Параллельно с ними переводческой работой увлеклись и члены группы, созданной широко известным российским писателем, классиком мансийской литературы, Ю.Н. Шесталовым (А.Н. Мехнина, С.С. Динисламова и Ю. Салонтаи-Дмитриева). На основе всех этих переводов стала возможна художественно-литературная обработка фольклора и адаптация его к мировосприятию современного русскоязычного читателя.

Тексты в предлагаемом издании приводятся в неукоснительном порядке, выстроенном венгерскими учеными.

В оформлении использованы графические работы Ольги Мерцаловой.

УДК 398; 908; 821

ББК К 82.3(2 Рос =Манс) + 84 (Рос=Рус)

О – 66

ISBN

© Орлов В.Б., художественно-литературная интерпретация, 2014

© Мерцалова О.А., художественные иллюстрации, 2014

Содержание

Слово от литературного переводчика	6
--	---

ВОЕННЫЕ ПЕСНИ СВЯТЫХ ПОКРОВИТЕЛЕЙ

ОБСКИЕ ДУХИ-ПОКРОВИТЕЛИ

I. Аяс-Торум (Дух-Покровитель природы)	
1. Ас-Котиль ойки, Аяс-Торума (богатыря среднего течения Оби	9
2. Об Аяс-Торуме – внуке богатыря в одеяниях из семи шкур оленя-самца, в форме сказки сказываемая военная песня	23
II. Героическая песня богатыря Тэк ойки	27
III. Покровители Лор-уса	
1. Героическая песня о богатырях из Лор-уса	42
2. Именитый богатырь	58
IV. Сказ о князе-богатыре Лиственничного города	66
V. Мир-Суснэ-Хум (За Миром Смотрящий Человек) – сын Торума	
1. Сказка о рождении Мир-Суснэ-Хума, Эква-пыг-пыгрища	69
2. Песня о том, как Мир-Суснэ-Хум, сын Нуми-Торума, был на землю спущен	70
3. Песнь о воспитании Мир-Суснэ-Хума, растущего сына Нуми-Торума.....	72
4. Сказка о провозглашении Эква-пыг-пыгрища Мир-Суснэ-Хумом и прибавлении ему мощи отцом его Нуми-Торумом	76

5. Отыр, носящий одежду с оторочкой из чёрного меха, – Мир-Суснэ-Хуму сказкой представленная героическая песня78	
6. Сказка об Эква-пыг-пыгрище	81

СОСЬВИНСКИЕ ДУХИ-ПОКРОВИТЕЛИ

VI. О Тагт-Талих ойке (верховья Сосьвы богатыре) – Озёрном Лебеде, Обском Лебеде Светлом Отыре, военная песня84	
VII. Тагт-Котиль ойки (среднего течения Сосьвы богатыря) военная песня	102
VIII. Хонт-Торум ойки – внука Отыра, высотой с полетевшего чирка, военная песня	113
IX. О Ворья Отырах (богатырях с реки Ворья) военная песня126	

КОНДИНСКИЕ ДУХИ-ПОКРОВИТЕЛИ

- Х. О двух братьях-богатырях устья Конды сказкой сказываемая военная
песня) 134
- ХІ. О Тарьяим-Корьяиме – мужчине, жившем на той стороне кочковатой
болотины, военная песня141

ДУХИ-ПОКРОВИТЕЛИ: ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ПРОШЛОГО (священные песни и сказания о том, как Духи-Покровители обрели себе спутниц жизни)

- I. Богатыря реки Полум (Духа-Покровителя Пелыма) – Сына Торума,
священная песня144
- II. Богатыря устья реки Сакв (Духа-Покровителя устья Сыгвы) –
Сына Торума, священная песня150
- III. Богатыря Лопынг-ус ойки священная песня158
- IV. Куль-Отыру призывная мелодия
.....163
- V. Сказка о том, как Отыр женился на Дочери Богини Калтащ
.....165

ПЕСНИ-ПРИЗЫВЫ, ОБРАЩЁННЫЕ К СВЯТЫМ ПОКРОВИТЕЛЯМ

- I. Призывная песня, обращённая к Мир-Суснэ-Хуму – Сыну Торума,
в Няксимволе
175
- II. Призывная песня, обращённая к Мир-Суснэ-Хуму – Сыну Торума,
в Яныг Павыле
181
- III. Призывное слово, обращённое к Торуму на реке Лусум
..... 184 IV. Призывное слово, обращённое к Торуму в Тагтит
Павыле 187

V. Гимн-благодарение Мир-Суснэ-Хуму в Мувынкесе	195
VI. Призывная песня, обращённая к Мир-Суснэ-Хуму – Сыну Торума, на реке Лусум	202
VII. Призывная песня, обращённая к Мир-Суснэ-Хуму – Сыну Торума, в Хал Павыле	205
VIII. Молитва-обращение к семейному покровителю на реке Лусум	208
IX. Гимн Сорни-Отыру, испрашивающий божественную защиту	209
X. Мудрое наставление	211
XI. Песня, обращённая к Торуму	214
XII. Заклинательное обращение к Торуму в деревне Евра	216
XIII. Призывная песня, обращённая к Священной Воде в Яныг Павыле	217
XIV. Призывная песня, обращённая к Священной Воде в верховье Лусума	220
XV. Призывная песня, обращённая к Священной Воде в Сав Павыле	222
XVI. Призывная мелодия, обращённая к Священной Воде в верховье Лусума	224
XVII. Призывное слово, адресованное Воде в верховье Лусума	226
XVIII. Обращенная к Нёрыг (двум уральским горам) величальная мелодия	228
XIX. Песня-восхваление в честь Полум-Торум ойки	229
XX. Призывное слово, адресованное Полум-Торум ойке на реке Лусум	236
XXI. Призывное слово, адресованное Полум-Торум ойке в деревне Яуль-тыт	237

XXII. Призывная песня, обращённая к семерым Менгквям-богатырям – местным пупыгам, в Мувынкесе	238
XXIII. Призывная мелодия, обращённая к Пасыт-пупыг ойке в Месыг Павыле.....	242
XXIV. Призыв-обращение к мужчине – Сыну Святого Отыра из Ёвтым Сос-а, исцеляющему людей	247

ПРИЗЫВНЫЕ ПЕСНИ СВЯТЫХ ПОКРОВИТЕЛЕЙ, СО- БРАННЫЕ В XX-XXI ВЕКЕ МАНСИЙСКИМ УЧЁНЫМЛИНГВИСТОМ Е.И. РОМБАНДЕЕВОЙ

I. Дочери Царя Священной Воды, призывная песня	250
II. Отыру – Сорни Пыгу, призывная	256
III. Верховья питательной Оби, рыбной Оби Отыр (в образе гуся Отыр)	258
Указатель имен персонажей.	260
Указатель топонимов	262
Словарь непереведённых с мансийского языка слов	263
Словарь редко употребляемых русских слов, использованных в книге	264
Указатель авторов передачи смыслового содержания оригинала, художественно интерпретированного в данной книге	271

Слово от литературного переводчика

В предлагаемой читателю книге содержится художественно-литературная интерпретация всех без исключения 47 текстов, составивших II том «Собрания вогульской эпической народной поэзии» Берната Мункачи, а также тесно примыкающих к тем текстам трёх эпических произведений, собранных учёным-лингвистом Е.И. Ромбандеевой в конце XX – начале XXI века. Книга рассказывает об эпохе мифологических героев-богатырей – детей бога Торума, посланных с небес на землю.

Литературная обработка фольклора и адаптация его к мировосприятию современного русскоязычного читателя стали возможны лишь благодаря тому, что венгерские учёные Антал Регули и Бернат Мункачи, побывав в XIX веке в России, осуществили сбор и запись в финно-угорской транскрипции мансийского фольклора. Изданный в Венгрии мансийский фольклор ждал своего возвращения на историческую родину более 100 лет, и вот в начале 2000-х отечественные исследователи Евдокия Ивановна Ромбандеева, Татьяна Дмитриевна Слинкина осуществили транслитерацию древне-мансийских текстов с финно-угорской транскрипции на кириллицу, а также их смысловой перевод на русский язык, бережно сохранив при этом грамматику, смысл, эпический стиль и все лингвистические конструкции мансийского первоисточника. Их работа привела к выходу осенью 2010 года фольклорного академического тома «Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей». В него вошли 31 из 47 текстов, содержащихся во втором томе Б. Мункачи, а также другие эпические произведения (кроме того, специально для этой книги Евдокия Ивановна перевела еще 3 текста, содержащихся в собрании Б. Мункачи). И только после всего этого стала возможна работа над предлагаемой книгой.

Следует сказать самые добрые слова и в адрес безвременно ушедшего от нас классика мансийской литературы, профессора Югорского государственного университета Ивана Николаевича (Ювана) Шесталова, создавшего из знатоков мансийского языка и литературных переводчиков команду, которую сам Юван Шесталов называл рабочей группой. Эта группа также работает со вторым томом Б. Мункачи. Работа ещё не завершена, но часть переводов уже издана.

Волею судеб я, как учёный и как поэт, оказался связанным и с И.Н. Шесталовым, и с Е.И. Ромбандеевой. У одного я черпал эмоциональность, образность, простодушно-восторженное восприятие окружающего мира, отличающее большого художника от ремесленника-текстовика, а у другой – точность и глубину научного проникновения в эпические тексты, ответственность перед научным сообществом и преданность науке.

Рост интереса к мансийскому фольклору проявился не только у учёных-лингвистов и писателей, но и у художников: в 2012 году на суд широкой публики была выставлена серия графических работ члена Союза художников России Г.С. Райшева «Героический эпос манси».

Следует подчеркнуть, что под влиянием всей этой работы наблюдается рост национального самосознания коренных малочисленных народов Югры, а это весьма симптоматично и предельно значимо. Если научное изучение мансийского фольклора началось в XIX веке, то пик его популяризации приходится на XXI век. Самобытная мансийская культура, которую сегодня

можно воспринимать и как вызов современному урбанистическому обществу, и как напоминание о прошлом культурном многообразии и умении человека жить в единстве с природой, получила ещё одну мощную подпитку в виде возвращающегося из-за рубежа на историческую родину фольклорного наследия.

Как известно, у мансийского народа письменность появилась лишь в начале XX века, однако тысячелетиями люди жили, хотя и по неписаным, но твёрдым нормам и правилам. И в этой системе традиционной народной культуры важную роль играло как раз устное народное слово – фольклор, который в образной форме фиксировал и распространял общественно приемлемые нормы поведения и деятельности.

Читая древне-мансийские эпические произведения, постепенно проникаешься благодарностью к далёким предкам (поэтам, рассказчикам, сказителям), которые изустно пронзили толщу веков мудростью, чистотой и искренностью мировосприятия.

Вогульский героический эпос показывает в калейдоскопе образов панорамную картину бытия манси, их воззрений, обычаев, отношений, чувств и поступков. В комплексе мансийского древнего фольклора героический эпос, с одной стороны, документально отражает период междоусобных войн, показанных через вооружённые столкновения духов-покровителей различных территорий Древней Югры, с другой стороны, демонстрирует архетипы древнемансийского народного сознания, для которого войны и усобицы выступают лишь неким историческим фоном, подложенным под более ранние, более ценные, более глубинные феномены со-знания и со-бытия.

Отмечая у обско-угорских народов рост интереса к своей истории, культуре, традициям, обычаям, языку, их сохранению и приумножению, выскажу своё видение места и роли русских литераторов в этом отрадном процессе. Как видится, их движение должно решать как минимум двуединую задачу: 1) утилитарно-просветительское обогащение русскоязычного мира ещё одним, доселе неизвестным, информационным полем; 2) духовно-нравственное развитие (прозрение, очищение) русского человека, неосознанно несущего на себе тяжелейшее бремя ответственности за насильственную русификацию, христианизацию, а позднее – коллективизацию, урбанизацию и прочую «...ацию» перед народами, населяющими современную Россию. Такова, по крайней мере, концептуальная идея данной книги литературных переводов.

Для меня сложность работы над художественной интерпретацией вогульского героического эпоса состояла в том, что я не знаю мансийского языка, и, в силу этого, работаю со смысловыми переводами эпических произведений, сделанными филологами-носителями языка. Таким образом, путь текста от вогульского сказителя до современного читателя осуществлялся

в виде следующей цепочки: сказитель – учёный, записавший текст в финно-угорской транскрипции – транслитератор, осуществлявший перевод текста на кириллицу – переводчик с мансийского на русский язык – художественный интерпретатор – читатель. Оказавшись в этой цепи в качестве звена, непосредственно связанного с современным читателем, начинаешь обострённо чувствовать всю ту меру ответственности, которую накладывает на тебя интерпретационная работа. Не меньшая ответственность легла на плечи молодого, талантливого югорского художника Ольги Мерцаловой, создавшей иллюстрации к данным эпическим произведениям. Её материнское созидающее начало (Ольга – мать четверых детей, живущая в далёком посёлке Хулимсунт в вертолётной доступности до ближайшего сибирского городка) помогло и в военно-героических произведениях увидеть и донести до зрителя мирный вогульский быт, красоту родной природы, вечное очарование детства и женской красоты.

Героический эпос малочисленного северного народа манси я сравниваю с дорогим украшением, неожиданно обнаруженным удачливыми археологами, которое перевернуло все доселе существовавшие представления о народе, его художественно оформленной философии бытия. При этом ценность «археологической» находки, как видится, превзошла все возможные ожидания. И как тут ещё раз не вспомнить венгерских ученых А. Регули и Б. Мункачи, которые ещё в XIX веке подготовили наши сегодняшние «археологические» открытия!

Нельзя оставить без благодарного внимания политику Департамента культуры Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, предоставившего грант для издания этой книги.

Наконец, необходимо ещё раз вспомнить двух великих людей: ушедшего от нас выдающегося мансийского писателя Ювана Николаевича Шесталова, вдохновившего меня на литературно-художественные переводы вогульского героического эпоса, и, конечно же, замечательного учёного, посвятившего жизнь финно-угорской лингвистике – доктора филологических наук Евдокию Ивановну Ромбандееву, которая оказывала и оказывает неоценимую помощь, как своими смысловыми переводами, так и подробными консультациями.

Вадим ОРЛОВ,

член Союза российских писателей,
доктор педагогических наук,

профессор Югорского государственного университета,

Президент Региональной общественной организации содействия развитию творчества, образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

ВОЕННЫЕ ПЕСНИ СВЯТЫХ ПОКРОВИТЕЛЕЙ

ОБСКИЕ ДУХИ-ПОКРОВИТЕЛИ

І. Аяс-Торум (Дух-Покровитель природы)

**Ас-Котиль ойки, Аяс-Торума (богатыря среднего течения Оби,
Духа-Покровителя природы) военная песня**

Моё имя гремит повсеместно,
Моя слава, не знает границ,
Мои подвиги общеизвестны,
Предо мною все падают ниц!

Богатырь я, защитник, воитель,
Аяс-Торум – зовут так меня,
Здесь я значим, я здесь – Покровитель:
Берегу я Обские края.

От раздольной Оби пресноводной
До Священного Озера вод Я –
хозяин, властитель природы,
Представляю достойно свой
род!

Мой отец – Нуми-Сорни Великий!
Верхний Золото-Царь – мой отец –
В эти земли назначил владыкой,
Я – вершитель, храбрец, и мудрец!

Я земли семь углов распростёртых,
Шесть окраин приобской земли
Сберегаю пристрасно, упёрто –
Покровитель я каждой семьи!

Многим я горемыкам опора,
Что в ветшайших шубейках снуют.
Ширь лесов, гладь воды – все просторы
В управленье мне дадены тут!

*

Одну сторону вод смерил взглядом
– Повернулась туда голова: Острова
среди Озера глади – Диких уток,
гусей острова!

Глянул я на другую сторонку –
Полноводной Оби там предел,
Да, предел, только Обь – не речонка,
А огромный, гигантский удел!

Здесь, в просторах обских, восседаю,
На обской восседаю земле. Здесь я
Духом священным витаю, Нет мне
этих угодий милей.

Здесь мои подопечные люди: В
ветхих шубах здесь много мужчин,
Да и женщин немало здесь будет.
Ох, и беден же простолюдин!

Если слабость беднягу охватит,
Тело, кости его заболят, Глядь: ко
мне поклониться уж катит, И котлы
с угощением кипят.

Почитают меня все безмерно
На семи земноводных углах,
Где снуют Героини усердно,
Где Герои парят на крылах.

Коль прошу я вечернюю
жертву, До утра не отложат её.

Если утром я требую жертву,
Тем же днём получу я её.

Шесть зверей на верёвке единой
Для меня тут же люди ведут, Бьют
поклоны моей шубе длинной:

То подолу, а то рукаву.
Знают люди меня, свято верят,
Если часом случится беда,
Я спасу от беды, от потери,
Огражу их от Хуля тогда.

Если часом нога заразится,
Если вдруг заразится рука,
Людям надобно мне помолиться,
И уйдет лихо наверняка.

Человек, излечившись от хвори,
Сам пойдёт на здоровых ногах,
И забудет о мучившей боли, С
новой силой в окрепших руках.

Много Торумов сильных по свету
Восседает в других уголках,
Но сильнее меня, точно, нету,
Да и не было наверняка!

Я воинственный, сильный,
могучий, За спиною колчан,
стрелы, лук. Нет в сражении Отыра
круче, Я врагу – порождение мук!

Можно много краёв знать и видеть,
На углах быть семи и шести,
Но мудрее меня, прозорливей
Невозможно, уверен, найти!

* * *

Две смородины – два моих глаза
– Всё заметят, отметят вдали:
Через семь озёр видят всё сразу,
Хоть на семь плёсов всё отдали.

Вот однажды взгляделся я зорко,
И в восточной сторонке обской
Вижу полную ратников лодку...
Кто на наш покусился покой?
Кто нарушил святые пределы?
Кто чинит здесь преступный разор?
Это Нярс-най с дружиной посмела
Омрачить появлением взор.

Вот причалила грозная лодка,
Нярс-най эква ступила на брег,
А за нею дружина, и ходко Зло
творить стал чужой человек!

Посмотрел я на вражьи проделки,
Ум мой пищу усвоить сумел,
И решил, что таких воинов мелких
Перебую я без лука и стрел.

С ними голыми справлюсь руками.
Кулаками отряд разнесу.
Вышел из дому, и кулаками Стал
вершить я свой праведный суд!

Размахнулся рукой богатырской, Пол -
отряда сразил наповал! Двинул вновь
кулаком своим быстрым, Всех
оставшихся поубивал.

Будто ягоды все до единой

В две горсти я решительно сгрёб,
И Нярс-най, что в набеге повинна,
Уж ко мне виновато идёт.

По лицу вижу, жаждет
мириться, Куда делася прежняя
спесь?! На мое снисхождение
молиться Уж готова
строптивница здесь.

Говорит, поклонившись
учтиво: «Аяс-Торум, меня ты
прости. Я прошу и прощенья, и
мира, Не казни, а живой
отпусти!

Никогда на тебя я войною, Аяс-
Торум, уже не пойду.

Не хочу воевать я с тобою:

Не хочу вновь накликать беду.

Я подолу твоей знатной шубы,
Рукаву твоему поклонюсь!

Клятву верности шепчут здесь губы:
Никогда я с войной не вернусь!»

Чем же я, Аяс-Торум Великий,
Отвечаю на данный зарок?

Ум мой, пищей насыщенный, сытый,
Дал ответ: «Ну, какой в смерти прок?!»

Говорю я Нярс-най: «Для охраны,
Коль не враг ты мне нынче, а друг,
Дам тебе я надёжных служанок,
Дам тебе я почтительных слуг.

Те проводят тебя прям до места –
В городище твоё отвезут,

Недоступное белке когтистой,
А пока попируем мы тут».

*

А потом Нярс-най эква со мною
Пировала весь день и всю ночь.
Пир стоял небывалый горою:
Каждый ел, до чего был охоч!

После пиршества и угощенья
Посадили на лодку её,
И взяла лодка курс в направление,
Где Нярс-най возвышалось жильё.

Долго ль, нет ли ладья поднималась
По питательной, рыбной Оби,
Городище Нярс-най показалось.
Бережок... Успевай-ка, гребь!
Тотчас женщина повеселела, Руки-
ноги аж просятся в пляс.
Лишь война на чужбине сумела
Ей помочь обрести счастье враз!

В чём же счастье? – Осталась живою,
Несмотря на безумный поход!
Аяс-Торум – великий душою –
Счастье дал – сохранил ей живот!

Наконец лодка в берег уткнулась.
Нярс-най экву встречает народ.
Вышла та, слугам всем улыбнулась:
Завершился бредовый поход!

Вопрошают смиренные люди:

«Как поднимешься в град в облаках?
Путь тот белке когтистой так труден,
Что и ей не забраться никак».

И Нярс-най отвечает вогулам:
«Там, за домом, железный есть
стул. Две цепи прикрепите-ка к
стулу И спустите конструкцию ту.

Я усядусь на стул, словно в кресло,
Ну, а вы стул поднимите вверх,
И мои голова, руки, чресла Вмиг
предстанут пред взорами всех».

Так и вышло. Нярс-най-Героиня
В городище своё поднялась:
«Аяс-Торум! Твоё славно имя!
Смысл жизни своей поняла!

В чем же смысл? Да в заботе о людях –
Тех, что вверены богом тебе.
Пусть их век долгим, радостным будет,
В мире, счастье пройдёт, не в борьбе!» И кричит она
вниз, вся во счастье, Слугам – тем, что её привезли:
«Дети! С миром домой возвращайтесь.
Будьте счастливы долгие дни!

Дорогому Аяс-Торум ойке
Передайте поклон и привет.
Пусть хорошие сны снятся только,
Пусть не меркнет над ним белый свет!»

После слов-пожеланий те служки,
Развернув лодку носом назад,
Навалились на вёсла, и дружно
По теченью поплыл вниз отряд.

*

Долго ль, коротко плыли обратно
По просторам широкой Оби,
Но приплыли однажды когда-то –
Так усердно старались-гребли!

Вот и к пристани лодка пристала.
Выхожу и шагаю я к ней: «Как
поездка? Здоровье? Устали? – Так
спросил у своих я людей:

Весла на берег вы заберите,
Затащите вы лодку на брег, А
потом по домам разойдитесь:
Должен дома пожить человек».

Отвечали мне слуги, причалив:
«Всё в порядке! Привет от Нярс-най.
Снов желала тебе без печали,
Благодарность её принимай!»

Дни хорошие снова настали На
питательной, рыбной Оби. Нуми-
Сорни – отцом – здесь поставлен,
Чтобы жили все в мире, любви.
Отыр песенный, песню несущий,
Отыр сказочный, сказку несу. Я
– всевидящий и вездесущий На
озёрах, реке и в лесу.

И, как прежде, я здесь восседаю,
Взгляд пронзителен по сторонам.
Через семь озёр дальние дали
Открываются зорким глазам.

Две смородины – два моих глаза –
Вдруг узрели: с низовий реки

Лодка мчит на меня... Что за казус?!
В ней плывут при оружье враги.

Вижу полную ратников лодку...
Кто ж на наш покусился покой?
О, да это же Тэк-Отыр ойка...
Что же он вероломный такой?!

Он – в накидке из рыжей лисицы,
Чёрно-бурый на нём воротник,
А за ним – лютых ратников лица,
Исказил их пронзительный крик.

Вот причалила грозная лодка,
Вышел Тэк-Отыр ойка на брег,
А за ним вся дружина, и ловко
Зло чинить стал чужой человек!

Крик истошный, зловещий,
предолгий Продолжался и на берегу.
Сам собою крик этот не смолкнет...
Да, придётся отпор дать врагу!

А отряд до зубов оснащённый:
Луки, стрелы, кольчуги, щиты,
Сабли, шлемы – всё с лязгом и звоном...
Да, о мире – опять лишь мечты.
И пошла вероломно на площадь
Оголтелая, дикая рать, Всё
кроша своей грубою мощью,
Продолжая гортанно орать.

Посмотрел я на вражьи погромы,
Пищу принял мой ум – верный друг,
И решил, супостатов я дома
Порублю, и не нужен мне лук.

Выхожу я на улицу смело,
С саблей острой в могучей руке,
И глазами смородины спелой
Вижу всё, что вблизи, вдалеке.

Вижу пристань, на пристани – лодка,
Рядом с нею Тэк-Отыр стоит.
Ну, держись, гость незванный – Тэк ойка!
Зло во мне на тебя уж кипит!

Местью праведной я растревожен,
Не прощу я Тэк ойке вину.
Саблю острую вынул из ножен.
Не по воздуху ей я махну...

Люди валятся. Сабля их рубит.
Будто травушку косит косарь.
Сабли взмах – и попадали люди.
Я – стою! Победитель я! Царь!

Постоял, и упорной ногою
Зашагал я на берег родной.
Саблей острой, блестящей, нагою
Дам Тэк-Отыру вечный покой.

Думал, что разрублю я Тэк ойку На
мельчайшие мяса куски. Пусть
получит своё Отыр бойкий... Так
дошёл я до русла реки.
Там Тэк ойка звериной мольбою
Вдруг взмолился, увидев меня: «Аяс-
Торум, не надобно боя, – Лепетал он,
за мной семена:

Аяс-Торум, великий, могучий!
Ты, бесспорно, меня победишь.

Ну, а, может, на первый хоть случай,
Ты Тэк ойку возьмешь да простишь?

Мои кости и тело ослабли,
Не могу я вести равный бой.
Если ты рубанёшь меня саблей,
Обезглавлен я буду тобой...

Умоляю мольбой соболиной:
Я пришлю дорогие дары...
Не секут глав склонённых, повинных
С достопамятной, давней поры...»

Принимающий пищу мой разум,
Что же мне говорит в миг такой? –
«Ну, убьёшь ты его махом, разом –
И, что, вмиг обретёшь ты покой?

Нет, конечно, не будет покоя!
Как душевный покой сохранить?
Убивать мне Тэк ойку не стоит.
Не прерву его жизни я нить!»

Решено: пощажу я Тэк ойку.
Пусть уходит, пусть дальше
живёт. Но стоит, не уходит он
только, И такие слова мне речёт:

«Как же я уберусь восвояси? –
Зарубил ты моих верных слуг...
И в твоей, Аяс-Торум, я власти.
Провожатых мне дай, если друг...» Отвечаю, подумав,
Тэк ойке:

«Нет, не дам, гость непрошенный мой,
Обернись-ка лисой, цвета зорьки,
И беги поскорее домой!»

И Тэк ойка лисой обернулся,
Свою саблю в подарок мне дав.
Лисьим шагом не скоро вернулся
От меня он в родные места...

Посмотрел я на саблю и вижу:
Кровь на ней неповинных людей.
Собираю сынов я поближе: «Смойте
кровь, что пролил лиходеи!»

Говорю сыновьям громогласно:
«На озёрный священный поток
Отнесите её, да пристрастно
Отмывайте от крови клинок».

Смыли кровь, пятна крови отстали.
Возвернули потом саблю мне.
Я был в полном восторге от стали:
Та светилась подобно луне!

Я – Природы Святой Покровитель,
Правлю здесь я, подобно царю, И,
чтоб слышал меня каждый житель,
Громко я заговор говорю:

«Как наступит счастливая эра,
Эра жизни гуманной, благой,
Я хочу, чтоб жила наша вера,
И судьба сабли стала такой:

Пусть она станет жертвоприёмным
Покровителем в нашем краю. Пусть в
укромных местах, потаённых Будет
дар принимающею».
Произнёс заклинанье над нею,

И тем самым назначил её От беды,
от нужды быть спасеньем И
защитой, коль враг придёт.

Руки, ноги пусть лечит болезным,
Пусть хворобу снимает и боль.
Нет той сабли для люда полезней,
Пусть молиться к ней ходит любой.

*

После слов тех магических, ценных
Спать залёг на семь дней и ночей.
Сном глубоким я спал, сном степенным,
Но однажды проснулся, присел...

Разум сыт мой, но всё ж
беспокоен. Что гнетёт его? Что
тяготит? Может, враг примчался
рекою, И мой город захвачен,
разбит?

Я глазами смородины спелой
Через семь водных гладей
смотрю. Наконец-то, заметить
успел я, Лодки мчат прям в
сторонку мою.

В каждой лодке – рогатые звери,
А в седьмой – пёстрый конь-сороход.
Я глазам своим просто не верю:
Много лодок к причалу плывёт.

Вот рогатых выводят на берег,
Вот ведут под уздцы скакуна,
И по обе сторонки от двери
Привязали всё стадо сполна.

Средь людей, что приплыли с дарами,
Был и няйт – старый мудрый вогул.
Посадили его на камланье,
Я в него свои мысли вдохнул.
И устами его, как своими,
Наставленье даю беднякам: «В
бедных шубах бедняжки худые, Я
желаю здоровья всем вам!

Чтобы были здоровыми руки,
Чтобы было здоровье ногам,
Чтоб покинули хвори и муки,
Вы поставьте мне тех, кто
рогат.

Вы забейте оленей рогатых –
Триста сильных лобастых
голов, Что одною верёвкой
объяты, – Я принять эти жертвы
готов!

Ну, а после коня вы забейте,
Принесите мне в жертву коня, А
потом над огнём вы подвесьте
Семь котлов – все котлы для
меня:

Дым и пар я от чашек впитаю,
Дым и пар я от чашек возьму,
Дым и пар пусть повсюду витают,
Я люблю быть в пару и дыму!

А затем все звериные шкуры,
Что содрали с зверей для меня,
Вы на дерево, на верхотуру
Поразвесьте... и шкуру коня...

Нуми-Сорни – Отец наш Высокий
– Благодарный на вас бросит
взгляд. Он посмотрит всевидящим
оком, И оценит ваш жертвенный
вклад!

Ну, а после домой возвращайтесь,
Уезжайте к себе от меня – К
Героиням, что дарят вам счастье,
К вашим Отырам, в ваши дома.
Все углы, что находятся в доме,
Обойдите, хвалу вознося
Свою Торуму – Свету Святому,
Чтобы он никогда не иссяк.

И отвесьте двойные поклоны
– Два привета на каждом
углу! И отвесьте тройные
поклоны – Три привета на
каждом углу!

Дважды вы все углы обойдите,
Трижды вы обойдите углы,
И приветствия Торуму шлите,
Шлите Торуму много хвалы!»

*

Принесли в жертву триста оленей,
А потом жертвой стал пёстрый
конь. С одной дужкой котлы с
угощением Закрепили на добрый
огонь.

Принял пар я из жертвенных чашек,
Принял дым я из жертвенных чаш.
Угощение жизнь делает краше:

Принимаешь, а после – воздашь.

А затем от трёхсот зверей шкуры,
Что забили сейчас для меня,
На деревце надели каюры,
А над ними – и шкуру коня.

А потом все расселись по
лодкам, И на вёсла затем
налегли. К центру озера судна
шли ходко, От моей удаляясь
земли.

Добрались в центр озера лодки,
И настал знаменательный миг:
Вдруг издали горластые глотки
Там гортанный, пронзительный крик!

«Верхний Торум – Златой Сорни
Корыс, Всемогущий и мудрый старик!
Ты услышь, мы кричим во весь голос,
Ты услышь благодарности крик!

Шлём тебе мы поклоны,
приветы! Что не так, ты прости,
извини. Ты продли наши зимы и
лета,
Ты продли наши светлые дни!»

2. Об Аяс-Торуме – внуке богатыря в одеяниях из семи шкур оленя-самца, в форме сказки сказываемая военная песня

1. В годы далёкие, седой стариной покрытые, жил да был вогул знатный да большой, носивший одежду, пошитую из шкур аж семи оленей-самцов! Одежда была насколько богатая, настолько и просторная – такая, что в подоле её мог легко разместиться ещё один человек. Так оно и было: в доме вогула знатного проживал его юный внучек. Пуще собственного глаза берёг его дедушка. Опекал да ограждал. Никуда из дому не выпускал, а на ночь в подол своей одежды, пошитой из шкур семи оленей-самцов, спать укладывал. Так они и жили.

Пришло такое время, настало такое время, и затосковал юноша. Да и как тут не загрустить: песня его – в доме томится, сказка его – в доме пропадает. Дедова опека – неволе сродни. Задумал юноша из домашнего плена выбраться да округу посмотреть. Размечтался: «Может и моя песнь вдаль полетит, может и мой сказ вдаль помчится!» И решил он из дому выйти, как только дедушка уснёт.

Ночь настала. Спать легли. Как только дедушка заснул крепко, юноша выбрался из подола его одежды, пошитой из шкур семи оленей-самцов, и ступил за порог. Оказавшись на улице, стал осматриваться да приглядываться. Подивился: просторный посёлок предстал его взору. А вокруг посёлка – лес лиственничный, красоты невиданной. Встал юноша, как зачарованный, смотрит, и налюбоваться не может. Не заметил, как светать стало.

На рассвете прилетели тетерева и на ветви лиственниц сели. Сели и сидят, так и манят юношу взять лук в руки да стрелу пустить. Так оно и вышло. Выстрелить-то по тетеревам он выстрелил, а вот попасть-то не попал: видно, сноровки не хватило. Пролетела стрела мимо и на крышу маленького домика упала. Что делать? Побежал юноша к домику. Только снял стрелу с крыши, как из дому молодая женщина выбежала, вцепилась в паренька и давай его силком в дом втаскивать. Тот сопротивляется. А женщина, тем временем, его уже в дом к себе втащила. Что делать? Как поступить, чтобы отстала та от него? И решил паренёк пугнуть её железным наконечником стрелы своей. Приставил он стрелу к груди женщины, но то ли не рассчитал, то ли женщина неловко повернулась, но пронзила стрела грудь захватчицы. Обмякла та, да и упала замертво. А паренёк тем временем выдернул стрелу из груди женщины, выскочил из дому и убежал в дом дедов. Вбежал в дом, посмотрел: дедушка его, как спал, так и спит сном крепким. Пробрался он на прежнее место – в подол дедушкиной одежды, пошитой из шкур семи оленей-самцов, и заснул.

2. Настал день. Пробудились дедушка и внучек его. Не успели встать, как в дом ворвался молодой воин и закричал взволнованно, обращаясь к вогулу знатному, носившему одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов: «Твой внучек сегодня свою тётю убил!» Не поверил вогул вести этой, да и как было поверить, если парнишка всегда подле него был, на улицу не выходил. В ярость впал знатный человек, носивший одежду, пошитую из шкур семи оленейсамцов. Выхватил он из ножен саблю свою и бросился на молодого воина, принесшего весть недобрую. А воин выскочил из дому и бежать! Тем и спасся. А вогул кричит ему вслед: «Нечего на моего внучка напраслину возводить. Он из дому-то никогда не выходит, а ночью завсегда в подоле моей одежды, пошитой из шкур семи оленей-самцов, спит. Ещё раз услышу наговор на внучка моего, не сносить тебе головы!»

3. Много ли воды утекло с той поры, мало ли воды утекло с той поры, да только пришли к пареньку как-то его братья старшие и стали звать на охоту весеннюю: мол, нарты с упряжкой оленей-самцов у дома дожидаются. Понял дед, что неспроста братья наведались, видно и вправду вина лежит на внучке его, а, значит, придётся пареньку ответ держать. И ничего уж тут не подделаешь... Только и вымолвил: «Что я могу предпринять, если он зло такое сотворил?» Понял внучек, к чему дело клонится. Ничего не сказал. Молча взял

он свои лук и стрелы и последовал за братьями. Сели они все вместе в нарты, самцами запряжённые, зверями запряжённые, и вдаль погнали.

Долго ли, коротко ли ехали братья на нартах, самцами запряжённых, зверями запряжённых, но приехали, наконец, в город-крепость. Вышли им навстречу две женщины. Взяли они под руки брата младшего, в дом ввели, да там одного и оставили, закрыв дверь снаружи на замок. Ещё пуще дедовой опеки неволя эта оказалась: не вырвется отсюда песня его, не вырвется отсюда сказка его.

Сидит юноша в заточении. Как старшие братья наказали, так женщины и поступают: едой паренька не кормят, водой не поят.

Есть захотел юноша, пить захотел юноша. Начал он просить: «Эй, женщины! Накормите меня, напоите меня». А ему в ответ: «Мы тебя мясом сердца отца твоего накормим, мы тебя кровью тела отца твоего напоим!» День так проходит, ночь так проходит. Сидит юноша один - одинёшенек, без еды, без воды, даже спать не на чем. Взмолился он: «Женщины! Накормите меня, напоите меня!», а они опять в ответ ему: «Мы тебя мясом сердца отца твоего накормим, мы тебя кровью тела отца твоего напоим!» Так он и томился, так он и страдал.

Сколько времени прошло – неведомо. Внук человека, носившего одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов, счёт дням потерял, счёт ночам потерял, обессилел совсем, но духом не пал. Вот однажды к нему с улицы два ребёнка приходят и говорят: «Дядюшка, мать наша – сестра твоя, тебя позвала. Пойдём с нами». Выслушал их внук человека, носившего одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов, и отвечает: «Убирайтесь отсюда да поскорее. Если бы у меня была здесь сестра, разве бы не пришла она ко мне сама, разве допустила бы она, чтобы я какую неделю здесь голодом сидел?» Потоптались, потоптались дети да ни с чем и подались восвояси.

Опять потянулись дни голодные и ночи бессонные. Одни длиннее других. Ещё больше обессилел внук человека, носившего одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов, но духом не сломился. Наконец, однажды, пришёл к нему в темницу мужчина и сказал: «Ну, всё! Выходи на улицу. Там твои братья собираются идти на охоту за семью оленями-самцами, и тебя с собой зовут». Вышел юноша на улицу и видит, братья его лыжи надевают. Говорят ему: «Братишечка, вот тебе лыжи, вот тебе лук. Пошли на охоту вместе с нами». Смекнул внук человека, носившего одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов, что на верную погибель зовут его братья, но виду не подал, а только промолвил: «Вы отправляйтесь, а я вас догоню вскоре». Подумали-подумали братья и согласились: «Куда он от нас денется, ослабевший да обессиленный?». На том и порешили. С тем братья и ушли.

Как только братья скрылись из виду, взял он лыжи, что братья ему дали, разбил их и измельчил в труху, взял он лук, что братья ему подсунули, и искромсал в щепу, взял он саблю, что братья ему приготовили, и разбил вдребезги. А затем обратил взор свой к небу и взмолился: «Сорни Корыс, отец мой небесный! Сорни Корыс, батюшка мой! Хотят меня люди подлые извести, песни меня лишить, сказки меня лишить! Не оставь меня в беде, помоги мне одолеть врагов моих жестокосердных! Спусти для меня лыжи быстроходные, камусом оленясамки покрытые. Спусти для меня одеяние кольчужное с ячейками частыми и прочными. Спусти для меня саблю вострую с бахромой серебристою. Спусти для меня лук заплочный с ободом железным. Спусти для меня колчан ячеистый с семью стрелами быстрыми.

Видел сверху Сорни Корыс беды да несчастья сына своего. Внял Сорни Корыс мольбам сына, и к ногам его опустил две лыжи быстроходные, камусом оленя-самки покрытые. Опустил одеяние кольчужное с ячейками частыми и прочными. Опустил саблю вострую, с бахромой серебристою. Опустил лук заплочный с ободом железным. Опустил колчан ячеистый с семью стрелами быстрыми.

Поблагодарил юноша отца своего небесного да, недолго думая, надел лыжи, облачился в кольчугу прочную, забросил за плечи колчан со стрелами, взял в руки лук, саблю и поспешил в погоню за братьями коварными.

4. Долго ли бежал юноша на лыжах быстроходных, коротко ли бежал, да, в конце концов, настиг он братьев, задумавших извести его, песни лишить, сказку отнять. Завидев их, стал сбоку обходить. Обогнав братьев и вышел навстречу, преградив им путь. Увидели его братья, остановились, оробели, смотрят на юношу, а он их и спрашивает: «Где же, братья мои, обещанное стадо семи оленей самцов, за которым вы, якобы, на охоту меня позвали?» Молча застыли братья, потупив взоры свои. «Если песню свою дальше нести нужно, то дальше и понесём! Если сказку свою дальше нести нужно, то дальше и понесём!», – промолвил юноша, и со словами этими вытянул он из колчана стрелу смертоносную, вложил её в лук с железным ободом, натянул тетиву и подумал: «Если песне моей суждено петься, если сказке моей суждено сказываться, то пусть четырёх братьев моих острие стрелы моей сразит, пусть стрела пронзит сердцевину груди трёх богатырей и пробьёт грудь четвёртого!». Так оно и вышло: четырёх богатырей сразил стрелой смертоносной богатырь юный, четырёх братьев убил богатырь юный, после чего поспешил в обратную дорогу.

Достигнув города-крепости, в котором без пищи и воды держали его в заточении братья, недавно стрелой им пронзённые, начал он штурмовать стены крепости. Гнев праведный и ярость великая переполнили сердце богатыря и сотрясли всё вокруг. В порыве отмщения силой груди своей, силой спины

своей разнёс он частокол, ограждавший крепость. Ворвавшись в город, начал богатырь всё крушить на пути своём. И не было преграды ему, и не было мощи, которая устояла бы перед могучей силой возмездия праведного.

Долго бушевал богатырь, долго месть великая вела его, но, наконец, на ноге тяжесть ощутил, на руке тяжесть почувствовал. Глянул на ногу, видит, на ноге его мужчина висит, глянул на руку, видит, на руке его женщина висит. Взмолились они: «Довольно, довольно! Хватит! Полно! Прекращай бушевать! Прекращай! Так ты и нас ненароком покалечишь. Возмездие состоялось!» Пригляделся он к мужчине и женщине, благим матом вопящим: «Дедушка, это ты?». Тот отвечает: «Да, мой внучек, это я». Спрашивает богатырь у женщины: «Сестра, это ты?» Та отвечает: «Да, брат мой, это я». Огляделся богатырь, мало-помалу успокаиваться начал, бушевать прекратил.

С той поры не бушует он. Под Березово, недалеко от Аяс Павыла лиственничный лес есть, мужчине нельзя там бывать, женщине нельзя там бывать – такое святое место внук человека, носившего одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов, там основал. С той поры далёкой, седой стариной покрытой, Аяс-Торумом все называют его, и днями вечными в лесу священном восседает он.

II. Героическая песня богатыря Тэк ойки

Много слуг в подчиненье имею,
Многолюдный дарован мне край.

Мне никто здесь перечить не смеет.
Вправе я и прощать, и карать.

Я – Тэк-Отыр – такой голосистый,
Я с лисицей по голосу схож, А
коса – с бахромою пушистой,
Будто лисий распушенный
хвост.

А охвостье косы так и вьётся
На обских буреломных ветрах...

Город мой так высок, что сдаётся,
Будто крыши парят в облаках.

Величавый и статный мужчина,
Грозен я, и робеют при мне...
Будь хоть Отыр какой, Героиня –
Знают все, что меня нет сильней.

Я свободен, и в сердце нет места
Для тоски у меня, молодца,
Не досталось мне праведной мести
Ни от матушки, ни от отца.

Не завещана месть мне от предков,
Я свободно живу и дышу. Враг
заходит в мой край очень редко,
Коль появится – я не спущу!

Будь в количестве он волосинок
И шерстинок с овцы иль коня,
Размельчу всех врагов до песчинок:
Нет пощады врагу от меня!

Разрублю всех на мелкие части, До
песчинок врага размельчу. Пусть он
только на пристань причалит, Будет
пища святому мечу.

*

Долго ль, коротко жизнь моя длилась,
Полноводною Обью текла,
Но однажды событие случилось –
Моя матушка вдруг изрекла:

«Хорошо в нашем граде, где крыши
Достигают верхушек дерев, А
бывает что даже и выше, Ввысь
смотреть, очи в небо воздев.

От отца нет завещанной мести,
Не завещана матерью месть, Посему
жизнь твоя – словно песня, И для
странствий в ней времечко есть!

Ты б поехал, нашёл бы, открыл бы
Те места, где мужчины живут. А
потом женский край посетил бы,
Где в обилии жёны спуют».

Царской поступью – мерно и чинно,
Выхожу я из дома к друзьям,
Говорю моим воинам – мужчинам:
«Дорогие мои сыновья!

Как прочны наши лёгкие лодки!
Как украшены птицей, зверьми! Две из
них – самых прочных и ходких –
Оснастите, спустите к Оби.

Много тюков и свёртков пусть грузят,
Шёлк пусть грузят, пусть грузят
сукно...» Всё, как велено, сделали люди.
И дарами заполнили дно.

Много слуг в подчиненье имею,
Многолюден мой славный удел.
Семикосый я, косы – как змеи.
Я богат, своенравен и смел.
На одежды мои воины-слуги,
На собольи одежды мои,
Надевают стальную кольчугу –
Та в узорах сырка чешуи.

Прикоснуться ко мне – слугам счастье!
Праздник им – близко видеть
меня! А в походах моих их участие
– Верх мечты – это надо понять!

Вот удобно меня усадили В
соболиное лодки гнездо, И
команду реку я, Всесильный:
«Лодки в воду, налечь на весло!»

И ударили в вёсла все мигом,
Повинуясь команде моей,
Взорвалась тишина зычным криком
Отплывавших далече людей.

Путь наш трудный, опасный, неблизкий...
Не расстаться б на нём с головой...
Берег крут – после нас будет низким,
Берег низок – поднимем его!

*

И с узорами птичек крылатых,
И с узорами зверя лады
Отплывают, и крика раскаты
Сотрясают владенья мои.

Крик пронзительный, тонкий, высокий,
Крик басистых мужских голосов
Слышен людям, живущим далёко,
Средь речушек, болот и лесов.

Отдаются дрожанием крики В
шестислойной и грязной земле.
На воде кружат пена и блики –
Это вёсла следят на воде.
Мчат в низовье подвижные судна,
Вёсла воду толкают назад,
Рукоять их – из прочного кедра,
И уключины не дребезжат.

Объ-кормилица всюду под нами,

Величава, привольна, сильна,
И даёт пропитанье веками
Людям бедным и сирым она.

Так, плывя, вдаль глядим мы
пытливо. Вот излучину видим реки:
Как опасна она и гневлива, Как
потоки воды высоки!

По одной стороне её воды –
Как из пасти змеиной текут.
По другой стороне её воды –
Как из Кулевой пасти бегут.

Над излучиной – берег с осокой...
А на нём – воспарил в облаках
Град большой, неприступный, высокий.
Нам – туда! И не ведом нам страх!

Вот и пристань. Причалили лодки.
Имя города – Лонгх-авит-нёл.
Вышли на берег скромно и кротко,
Видно всем – гость учтивый пришёл.

Примечаю, гостям здесь не рады:
Путь державшие люди в сей град
Пообтерли столбы у ограды, Но
никто не открыл для них врат.

Рассмотрел я пытливо округу,
Вижу, нарты поодаль гниют.
Слоем мха их полозные дуги
Обросли без хозяина тут.
Вот прогнившая лодка у
плёса... Толстым мхом обросло
её дно. Искорёжены доски у
носа, А хозяина нет – да, чудно!

Вот те на! Люди к граду приходят,
А затем пропадают... Куда?
Поразмыслив, смекаю: выходит,
Что приезжих встречала беда!

Думы эти прервало событие:
Распахнулись ворота гостям,
Значит, не были мы позабыты,
Значит, ждут нас за стенами – там!

Щер-кеви-мор-кеви-кумлын-нари –
Сын мой – помощник, вместе со мной.
В город вошли рука об руку, в паре,
Вышли на площадь за крепкой стеной.

Здесь – в пределах Лонгх-авит-нёл-града
Правят братья, немало их – семь!
Есть сестрёнка у них – вот отрада:
Родилась – удалась она всем!

Не отнять ни манер, ни породы,
Строен стан и прекрасно лицо...
В дом сестры семи Отыров входим,
В дом – размером почти с озерцо.

В дом, размерами с малое море,
Я вхожу, посох в крепких руках.
Постояли мы с сыном, и вскоре
В поварских мы увязли делах.

*

В семь сажений котёл в руки взяли
И подвесили там над огнём.
Оленины туда накидали,
И варить мясо стали мы в нём.
Долго ль, коротко мясо варилось...
На три чаши его разделил,

И на славу оно получилось.
Даже пар своё дело творил!

Подле чаши я с женского края
Положил женский маленький нож,
И к мужскому священному краю
Положил я мужской острый нож.

И настал час великий, сакральный:
Мы с хозяйкою дома вдвоём
Мясо жертвенное, ритуальное Покровителям-
Духам несём.

Мы идём рука об руку вместе,
Сокасаются плечи у нас.
Это знак – женихом и невестой
Стали мы в сей торжественный час!

Наварили в достатке мы пива,
И богатый накрыли мы стол.
Мясо, мёд и напиток – на диво!
Праздник кушаний нежных пришёл.

Наконец, мой помощник-мужчина
Открывает зубастый свой рот,
И хозяйке, и мне, господину,
Он такое посланье речёт:

«Если мненья у вас совпадают,
То не вижу каких-то причин, Чтоб не
слиться здесь женскому краю С
краем сильных, могучих мужчин.

И когда человеческая эра
Установит свой вечный отсчёт,
Вы всё также копытного зверя

Духам ставьте, плечом сжав плечо...» Благосклонно
речь друга прослушав, Понял я, что хозяйка – по мне.
Нет её ни прекрасней, ни лучше, Я мечтал о подобной
жене!

Вот беру я её за предплечье
Ох, как нежно и хрупко оно!
Я беру её в жёны навечно.
Станет мне она самой родной!

Мелким шагом – шажком
росомахи Я иду и невесту веду.
Вот и берег, вот пристань, и махом
Мы садимся с невестой в ладью.

Усадил я в гнездовье царевну,
Именитого Отыра дочь, И
команду я подал напевно,
Чтоб отсель уплывали мы прочь.

Говорю: «Сыновья мои, воины!
Вёсла на воду! Едем домой.
Едем вверх по Оби мы на родину.
Водный путь предстоит нам прямой».

В путь обратный мы, вспенив дорогу,
Вновь на вёслах кедровых идём.
Хоть ослабили и руки, и ноги,
Но домой мы упорно плывём.

Если берег песчаный встречаем,
То крутым его делаем склон.
Если крут, то его превращаем
Мы в равнину, и дальше плывём.

Много плёсов мы преодолели

На питательной, рыбной Оби,
Много омутов, отмелей, мелей
Обошли мы на водном пути.
Наконец, добрались мы до дома,
В наш чудесный родной городок.
Здесь всё ладно, уютно, знакомо!
Высотой он до облаков!

Именитого Отыра дочку
Я под белые ручки веду В дом,
что высится на бугорочке,
В нём семь комнат, и все я блюду.

Вот за полог ложимся мы с милой:
Соболиное гнёздышко там!
В сон глубокий нас с ней уносило,
Крепок сон, сон глубокий – ну, мечта!

Шею режь – не проснёмся с женою,
Не проснёмся – хоть тело руби.
Что творится за градской стеною,
Нам не ведомо – крепко мы спим.

Но однажды жена пробудилась
Средь зловещей и тёмной ночи,
И давай тормошить меня с силой:
«Просыпайся! Не спи! Не молчи!

Будто рыба на нерест в верховье,
Будто зверь дикий на водопой, Вражьи
лодки спешат из низовья В край наш
добрый, священный, обской.

И от берега воинов отряды Вот
уж в нашу сторонку спешат.
Просыпаться тебе срочно надо!»
Только сном я, как прежде, объят.

Дальше сплю крепким сном, сном глубоким,
Так, что можно и тело рубить, А
жена вновь трещит как сорока:
«Прибыл враг, тебя, милый, убить!»
Враг числом, что не хватит шерстинок
Даже у густошёрстной овцы...
Ой, по пристани шествуют чинно,
По посёлку шныряют бойцы.

Крепок сон, что рубить можно шею,
Сколько можно в постели лежать?!
Скоро станешь ты лёгкой мишенью».
Но, как прежде, продолжил я спать.

Вдруг во сне я так ясно увидел:
Край у полога саблей секут.
Глаз открыл именитый
воитель, Соскочил, взял оружие
и кнут.

Как блестит, как сверкает кольчуга,
Звенья, как у сырка чешуя.
Покрываю железной подругой
Одеянье звериное я.

Пятипалой рукой открываю
Дверь входную, на свет выхожу.
Длиннокосый, я всё примечаю,
Ибо краем своим дорожу.

И вгляделся я вверх по теченью, По
течению я вниз поглядел: Там врагов –
как шерстинок овечьих... Предстоит
здесь немало мне дел.

Понял, братья пришли за сестрою
Из селения Лонгх-авит-нёл,

Заодно и покончить со мною...
Как я стал беспощаден и зол!

Голова озаботилась думой.
Что же мыслит моя голова? На
задворках с задворками дома
Надо мне поскорей побывать.
С ободком из железа лук меткий
В руки надобно быстро мне взять,
И колчан с семью стрелами редкий
Поскорее за домом забрать.

С луком метким на площадь я встану
И врагов буду уничтожать.
Я стрелять по врагу не устану,
Мне бы только за дом забежать...

Я врага, хоть песчинка меньшая,
Хоть с пылинку величиной,
Измельчу, искрошу, искромсаю.
Знаю, дело не станет за мной.

Взял я лук, с ободком из железа,
И вложив вмиг стрелу в меткий лук,
В цель пустил, будто гром твердь разверзнул –
Всё покрыл оглушительный звук!

Так я начал громить супостатов,
Беспощаден, могуч, одержим. Я
на ярость стал нынче богатым,
Словно Куль ею вооружил!

Я трёхгранной костистой
стрелою Поразил шестерых из
семи. Были б братья дружны с
головою, Не разбил бы их
братской семьи.

Я сразил, разметал вражью стаю,
Измельчил в легковесную пыль.
Словно снег их отряд быстро таял,
Но крепчал мой воинственный пыл.

Вот дошел я до брата седьмого,
Наступил для седьмого черёд.
Скоро шурина – брата меньшого,
Смерть, как братьев его, заберёт.
Только выхватил саблю из ножен,
Глядь: повисла жена на руке,
Ум её до предела встревожен,
Пребывает в звериной тоске.

Нежный отсвет вокруг излучая,
Говорит с соболиной мольбой:
«В младшем брате души я не
чаю, Пощади, прекрати этот
бой...

Русынг-овлуп-хощи-сев-отыр!
Русынг-овлуп-хощи-сев-богатырь!
Не своди с младшим шурином
счёты, Водвори на земле нашей мир!

Сохрани жизнь любимому брату,
Он ведь шурин тебе! Всё ж родня!
Пусть ему станет высшей наградой
Жизнь, дарованная через меня!»

Чем же женщине я благородной,
Что жена мне и ласковый друг,
У которой, по сути природной,
Есть задача избавить от мук,

Здесь отведу, отведу подумав,
Чем обрадую или огорчу?

Вдаль пустил золотую я думу –
С Обь в длину, ширину,
глубину.

Поразмыслив, обдумав, остынув,
Что же шурина я говорю,
Из Лонг-авит-нёл города сыну,
Именитому богатырю?

«Богатырь именитый,
известный! Ты от матери месть
не ищи! Не ищи и отцовской ты
мести, Поостынь и с меня не
взыщи!
Когда жизнь расцветёт человечья,
Когда зло, месть и зависть уйдут,
Когда раны исчезнут, увечья,
Когда счастливо все заживут,

Ты живи, не ищи злосудий,
Не давай себя в склоки втянуть,
Не живи материнским ты мщением,
Про отцовскую месть позабудь.

Пусть о мести не думают люди,
Пусть наступят спокойствие, мир,
Пусть о мщении все позабудут,
Пусть вражду сменит дружеский
пир!

А когда день наступит осенний,
С хрустом дёрна от заячьих лап,
С хрустом мха от копыт оленьих,
Нужно мне, чтоб придача пришла б

Для моей разлюбезной княгини –
В кольцах ручки её дорогих...
Привезёшь ты дары дорогие.
Это требует муж – не жених!

Мех, добытый отцом, привези-
ка, Одежня, что сшила ей мать,
Сей обычай ведётся от века. И не
след нам его забывать!

После слов-наставлений мы сели
За уставленный яствами стол.
Сколько пили мы, сколько мы ели,
Не один день на это ушёл.

Высотой с гусиную лапку,
Стол ломился от браги и яств,
Мёд пчелиный был сладкий-пресладкий,
В общем, трапеза нам удалась!
На Оби-реке признанный Отыр,
На Оби я, крутой богатырь,
Говорю, преисполнен заботы:
«Шурин мой! Пусть всегда будет мир!

Пусть всегда пребывает меж нами
Мир, порядок, согласие и лад.
Наша дружба пусть длится веками,
Рад тебе я, и ты будь мне рад!

Мы не будем друг другу перечить,
Навлекая безудержный гнев.
Об усобице нет даже речи! Будем
жить, месть на ключ заперев!»

Что же мне шурин мой отвечает?
Что же мне он в ответ говорит?
Говорит, что души в нас не чаёт,
И что месть он свою покорит:

«Опекаемый женским ты духом,
Опекаемый духом мужским,
Зять мой славный! Всегда будь мне другом!
Оставайся всегда ты таким!

Я желаю вам дочек, сыночков!
По сестрице твой род стал и мой...
Чтобы дом ваш был крепостью прочной.
Летом – холодный и тёплый зимой.

На родительских чтобы коленях
Был возвращён тот, кто будет рождён,
Чтобы каждый был вами взлелеян,
Чтобы каждый был вами возвращён!»

*

Много раз за столом мы сидели,
За богато накрытым столом –
Зиму всю и весну – не неделю,
А полгода мы были вдвоём!
Разговоры нас крепко сдружили.
Мирно наши беседы текли.
Много песен мы вместе сложили,
Много сказок мы с ним изrekli.

Но однажды промолвил мой шурин,
Приоткрыв белозубый свой рот: «Хоть
в гостях хорошо – дома лучше... Как
живёт без меня мой народ?

Мои думы о водах и землях,
Где парит в облаках город мой,
Зять мой славный, словам моим внимлешь?
Собери-ка меня в путь – домой!»

Говорю я помощникам-воинам:
«Пригоните-ка стадо моё,
Семь оленей-самцов там в нём стройных.
Это лучшее в мире зверьё!

В стаде есть три моих оленёнка,
Все от самки одной рождены...
Их, поймав, отведите в сторонку,
Запрягите их в нарты одни.

Постелите прекрасные шкуры
Дорогих золотых соболей. В
нарты сядет мой шурин каюром,
И помчится к родной он земле.

Да не спутайте! Нарты возьмите
Те, с которыми юность прошла,
И узоры на них подновите:
Ноги – зверю, а птице – крыла.

В руки дайте хорей из берёзы,
Что расколота вдоль целиком,
Чтобы шурин не ведал мороза,
Больше, больше стелите мехов!
Дайте вы хомуты, дайте вожжи,
Дайте-выдайте также узду – Всё
из лучшей по выделке кожи,
Всё, что долгую сдюжит езду!»

Наконец, наступил час
прощанья. Запряжённые звери
стоят. Нарт узоры о силе
вещают, Глаз и радуют, и
веселят.

Бьют копытом молодые олени,
Одной самкой они рождены.

Одной масти они – восхищенье!
Как красивы они средь зимы!

Соболиное гнёздышко в нартах
Подготовлено шурина здесь,
И хороший запас провианта
На дорогу неблизкую есть.

И вот я, Отыр славный, великий,
Близ со мною никто не стоит,
Глас никто не повысит до крика,
Всяк покорно, смиренно молчит,

Вот беру из Лонгх-авит-нёл града
Брата младшего-богатыря,
Шуряка своего – жены брата,
Вывожу из палат, как царя.

Взятый под руки, Отыр выходит,
Как два солнца мы с ним, две луны.
Он к упряжке оленьей подходит,
Звери в нарты уже впряжены.

Помогаю – сажу его в нарты,
В соболиное в нартах гнездо.
Уж немного осталось до старта:
Всяк вогул болен зимней ездой.

Мы целуемся с ним на прощанье –
Князь один и другой тоже князь.
Так крепки были наши лобзанья,
Что со щёк отслоилась грязь!

Приближается миг расставанья,
Пожеланья звучат и звучат. В три
сторонки расходятся парни, Два
желанья звучат у девчат.

Наконец, миг настал для отъезда,
И мой шурин, даль смерив вприщур,
Головного, в натяжке, оленя
Тронул – справный, видать, был каюр.

И рванулися с места олени,
Заклубилася снежная пыль,
И исчезли из виду в мгновенье
Звери, нарты и сам богатырь.

Только долго под полозом нарты
Наст гремел как раскатистый гром,
Будто бы грозовые раскаты
Громыхали средь молний кругом.

III. Покровители Лор-уса

1 . Героическая песня о богатырях из Лор-уса

ор-ус – город Отыров отважных,
Л Братьев трёх, и всяк из них – хорош!
И великий из троих – ну,
каждый! Где ещё таких орлов
найдёшь!

Младший – Шапка, что Полна Озёрных
Чаяк,
Средний – Сабля в Свете Солнца и
Луны, Старшего от младших отличает
Кожа благородной белизны.

Потому и величали брата
«Отыр в Цвет Кедрового
Ядра».
На троих он был один женатым,
Да жена – не слишком-то добра –

Своенравна, вздорна, вероломна.
Пицинг-най – так звал её народ,
А её гордыня так огромна,
Что немало горя принесёт.

Как-то раз чванливая гордячка,
В лес идти служанкам повелев,
Приказала бересту в вязанках
Ей доставить, ободрав с дерев.

Те спешат в берёзовую рощу,
Обдирают, вяжут бересту,
Доставляют в дом гордячки к ночи –
Точно исполняют волю ту.

Пицинг-най взялась с утра ретиво,

Быстро-быстро делать туески
– Неумело, наспех, суетливо,
Без души и сердца. Не с руки!

И орнамент лапочек гусиных
Красоты почти не добавлял:
Коль сноровки нет, то всё едино
– Не удача будет, а провал.
Час настал показывать работу,
И поделки ставит Пиццинг-най:
«Светлый, как ядро ореха, Отыр,
Оцени! Работу принимай!»

И давай хвалиться и кичиться,
Мол, достойна я твоих высот,
Знатности твоей, мой светлолицый!
В раж вошла, и спесь-то так и прёт...

«Госпожа! Княгиня! Героиня! –
Нет меня умелей и милей,
И твоё, мой знатный Отыр, имя
Я работой славлю на земле!

Оцени, какие теусочки,
Короба какие, оцени,
Смастерила я для рыбки сочной,
Тупоносой, что в Оби... Взгляни!»

w

Мужу одного хватило взгляда,
Чтоб понять тщету её работ.
Вместо ожидаемой награды
Вот что муж жене своей речёт:

«Много у меня и слуг, и воинов.
Да, богат я, знатен, тороват,
Но живу я, как и раньше, скромно:
Есть сухой чебак – ему и рад!

Воину сил прибавит ли достаток?
Пища, как и жизнь, проста, груба,
Так к чему столь коробов да кадок?!
Госпожа?! – Достатка ты раба!!!»

И давай крушить жены поделки:
Короба ломать да туески
До кусочков крохотных и мелких...
Нет спасенья от его руки!
Но жена, горда и поперечна,
Вновь мастачит мужу короба...
Нет, не шутка этот спор извечный
Женщины с мужчиною – борьба!

Вновь орнамент лапковый знакомый –
След от лапок уток и гусей –
Короба украсили весомо,
Туесочки обрамили все.

Вновь жена пытается хвалиться
Мастерством заоблачных высот:
«Где ещё такая мастерица,
Удивляя, радуя, живёт?!

Сладила я короба на славу:
Жир обской из них не утечёт...
Оцени их, мой ценитель главный...»
Муж берёт поделки и сечёт,

И крошит, бекренит, разбивает,
Топчет, рвёт, горбатит и мельчит! –
Как ещё, коль слов не понимает,
Коли разум у жены молчит?!

Но жена, обуяна гордыней,
Сызнова мастачит туески:

Дескать, не впервой мне, героине,
Плыть не по течению реки...

И при этом песни распевала –
Шла о них недобрая молва: В
песнях тех, а было их немало, –
Дерзкие, гневливые слова.

Много больше сделано поделок,
Много больше и рисунков там...
Лезла на рожон – что это, дерзость
Или женской мысли нищета?
В жизни нам встречается ретивость.
Где-то, может быть, она нужна,
Но, коль ты упряма и строптива,
Знай, ты никудышная жена!

В третий раз поделки выставляет
Перед мужем славным Пицинг-
най, И себя прилюдно восхваляет:
«Я – княгиня-героиня, знай!

Не сердись и запасись терпением,
Знатный Отыр, выслушай меня!
Отвлеку тебя я на мгновенье.
Все, что я скажу, сумей понять...

Дни короче станут, скоро осень –
Время ловли рыбы на Оби.
Много выйдет лодок
остроносых, Только успевай –
лови, греби!

Можно много взять обского жира,
Рыба с жиром – не сухой чебак...
Чтоб зимою было место пиру,
Осенью не мешкает рыбак!»

Начал размышлять наш славный Отыр,
Голову в раздумье опустил...
Не постиг он хитрого расчёта,
Хитроумных планов не постиг.

Видно, часом мудрость изменила:
От добра не след искать добра...
Стал готовить он к походу силы,
Пятьдесят дружинников собрал.

Лодки снарядить распорядился,
Дал на сборы ровно три денька. С
Лор-усом отряд почти простился,
И махала не одна рука.
Только собрался отряд отчалить,
Яркий свет весь берег озарил:
То спускался к лодкам величаво Отыр-
Сабля, грозным братец был.

Что-то он зловещее почуял,
Исходившее от их снохи:
«Если весть плохую получу я,
Выбью из башки твоей мозги.

От меня знай, сношенька, не скрыться:
Снизу ни пройдешь, ни проползешь;
Сверху не промчишься, будь хоть птицей, –
Крюком острым выцеплю – умрёшь!»

Пицинг-най от страха подскочила,
И, на берег встав одной ногой,
Молвила: «Смени, зять, гнев на милость...
Можно и не плыть... Хочу домой...»

Что же получается, сказала,

Можно и не плыть, а дома жить, А,
тем самым, как бы и лишала Мужа
предводительства? Как быть?

Нет, негоже Отыру и мужу
Женским настроеньям потакать:
Коль решение принято, то нужно
Взять его и точно исполнять.

Если сел ты, чтоб отчалить, в лодку
Да людей сумел-таки собрать,
То негоже потакать молодке,
Даже если упреждает брат.

*

Наконец-то в путь отряд пустился,
В Обь вошёл из лодок караван.
Остров на пути большой случился,
Там и был разбит рыбацкий стан.
Воины-слуги в пятьдесят мест ездят.
Всяк везёт на остров свой улов.
Много рыбы попадает в сети,
Благостна погода, нет ветров.

Пицинг-най – пролаза и проныра:
Руки-ноги ходят ходуном –
Весь улов разделяет живо
И талдычит мужу об одном:

«Надобно всех слуг послать подальше:
Дальше пусть уйдут они водой!»
Муж в словах не обнаружил фальши,
Не казался слуг отъезд бедой.

А жена твердит об истощенье Ближних
вод: «Пора слуг вдаль послать!» Правда,

муж не скрыл недоумения: «Обь – не лес:
её не исчерпать!

С устья рек – ворот морей холодных
– Рыба поднимается до нас, И к
истокам держит путь свой водный
Каждый день: и завтра, и сейчас.

Рыба поднимается ночами,
Днями свой извечный путь вершит...
Что за чушь: с какой такой печали
Гнать в низовье рыбаков решить?»

Чем короче ум – длиннее косы...
Спорить с Пицинг-най нет больше сил.
Поразмыслил Отыр наш – Пакв-посы –
И жене настырной уступил.

И послал людей он вдаль обскую –
В водах дальних рыбу
добывать, Совершив ошибку
роковую, А затем улёгся
почивать.

*

Надо здесь сейчас оговориться, Чтоб
рассказ продолжить дальше свой: У
супругов сын был светлолицый –
Грудничок-малыш был взят с собой.

Пицинг-най спать сына уложила,
План коварный делать начала.
Рукоять у сабли открутила,
Стрелы поломала – ну, дела!

Тетиву разрежала тварюга,

В шёлковых семь нитей нить сплела
И прошила ими низ кольчуги –
Впредь не облачить в неё тела.

Сын-малыш ночами громко
плакал, Слух отца тем самым
отвлекал: И когда в кустах был
брошен якорь, Отыр наш, Пакв-
посы, не слышал.

Кто, причалив скрытно, якорь бросил?
– Это прибыл русский богатырь. Враг
заклятый нашего Пакв-посы, Он чинил
раздоры, а не мир.

Тетива из сухожилий зверя
Обрамляла мощный лук в узлах... Пицинг-
най своим глазам не верит:
Прибыл прежний муж – вершитель зла.

Зло и зло объединились ночью, А
от лиха можно ль ждать добра?
Предан был женой своей
порочной Отыр, Цветом Кедрова
Ядра.

Рассказала ворогу мерзавка,
Что Пакв-посы безоружен, спит,
Полог где, где стол стоит, где лавка,
И как муж на пологе лежит.
И ворвался русич в помещение,
Саблю обнажил над головой.
Спящего несложно умерщвление,
Но вогул был воин не простой!

Начал Отыр наш сопротивляться,
Но непрочна лука тетива,
И за саблю бесполезно браться,

Сабелька без ручки – не жива,

И кольчугу не надеть на тело –
Не порвать там шёлковую
нить...

Хоть сражался Отыр стойко, смело,
Но нет сил, кого же в том винить?!

Длилась схватка три дня и три ночи –
Схватка двух больших богатырей.
Нету больше силы, нету мочи:
Отыр без доспехов «отсырел»:

Белокожим был, стал краснокожим –
В схватке потерял свой прежний вид.
Двинуть он рукой, ногой не может:
Весь в ушибах, ссадинах, крови.

Словно стал трухлявою колодой...
Только в этот час его жена
Осознала вдруг, что все невзгоды
Принесла не кто-то, а она!

Дрогнула, да было слишком поздно:
От удара – навзничь муж упал.
Русский богатырь, вражина грозный,
Изрубил Пакв-посы, искромсал.

Стал Пакв-посы жертвой вероломства,
Подлого предательства жены,
Но остался сын – его потомство.
Как же без отцов растут сыны?
Да, растут, коль матери не звери.
Только хуже зверя Пицинг-най!
Трудно даже в это и поверить:
Сына умертвить могла она.

Русский не таким был кровожадным,
Он не стал ребёнка убивать,
Порешил: «Пусть жизнь мальцу наградой...
Тятей меня будет называть».

*

Поднят якорь и расправлен парус,
Словно птица парусник летит. Парус
– словно крылья птицы Карыс – В
обское низовье лодку мчит.

Вот однажды к городку подходят: В
камне он на обских берегах – В нём
семь менгквов правят-верховодят.
Русский Отыр ходит в их друзьях.

Прибыли на пристань, бросив якорь,
На высокий берег поднялись.
Менгквы поселили их, однако
Без забот не складывалась
жизнь.

Сон их прерван сабельным
ударом В дверь. Та разлетелась на
куски! И по дому заматалась пара,
Как по клетке мелкие зверьки.

Семь богатырей – послал их Торум –
Обратили к ним свои слова:
«Штиль обской вы заменили штормом –
Кто позволил мир разрушить вам?»

Дальше – больше: свет объял округу –
Месяц выплыл, солнышко взошло.
Выбежав на улицу, супруги
Видят, что возмездие пришло.

Братья убиенного Пакв-посы,
Требуя возмездия, идут.
С двух сторон Оби за ними – войско:
Ратники по ходу всё сметут!

Как верёвка, жизнь витиевата.
Сколько в ней сплетений и узлов,
Поворотов, спусков и хваток... Сорни-
Корыс их готовит – Бог!

Русский богатырь с женой своею
Стрекнул на берег, что есть сил.
Поднят якорь. Вот и парус реет.
Парус их от мести уносил.

*

Нёс их ветер северный в низовье
Рыбной и питательной Оби.
Видят, на цепях небесных новый
Город в белых облаках рябит.

Чей тот город? – Пицинг-най не знает.
Муж заверил: «Там мои друзья – Щахл-
Торума сынов семья большая – Всех их
уж давненько знаю я».

В городок, что на цепях подвешен,
Поднялись: тот шустер, кто гоним.

*

Только в дом вошли, как тут же спешно,
Дверь сломав, ворвался воин к ним:

«Кто живёт преподло, тот тревожит
Мать с отцом. Зачем погано жить?»
Беглецам ту речь понять несложно:
Вновь погоня, снова надо плыть.
Будто солнцем осветило город –
Это братья добрались сюда.
Пишинг-най, упрятавшись за гору,
Видит лодку – братья в ней сидят.

Руки разминают аж до хруста,
Словно сосны в зимний день трещат.
Брат, что звался Саблей в Свете Солнца,
Обратился к брату: «Знаешь, брат,

Мы досюда добирались долго, Руки-
ноги затекли у нас.
Разомнём их, поднимаясь горкой, –
В город мы направимся сейчас...»

*

Посвистел в травинку, подражая
Пению семи крылатых птиц...
К пристани их лодка подплывает
С сотнею бойцов – суровых лиц!

В гору поднялись – да вот заминка:
Без радушья встречен был отряд:
Сверху в них летели не травинки –
Брёвна, только шлемы и трещат!

Всё бросают брёвна и бросают,
Ратники их рубят без труда:
Жаждет сапога нога босая!
Воину битва – как сырку вода!

Шапка, что Полна Озёрных Часк,

Лиственницу, что в него летит,
Саблей богатырскою встречает –
Не такое Отыр отразит!

Лиственницу Шапка в реку бросил,
После обернулся, посмотрел:
Пятьдесят своих бойцов он косит
Тем броском, как будто градом стрел.
Да, попали под горячу руку Пять
десятков собственных бойцов... Эх,
война, несёшь с собою муку! У тебя
жестокое лицо!

Бей своих – чужие заботятся –
Это знает всяк, кто воевал.
Город перестал сопротивляться,
Хоть ворота и не открывал.

Кстати, лиственницей расщепило
Якорную лодку в парусах.
Время, зная, возмездья наступило:
Торум так решил на небесах.

Значит, не сбежит от братьев
русский. Значит, недалёк расплаты
час. Значит, и его жене-подружке
Вскороги придётся отвечать!

*

Братья в град спешат, уже пора им, С
ними воинов доблестный отряд.
Вышибли ворота топорами, Внутрь
вошли, и нет для них преград!

Им выходят сыновья навстречу Щахл-
Торума – все семеро сынов. Молвят

братья: «Кровью человеческой Кто залить
наш городок готов?

Если женщина душою безупречна,
Взять хотя бы Торума жену,
Разве кровь позволит человеческою
Проливать, да каплю хоть одну?»

Доводы понятны нашим
братьям, Привели они пример
другой: Их сноха была не этой
статьи,

При ядре была лишь шелухой! «Подлая жена
кровопролитью

Может по злобе лишь потакать...
Ищем мы сноху во всех укрытиях,
И негоже вам тому мешать!

Подлю заманила брата в сети,
Пособила Отыра убить,
И должна она за зло ответить,
И с дороги мести нас не сбить!»

Сыновья Шахл-Торума внимали.
Поняв всё, в сторонку отошли:
Отыры Лор-уса пониманье
И поддержку полную нашли.

Только сыновья им и сказали:
«Город наш не надо разрушать».
Братья им в ответ пообещали
Все вопросы миром разрешать.

Только воровато вот шныряет По
домам посёлка младший брат –

Шапка, что Полна Озерных Чаек:
Кто не держит слова – виноват!

Кто не держит слова уговора,
Должен по закону отвечать, А
закон один – стреляют вора:
Нужно со стрелою грудь венчать!

Строгим и ответственным был средний –
Сабля в Свете Солнца и Луны – В
брата он пустил стрелу за вредни,
Показав, что слову мы верны.

Мы – не ниоткуда – из Лор-уса!
Знаем цену слову и делам!
Наше слово – не пустяк, не мусор:
Брат нарушил слово – я воздам!
Средний брат лук разрядил с натугой.
Журавлём курлыкала стрела. Повезло,
брат младший был в кольчуге, Та его от
гибели спасла.

Целым- невредимым брат остался,
Только вот стрелой за Обь снесло...
Ну, а Сабля с русским повстречался,
Трое воинов с русичем пришло.

Русский говорит своим лукаво:
«Воины! Поздоровайтесь
сперва, А потом и я... Виновен,
право: Я жену у брата их украл».

И ни слова, что убил их брата,
Отыра из города Лор-ус, От своих
скрыл правду виноватый. Кто
боится правды – тот и трус!

Воины пожелали тут «здоровья»
Сабле в Свете Солнца и Луны –
Стрелы запустили в жажде крови,
Только перехвачены они.

Сабля начеку был, подготовлен.
Был в кольчуге и вооружен.
Градом стрел он ни сражен, ни сломлен.
Был удачлив в этой схватке он.

Стрелы брат поймал своей рукою
И хотел уж русского сразить,
Но подумал, смертью вот такую
Маловато будет заплатить.

Надо, чтоб помучился изрядно,
Чтобы сбилась спесь, иссякнул пыл,
Чтоб другим всем было неповадно
Превращать творенье Бога в пыль!
Пусть стрела пред ворогом воткнётся,
Оторопь охватит пусть его, Пусть он,
смерть почуяв, ужаснётся – Русский
заслужил сполна того!

Метко запустил стрелу из лука,
Только вдруг она взмывает вверх:
Видимо, другую Торум муку
Начертал тому, на ком был грех.

В глаз стрела, влетая, пела звонко,
И моментом превратился враг
В маленького серого мышонка.
Спешно тот нырнул в большой овраг.

Отыр обернулся горностаем,

Резво за мышонком побежал, Ну, а
мышь гагарой как вдруг станет,
Горностай – в ответ гагаркой стал.

Вот врага гагарка настигает,
Только русский резко в небо взмыл и –
К Торуму, и тот его пускает
В дом, там отдышался бывший в мыле...

Подлетает тут гагаркой Отыр,
Только для гагарки дом закрыт.
Крепко-накрепко закрыты все ворота.
Что же делать? Как в том разе быть?

*

Саблею наш Отыр в дом стучится: «Нуми-
Торум! Милый мой отец!
Выдай беглеца! Должна случиться
Казнь. Он заслужил такой конец!»

А Отец в ответ: «Его не выдам.
Грех – лить человеческую кровь!
Милосердней быть давно бы надо,
Братство проповедовать, любовь!» Отыр
умоляет: «Нуми-Торум!

Ты его частично хоть верни!»
«Хорошо. Тогда я в эту пору
Высуну, гляди, его ступни.

Можно сделать малые надрезы –
Капнет кровь на землю, и хорош!
Назиданье будет тем, кто лезет,
Кто не ставит жизнь других ни в грош!»

Пуще прежнего наш Отыр причитает,
Просит Нуми-Торума, отца:

«Опусти пониже, умоляю,
Ноги удалого беглеца!»

Выставлен беглец на обозрение,
Но недолго «радовал» он взор:
Саблей пополам в одно мгновенье
Был разрублен душегубец-вор!

Вниз упали обе части тела...
Старший брат частично отомщён,
И гагарка тут же улетела:
На земле был враг один ещё.

Кто? Да это сношенька, лихая,
С подлою душонкою своей.
Знает душегубка, точно знает,
Что недолго жить осталось ей.

Двух мужей сжила она со свету –
Отыра, в Цвет Кедрова Ядра,
Русского потом, и, прячась где-то,
Третьего лелеять начала!

До земли летел гагаркой Отыр,
Обернулся витязем в траве,
Видит, что сноха опять «в работе»:
Ищет вшей у брата в голове!
Вот проныра, язва и профура ! К
Шапке, Полной Чаек, клинья бьёт,
Не умна она, но и не дура: Да,
нигде она не пропадёт.

«Как тут быть? – вслух размышляет Сабля, –
Меж мужчин понятна мне война:
Там кольчуги, луки, стрелы, сабли...
Здесь же – беззащитна Пицинг-най...

Изначально равенства нет в силе,
Сразу же условия не равны...
Что я изувер, подлец, насильник,
Убивать, коль нет сейчас войны?»

Взял сноху да наземь опрокинул,
Потоптал, за косы отодрал.
Сапогом под зад легонько двинул
– В небо улетела, так ей дал!!!

Пицинг-най летела, кувыркаясь,
Горестно вздыхая налету:
«Что же за судьбинушка такая?!
Ну, куда я всё же упаду?

Коль упала б в тёплую постель я,
Начала бы праведную жизнь,
Ну, а если на верхушку ели,
То бы день помучилась, кажись...»

Повезло ей. Видно, Торум милость
Проявил к злодейке Пицинг-най:
В тёплую постельку
приземлилась, И на том
закончилась война.

*

Братья удалились восвояси.
В мире и согласии живут.
Оженились и познали счастье,
Дети их во здравии растут.

2. Именитый богатырь

Белолица неумеха –
Богатырева жена.
Цвета ядрышка ореха
Кожу холит всё она.

Чем лелеять щёчки, уши,
Заполняя день пустой,
Помогла бы лучше мужу,
Занялась бы берестой.
Только нет у той заботы,
Душу вкладывать в работу...

Бересту с дерев дерёт
Кузовки неловко шьёт,
Бересту нарежет лентой –
Туески нашьёт моментом.
По краям своих поделок
Вырежет куниц и белок,
Вырежет лесную птицу...

Похвалялась молодлица:
- Для тебя, богатыря,
Постаралась я не зря:
Примет этот туесок
Рыбки северной жирок.
А сушить обскую рыбку
Кузовок поможет шибко...

Поднял муж жены поделки,
Усмехнулся тем подделкам,
Тряханул – в семи местах
Развалилась береста.

Хоть жена не знала дела,
Слёзы лить она умела.
Села, сгорбилась и плачет:
«Не видать мне здесь
удачи...» Уревелась неумеха,
Ей, лентяйке, не до смеха:
«Где же тот живёт дружок,
Что оценит туесок?...»

Ночью ей богатство снится, С
ним ведь можно век лениться.
Шепчет: «Ниже по Оби,
Может, повезёт в любви...»

Муж, склонившись к изголовью,
Понял только, что в низовье
У питательной Оби
Можно век прожить в любви.

*

На беду те мысли мужу
Глубоко запали в душу:
«А жена-то ведь права,
Хоть без рук, но голова!...»
Только главного не понял
Богатырь в жене-засоне:
Что предаст она его,
Господина своего.

Стал он войско собирать
И собрал большую рать. (
А в низовьях реки
Поджидали рать враги...).
Сто пятьдесят бойцов собрал.
Младший брат лишь отказал...
Молвил брату: «Не пойду...», –
Словно чуял он беду...

Был вождю соструган плот,
Предварял он лодок флот.
На плоту – большое ложе,
Отдохнуть там Отыр сможет
С хитро-мудрою женой,
Что была всему виной...

В путь готовились
пуститься... Тут на берег брат
спустился. Да, такое редко
встретишь Где ещё на белом
свете:

Встали рядом оба брата, Как
два солнца в час заката.
Младший брат был грозен
очень И отъездом озабочен.

Подошел к своей снохе,
Будто к рыбьей требухе.

Подстрекателя в ней видя,
Молвил он, беду предвидя: -
Если мне загубишь брата,
Будешь смертью ты взята.
Под доской зырянской лодки
Путь закончишь свой, молодка...

- Не гневитесь, не печальтесь,
Не за смертью рать отчалит... —
И притворщица молчком
Подтолкнула плот бочком.

*

Сколько дней, ночей подряд
Плыл в низовья отряд...
Наконец, к речному плёсу
Повернулись лодки носом.
Богатырь окинул взглядом
Берег, что простёрся рядом.
Там раздолье для оленей,
Для охоты вдохновенье.
И, подумав, приказал:
«Здесь устроим мы привал!»

Богатырь распорядился,

Дивный брег преобразился,
И котлы с едой, питьём
Задымилися на нём.
Приготовили, наелись,
Напились и разговелись.
А потом объял всех сон,
Вечным стал для войска он... Богатырь
улёгся в лодке...

Не до сна – жене-молодке:
Низ кольчуги так зашила,
Не проскочит даже шило.
Латы не надеть на тело, Хоть
ты трижды будь умелым.
Без гвоздей на рукояти,
Не достать из ножен саблю
– Гвозди вынула жена; Всё
подстроила она!

И, как смерч, на светлом плёсе
Вдруг возникло вражье войско,
И давай стрелять, рубить –
Сонных-то легко губить.

Без кольчуги и без сабли
Силы Отыра ослабли...
И, пронзённый там стрелой,
Путь закончил свой земной!

А жена вся недолга
Тут же замуж за врага –
Русского богатыря.

Кровью плакала заря...

*

Не прошёл трёхдневный срок,
Родился в семье сынок.

Новый муж и говорит:
– Должен быть малец убит!

Но, обдумав, поразмыслив,
Муж с женой сошлись на мысли,
Пусть живёт, ведь он, малец,
Знать не знает, кто отец.

Мальчик рос, и двух братишек,
Двух балованных
мальчишек, Родила для мужа
мать... Что на это ей
сказать?

Годы чередой прошли.
Все мальчишки подросли.
Дети русского отца
Вместе всюду без конца,
А вогульский-то сынок
Бесконечно одинок.

Дети русского играют,
Брата братом не считают,
И железный обруч свой
Бьют упорною ногой,
Бьют жестоко, бьют вдвоём,
Дескать, брата мы собьём.
Только брат не шевельнётся,
И играючи все кольца
Тот умело отбивает,
Братьев чуть ли не сбивает,
И от силушки такой
Под спиною и ногой
У парнишек ноет тело,
Руки, ноги – всё немело.
Зависть их съедает, злоба
И цедят сквозь зубы оба:

- Где ты силу смог набрать?...
А вообще, ты нам не брат!

Издеваются братья:
– Ты нам вовсе не родня!
Твой отец был нашим бит,
И повержен, и убит.
Там, на обских островах,
На лесине голова...
Развевается на палке,
Словно пух озёрной чайки.
Это твой родной отец.
Наш же тятя – удалец!

Сын пошёл понуро в дом,
Мать была в ту пору в нём:
– Что, сыночек, загрустил,
Нос так низко опустил?
Сын, как было, всё сказал.
Он предательства не ждал.
Но в итоге был с порога
Тотчас изгнан за ворота.

И за крепостным забором
Исполненья приговора,
Плача и вздыхая, ждал:
Завтра – казнь, он это знал.

*

Паренёк, ища защиты,
Вдруг двоих встречает нищих –
Старика с своей женой... Дед
вскричал: «Племянник мой!
Завтра жизнь твою загубят Эти
нелюди-нелюди.

За тобой я наблюдал,
Этого давно я ждал.
Знал, что рано или поздно,
Но наступит час угрозы
Твоей жизни молодой...
Надо плыть тебе домой!
Саблю ты прими, кольчугу,
Лодку на воду спускай, Из
погибельной окружи
Поспешай в родимый
край.
Ночь не спи и жди погони,
Вверх гребь ты по реке,
Опасайся, что догонят.
Силы береги в руке».

Сел в доспехах ладных в лодку,
И понёсся вверх он ходко.
Грёб весь день, потом – всю
ночь. Исполнял совет точь-в-
точь. Долго, коротко ли плыл,
Силу вкладывая, пыл.
Заприметил, впереди Лодка на
него летит.

В устье маленькой речонки
Спрятал он свою лодчонку.
Слышит, люди говорят:
– Где ты спрятался, варяг?
Покажись. Тебя не тронем!
Защитим от злой погони.

«Будь, что будет!» –
паренёк Покидает уголок.
Тут же был людьми пленён
И на лодку водружён:
– Честно здесь держи ответ:
Чей ты будешь, человек?

Парень всё, как есть, поведал:
О несчастьях и бедах,
Об издёвках рассказал...
Дали волю все слезам,
И признали молодца –
Так похож был на отца.

Помнили отца вогулы,
Одобря дружным гулом!
Вдруг поднялся шум и гам:
- Подлым отомстим врагам !
Унижению нет забвенья!

Всех обжёт огонь отмщенья.
И, храня от века честь,
Порешили – будет месть!

*

Дружно крепость
осаждают, Город взят, враг
убегает. И от дерзкого
набега Сотрясалось даже
небо!

А племянник вместе с дядей,
Зорче всех за бегством глядя,
Не дают уйти остатку,
Продолжая эту схватку.
Глядь, на дерево кривое
Забралось трусишек двое:
– Кто же смог туда забраться?
О, да это ж наши братцы!

Те пустились в горький плач:
– Пощади! Ты ж не палач!
Родила одна нас мать!
Надо это понимать!

Слушал он, на братьев глядя,
Их стенанья о пощаде.

Был он доброты большой,
С чистой, светлою душой!
Он слезам позволил течь,
А потом промолвил речь:

- В годы моего отца
Не нашли бы вы лица,
На котором бы слеза
Застилала свет глазам...
А от вашего отца
Кровью плакали сердца!

И за род поганный, злой
Братцев поразил стрелой.

Вдруг услышал звон кольчуг.
Вскинул быстро меткий лук.

И послал стрелу он ту
В воина, только на лету
Тот стрелу перехватил:
- Чуть меня ты не убил, –

Дядя смог ему сказать
И добавил: «Как ты мать
Собираешься казнить?...

Я вмешался, извини,
В очень личные дела:
Жизнь она тебе дала...
Дашь в таких делах совет,
А потом – держать ответ...

Мать казнишь, мол, рад
стараться, Позже с дядей будешь
драться. Мол, я это преступление
Совершил по наущенью. Дескать,
дядя научил,
Вот я мать-то и убил...»

Но племянник, без
сомненья, Одного был с
дядей мненья: Сук
подправил богатырь И
нанизал мать на штырь.

Отомстил сын за отца –
Враг повержен до конца.

Постарался сын не зря:
Честь отца-богатыря
Отстоял: враги разбиты,
Ну, а сам стал именитым.

IV. Сказ о князе-богатыре Лиственничного города

1. Во времена далёкие, во времена достопамятные жил да был князь-богатырь Лиственничного города. Тридцать лет ему в ту пору уже исполнилось, а кроме дома да округи нигде богатырь не хаживал, ничего не видывал.

И вот, наконец, двое братьев его старших мыслью одной озаботились: «тридцать лет живёт брат наш младший, а ничего-то за пределами дома своего и не видал. Пора бы ему отправиться на поиски той стороны, по которой женщины ходят, той стороны, на которой женщины живут». На мысли этой и сошлись. Стали плот строить да в дорогу собираться, чтобы сторонку женскую найти.

Через некоторое время присылают братья к брату своему младшему посыльного с вестью, что, мол, братья плот из двух рядов деревьев соорудили да собираются искать край, где женщины ходят, и зовут с собой брата младшего. Выслушал посыльного князь-богатырь Лиственничного города, ни слова не проронил в ответ, дальше сидеть продолжил.

Прошло какое-то время. Шлют братья к брату своему младшему второго посыльного: «Плот готов прочный, брёвна в нём плотно связаны в два ряда. Приди, брат! Мы ждём тебя». Выслушал посыльного князь-богатырь Лиственничного города, ничего не сказал и на этот раз: как сидел, так и дальше сидеть продолжил.

Наконец, присылают братья третьего посыльного: «Плот давным-давно готов. Осталось только на воду спустить его да от берега оттолкнуться. Лишь тебя, брат, ожидаем». Как услышал князь-богатырь Лиственничного города весть эту, так встал быстро, взял свой меч, взял свой лук и на берег поспешил. Спустился к реке, и на плот, сколоченный из двух рядов брёвен, прыгнул. С тем братья и отчалили.

Долго ли братья плыли, коротко ли плыли в поисках женской стороны – неведомо это. Однако в один из дней город-крепость на берегу глазу открылась. Причалили братья. На берег вышли. В город вошли. В городе том правил князь-богатырь с обликом железной гагары. Был он своенравный да коварный, подлый да вероломный. Но не ведали этого братья. Отправили они к князю-богатырю с обликом железной гагары свата своего с предложением отдать дочь свою замуж за князя-богатыря Лиственничного города.

Выслушал свата князь-богатырь с обликом железной гагары да задумал воспрепятствовать свадьбе. Но ни слова не сказал притворщик свату о мыслях своих гнусных, а вслух проговорил льстиво:

- Чтобы свадьбу сыграть, дом свадебный нужен, дом новый гостиный нужен. Пусть дорогой наш зятюшка и братья его досточтимые подождут несколько дней, пока мы построим его, пока мы оборудуем его.

Через несколько дней дом новый свадебный построен был, дом новый гостиный оборудован был, и князь-богатырь с обликом железной гагары с посыльным весть шлёт, мол, пусть зять дорогой и братья его, досточтимые, в дом новый пожалуют. Те, ничего не подозревая, и пожаловали. А как вошли

они в дом новый, так тут же за ними дверь-то и захлопнута была, да на замок-то с улицы и заперта.

В западне гибельной оказались братья. Да мало того, по приказу князя-богатыря с обликом железной гагары в крыше дома дыра была сделана, и через дыру эту в дом огонь спущен был. В огне решил погубить братьев подлый князь-богатырь с обликом железной гагары. И почти удался ему замысел коварный: двое старших братьев заживо сгорели в том огне пламенном. Но в отношении князя-богатыря Лиственничного города затея эта гнусная не удалась. Изловчился он, уменьшился в размерах до искорки крохотной да в трещинку в стене и выскочил наружу. Быстрее ветра помчался он к реке. Но как ни бежал князь быстро, а всё же враги подлые стрелой меткой в ногу его ранили. Хромая, он всё же до реки-спасительницы добрался и в воду нырнул.

Как трава сухая, выброшенная в воду со дна лодки, долго плывёт и не тонет, так и князь-богатырь Лиственничного города долго плыл то по воде, то под водой, спасаясь от погони вражеской. Вынырнет, вдохнёт воздуха речного, и опять скроется в водах тёмных, врагам невидимый. Так и добрался он до мыса, молодой озёрной травой покрытого. Выполз он, обессиленный, на берег и рухнул в забытие, недвижимый.

Сердцем почувствовала дочь князя-богатыря с обликом железной гагары, что суженый её в беде находится, в помощи нуждается. Побегала она со служанкой берегом искать своего князя-богатыря. Сердце девичье, любовью напоённое, на мыс-то её и привело. Видит, лежит там князь-богатырь Лиственничного города недвижимый. Взяли они со служанкой шкуру оленью да положили на неё богатыря раненного и незаметно домой отнесли.

Откармливала да отпаивала жена молодая богатыря своего. В конце концов, и выходила она его. Затянулась рана на ноге его, зажила, вернулись к нему силы богатырские, и решил он на сторону родимую подаваться. Понимал он, что, если обнаружит его князь-богатырь с обликом железной гагары, не сносить ему головы. Простился с женою молодой да в дорогу поспешил.

2. Долго ли шёл богатырь, коротко ли шёл богатырь, но однажды погоню почувл. Обернулся назад и видит: князь-богатырь с обликом железной гагары с войском своим за ним гонится. Ещё немного и схватит подлый князь-богатырь богатыря нашего. Не сносить тогда головы князю-богатырю Лиственничного города. Что делать? И оборотился тут князь-богатырь Лиственничного города белкой рыжею. Взобрался на кедр высокий, нашёл там расщелину, а в ней – гнездо, и юркнул в него. Затаился. А тем временем злодей – богатырь с обликом железной гагары, с войском своим оказался на том месте, где след беглеца потерялся. Искали-присматривались, смотрели-приглядывались, да не смогли след беглеца обнаружить. Так ни с чем и

убрались восвояси. А князь-богатырь Лиственничного города спустился вниз, обернулся человеком да дальше поспешил.

Долго ли шёл богатырь, коротко ли шёл богатырь, только добрался он до реки рыбой богатой, с водой тёмной – той, что Сосьвой называется. Поплыл он вниз по течению реки. Долго ли плыл, коротко ли плыл, но добрался, наконец, до крепости каменной, что в устье Сосьвы возвышалась, где дядя его жилиправили. Рассказал племянник о злоключениях, на долю его выпавших. Выслушали его сородичи, посочувствовали да подсобили: дали князю-богатырю Лиственничного города стадо оленей да обоз, оленьими быками запряжённый.

Двинулся князь-богатырь Лиственничного города в путь обратный, чувством скорби за братьев своих убиенных преисполненный, чувством мести праведной к богатырю с обликом железной гагары объятый.

Крепость ломал он силой спины своей богатырской, город громил он силой груди своей могучей. И не было пощады лукавым да подлым лиходеям злого города. Наконец, ворвался он в дом дочери князя-богатыря с обликом железной гагары и увидел жену свою, а рядом с ней – молодого мужчину. Чуть было не рассвирепел князь-богатырь Лиственничного города, да вдруг видит: будит женщина мужчину и говорит:

– Проснись, сынок, вставай! Отец твой пришёл!

Оказывается столько лет прошло с той поры, как разлучились муж с женой, что сын их вырос и взрослым стал! Обнялись все трое, поцеловали друг друга да, недолго думая, стали пожитки свои собирать да укладывать в обоз, оленьими быками запряжённый. С тем в путь и отправились.

Долго ли спускались вниз по течению Оби рыбной, с водой светлой, коротко ли спускались, но однажды добрались они до земли богатой. Там и обосновались. А близ земли той князь-богатырь Лиственничного города основал место священное, женщинам в котором бывать запрещено, и стал он восседатьправить там. В месте этом ему и сегодня под именем «Дед озёрный – трава танга (мох-огниво)» люди поклоняются, сласти да угощения всяческие приносят, старину седую вспоминают, о жизни думают.

V. Мир-Суснэ-Хум (За Миром Смотрящий Человек) – сын Торума

1 . Сказка о рождении Мир-Суснэ-Хума, Эква-пыг-пыгрища

1. Нуми-Корыс, Отец Всевышний, меж двух небес, двух космосов, вниз спустил сыновей своих – Нуми-Торума, Щахыл-Торума, Топал ойку и дочь свою – Калтащ экву.

Старший из братьев – Нуми-Торум, взял в жёны русскую женщину. Всё бы хорошо. Да вот однажды обнаружил он, что обманывает его жёнушка – изменяет ему с северянином – Хуль-Отыром. Рассвирепел Нуми-Торум, схватил изменщицу за волосы, да трижды её головой о твердь небесную и шарахнул. А после через отверстие для обозрения земли вниз сбросил и забыл о ней, как и не было её вовсе.

2. Время прошло, и вот как-то сестра Нуми-Торума – Калтащ эква, вниз прислушалась. Слышит: где-то ребёночек плачет. Глянула через отверстие для обозрения земли и видит: жена опальная брата старшего лежит на берегу Оби – туда она свалилась, и два ребра у неё от удара разломаны. Но, самое главное – ребёночка она родила, да не простого, а с золотыми ручками, золотыми ножками. Жалко стало Калтащ экве золотого младенца. Спустилась вниз, на землю, и стала растить-воспитывать племянничка – золотого мальчика.

Вырос мальчик – юношей стал, в мужчину превратился. Да не просто Отыром, а Мир-Суснэ-Хумом стал!

Земля солнечная – его могуществом процветает. В домах, куда русские ходят, куда вогулы заглядывают, поклоняются ему!

Сказка его занимательная – вдалёк уносится, песня его примечательная – вдалёк летит!

Не родился на земле воин крылатый, чтоб крыла мог распростереть над Мир Суснэ-Хумом! Не появился на земле воин ногастый, который бы смог достоинствами своими принизить могущество Мир-Суснэ-Хума!

Любого пролетающего крылатого Торума он сверху придерживает! Любого пробегающего ногастого Торума он внизу достает! При малейшем его движении земля священная, обетованная, вздрагивает! Вот какая сила у Мир-СуснэХума! Поэтому вот сказки о нём слагают, песни о нём поют!

2. Песня о том, как Мир-Суснэ-Хум, сын Нуми-Торума был на землю спущен

Нуми-Торум с женой разругались вконец. Нуми-Торум так рассвирепел, что зарубить её вознамерился, за саблю острую схватился. Начал было её над головой вздывать, да сын его старший – Полум-Торум, удержал: спас мать от гибели верной. Но отец – Нуми-Торум, видеть жёнушку не мог более. Проклял он её, да и изгнал на землю нижнюю. Та, на земле нижней оказавшись, вскорости, вдали от глаз любопытствующих, ребёночка родила – мальчугана с золотыми ручками, с золотыми ножками.

Долго ли, коротко рос мальчуган, стал на улицу ходить – бегать-играть. Вот так, однажды, бежит он по улице деревенской и видит: люлька стоит, красивая такая с ободками серебряными. Чудно, да и только! Сел в неё мальчик – поиграть решил, а тут Нуми-Торум, отец, люльку вверх-то и поднял. Оказался мальчик в пенатах отцовских. Взяли его из люльки и в дом отца – Нуми-Торума, ввели.

Стал там мальчик жить. Растят его ночами, растят его днями. Сегодняшняя одежда завтра уже тесной становится. Новая одежда нужна! Встаёт завтра и другую одежду надевает. Быстро растёт песенный человек, сказочный человек! Однажды говорит он отцу своему – Нуми-Торуму: «Послушай меня, отец! Отпусти меня на землю, людьми населённую».

Сажает его отец в люльку с серебряным изгибом и опускает на землю нижнюю, людьми населённую.

Опустился мальчик на крышу дома отцова брата старшего – Туруй Пунпа Хума, что означает Перьев Орлана человек. Грозным раскатом грома небесного опустился.

Выбежал Туруй Пунпа Хум на улицу, взял мальчугана, в дом ввёл. Растить стал.

Всё бы ничего, всё бы ладно, да вот беда: жена Туруй Пунпа Хума частенько побивает мальчика.

Вот-вот кости окрепнут. Вот-вот тело нальётся. Да не угомонятся родственнички. То сношенька руки распустит, то сам Туруй Пунпа Хум рукой приложится.

Слезам горючими от обиды горькой отрок уливается. Вот как-то вышел он на улицу. Темнело. Пришёл он на площадь. Смотрит: люлька отцовская с изгибом серебряным стоит там – его дожидается. Сел он в люльку, а отец его – Нуми-Торум, вверх люльку и поднял. Оказавшись в отцовских пенатах, вышел он из люльки.

Провели его слуги в покои Нуми-Торума. Стал там жить отрок. Растят его ночами, растят его днями. Сегодняшняя одежда назавтра уже тесной становится. Новая одежда нужна! Встаёт завтра и другую одежду надевает. Быстро растёт песенный человек, сказочный человек, но до возраста взрослого мужчины пока не дорос.

Вновь на нижнюю землю проситься начал. Ночами просится, днями просится. Да отец его – Нуми-Торум, удерживает: кости, мол, ещё слабоваты, тело ещё не окрепло.

Долго ли, коротко рос сынок. Но, наконец, кости его окрепли, тело его силой налилось. Стал он статным да красивым. Сильным да ловким. Говорит он Нуми-Торуму:

– Послушай меня, отец! Отпусти меня на землю, людьми населённую.

Садит его отец в люльку с серебряным изгибом и опускает на землю нижнюю, людьми населённую. Да задержал он люльку меж двумя небесами, двумя мирами.

Коли Нуми-Торум южный ветер сотворит, люльку к северному морю относит, коли Нуми-Торум северный ветер сотворит, люльку к южному морю относит. Вот Нуми-Торум дождём проливается, а тело юноши, тем временем, крепостью наливается, мощью наливается. Вот Нуми-Торум ветром дует, а кости юноши, тем временем, всё крепче и крепче становятся.

Семь летних пор обливало его дождями, семь зимних пор обдувало его ветрами. Возмужал юноша! В мужчину превратился, богатырём стал! И лишь тогда только спустил Нуми-Торум сына своего младшего на землю, людьми населённую.

Грозным раскатом грома небесного опустился он на крышу дома Туруй Пунпа Хума. Ковш берестяной, три угла имеющий, на три стороны разметал. Ковш берестяной, четыре угла имеющий, на четыре стороны раскидал. Туруй Пунпа Хума и злыдню-жёнущку – обоих убил.

3 . Песнь о воспитании Мир-Суснэ-Хума, растущего сына Нуми- Торума

Хорошо расти человеку, если мать с отцом души в нём не чают. Холят, любят, нежат и лелеют. Да вот ведь беда: как изнеженному, да заласканному дитятке жить-то впоследствии? Разве сможет он все невзгоды преодолеть? Вытерпеть, выстоять, вырасти, вынести?

Подумали думу родители да решили отдать сыночка младшего в руки чужие. Только в людях и вырастает человек крепким да закалённым, смирным да терпеливым, добро помнящим да ласку ценящим. А посему отдан был сын каким-то деду с бабкой.

*

Долго ли, коротко держат-растят мальчишку дед с бабкой, но вот однажды заглянул к ним русич густоволосый – дружок их закадычный. Сидят они с гостем, пьют, едят, и тут русич обращается к деду:

– Послушай, приятель! Продай-ка мне мальчишку этого. А цену за него сам назначь. Проси – не стесняйся!

Отвечает ему дед:

– Какие могут быть меж нами счёты? Дружба наша цены не имеет. Коль нужен мальчик, то просто бери!

И вот сынок младшенький, отцом взлелеянный, матерью милованный, был отдан русичу густоволосому. Привёз тот его к себе домой. Дверь в комнате, где держат его, на навесной замок закрывают, грязной водой, после мытья оставшейся, плещут на него.

Долго ли, коротко ли продолжалось это, да вот однажды к русичу густоволосому дружок его Нёхсын Ёрын – ненец соболиный, пожаловал. За стол они уселись, пьют, едят, и тут ненец соболиный обращается к русичу:

– Послушай, друг! Продай-ка мне мальчика этого. А цену за него сам назначь.

Проси, не обижу!

Отвечает ему русич густоволосый:

– Какие могут быть меж нами счёты? Дружба наша цены не имеет. Коль приглянулся малец, то просто так его бери да увози.

*

И вот сыночек младшенький, отцом взлелеянный, матерью милованный, был передан ненцу соболиному и увезён был от русича густоволосого.

Долго ли, коротко ехали, да всё-таки к деревне подъехали. Но мытарства на том не кончились, а дальше продолжились: тынзян крепкий, тридцатисаженный, как узду конскую, на шею мальчику накинули. Из саней вытолкнули, а другой конец тынзяна к нартам привязали. И вот он на тынзяне волочитсЯ. То в одну сторону дороги его заносит, то в другую. Барахтается в снегу, бедняжка, будто глухарь пёстрый.

А на обочине дороги деревенские ребятишки от смеха корчатся: «Вот хозяин наш трёхлетнего самца-мальчугана заработал!» В это самое время в самом конце деревни из дома, что величиной с орешек кедровый, выглянули на улицу женщина с мужчиной:

– Дети! Дети! Над чем вы смеётесь-похохатываете?

– Да вон посмотрите, какого трёхлетнего жертвенного самца-мальчугана хозяин наш заработал!

А те в ответ:

– Смотрите, досмеетесь-дохохочетесь. Как бы этот трёхлетний жертвенный самец-мальчишка вашего хозяина и семь его городов, на Кызыме стоящих, не смёл бы в одночасье силой спины своей могучей, не уничтожил бы мощью груди своей богатырской!

Тем временем хозяин-ненец соболиный с мальчиком в город прибыли. Нарты хозяин на стоянку поставил, а мальчику наказал их охранять. Сам в дом вошёл.

Сколько вариться в котле рыбе замороженной, столько времени не было ненца соболиного, затем вышел он, в нарту сел, дальше поехали.

*

Долго ли ехали, коротко ли. Выехали на равнину снежную, место открытое. Вдали деревня виднеется. Опять ненец соболиный тридцатисаженный железный тынзян накидывает на шею мальчика и выталкивает его из нарт в снег белый. А другой конец тынзяна к нартам привязал, и вот мальчишка на тынзяне волочитсЯ, то в одну сторону дороги его заносит, то в другую. Барахтается в снегу, бедняжка, будто глухарь пёстрый.

А на обочине дороги деревенские ребятишки от смеха корчатся: «Вот хозяин наш трёхлетнего самца-мальчугана заработал!»

В самом конце деревни из дома, что величиной с орешек кедровый, выглянули на улицу женщина с мужчиной:

– Дети! Дети! Над чем вы смеётесь-похохатываете?

– Да вы только посмотрите, какого трёхлетнего жертвенного самца-мальчугана хозяин наш заработал!

А те в ответ:

– Смотрите, досмейтесь-дохохочетесь. Как бы этот трёхлетний жертвенный самец-мальчишка вашего хозяина и семь его городов, на Кызыме стоящих, не смёл бы в одночасье силой спины своей могучей, не уничтожил бы мощью груди своей богатырской!

Тем временем, хозяин-ненец соболиный с мальчиком, на тридцатисаженном тынзяне, в город приехал. Нарты на стоянку поставил и мальчику наказал нарты охранять. Сам в дом вошёл.

Сколько вариться в котле рыбе замороженной, столько времени его не было, затем вышел, в нарту сел. Дальше поехали.

Долго ли ехали, коротко ли. Выехали на равнину снежную, место открытое. Вдали деревня виднеется. Снова ненец соболиный тридцатисаженный железный тынзян накидывает на шею мальчику и выталкивает его из нарт в снег белый. А другой конец тынзяна к нартам привязал и вот мальчонка на тынзяне волочится, то в одну сторону дороги, то в другую его заносит... Барахтается в снегу, бедняжка, будто глухарь пёстрый.

Наконец, город, в котором хозяин жил, показался. Приехали, оленей распрягли, отпустили. В дом вошли. Спать легли.

Встали назавтра. Хозяин дал мальчику тридцатисаженный железный тынзян и говорит:

– Иди в стадо оленьё, найди двух моих оленей с глазами сороки, с глазами ворона, поймай их.

Пошёл мальчик в верховье Казыма, вышел на просторную заснеженную равнину, где стадо оленьё находилось, зашёл в самую середину стада, видит: два оленя с глазами сороки, с глазами ворона рядом стоят, землю копытами роют.

Взял мальчик тридцатисаженный железный тынзян, собрал в руку и ловко накиннул его прямо на рога этих двух оленей. Заарканил эту пару, связал, захомутал, домой привёл. Увидели это дети ненца соболиного, прибежали домой, и говорят отцу:

– С глазами сороки, с глазами вороны два зверя пойманы.

Не поверил отец:

– Не может быть! Бывает, что воины мои неделю гоняются за этой оленьей парой, поймать не могут. А тут мальчишка какой-то... Где уж ему поймать!

А дети упорствуют:

– Нет, правда, олени пойманы!

Глянул хозяин на улицу: и вправду, пойманы! Говорит мальчику:

– Запрягай их!

Стал мальчик оленей запрягать, да не справился. Лобовую веревку на конец хвоста привязал, а шейную через пах завязал, а ту, что в подбрюшьё пропустить надобно было, под мышки просунул.

Выходит хозяин на улицу, видит: олени неумело запряжены. Взял в руки дубину из рога мамонта, избил мальчика до полусмерти и на помойку посреди городка выбросил. Пришёл домой и говорит детям:

– Дети мои! Скоро жертвоприношение Торуму делать будем. Идите и принесите нежный язычок забитого мною мальчика, мягкий глазик его принесите мне!

Отправились дети в точности выполнять наказ отца. А тем временем избитый мальчик очнулся, пришёл в себя, встал из мусорной кучи и, плача, вдаль побрел.

Вдруг чувствует: ноги его не земли касаются, а как-то по-особому скользят. Глянул на ноги: а он на лыжах идёт – лыжах, покрытых камусом самки оленя. Оглядел он себя: кольчуга с густыми кольцами каким-то чудесным образом на нём оказалась. За плечами какой-то шум почувствовал, оглянулся назад – колчан ячеистый с семью стрелами за плечами обнаружил. Глянул на левую руку – оказывается, рука его лук с железным ободком держит. Глянул на правую руку, а в ней сабля острая с кистью золотой зажата.

Заскользил он на лыжах среди деревьев островерхих, вдаль пошёл. Шёл он, шёл и, в конце концов, на оленьё стадо с семью оленями вышел.

Вытянул из колчана стрелу быструю, вставил в лук меткий, натянул тетиву тугую и всех оленей, будто рыбу, нанизал, пронзил стрелой одной. Потом дальше двинулся. Пришёл он в верховья Казыма, в святыя для ненца места пришёл. На святом месте все деревья изрубил, соболиное капище своротил. После чего вдоль берега двинулся.

Встречает он там сына ненца соболиного. Что же он с сыном тем сделал? Обнажил он саблю острую и на мелкие кусочки разрубил сына ненецкого. Вырезал язык и глаз вытащил, да на остриё одно нанизал. Потом к самому Нёхсын Ёрыну – ненцу соболиному двинулся. Пришёл. Язык и глаз сына на колени старику кладёт. А затем, в окрестностях Казыма, семь городов силой своей груди громит, мощью своей спины разрушает.

После черёд дошёл и до русича густоволосого. Город его силой спины разрушил, силой груди разгромил. И, наконец, к деду заявился.

Удивился дед:

– Внучек! Пришёл, что ли?

– Пришёл, пришёл, как не прийти, – и со словами этими закрыл он деду глаза на свет белый.

Наконец, к Нуми-Торуму, отцу своему, пожаловал.

Вошёл в дом отцовский. Молвил Нуми-Торум:

– Вернулся, сынок?

– Вернулся, – ответил юноша.

4. Сказка о провозглашении Эква-пыг-пыгрища Мир-Суснэ-Хумом и прибавлении ему мощи отцом его Нуми-Торумом

1. У Нуми-Торума семеро сыновей. Одного из семерых Мир-Суснэ-Хумом (за миром смотрящим) выбрать надо. «Кто из нас чести такой удостоится?!» – теряются в догадках братья.

– Я буду! – заявляет Тагт-Котиль ойка – Дух-Покровитель среднего течения Сосьвы.

Среди братьев был и Эква-пыг-пыгрищ. Уж больно любил его дядюшка Тапал ойка (мужчина потусторонний): видно, было за что! Говорит дядя племяннику, накануне испытаний на звание «За миром смотрящий»:

– Племянничек дорогой! Держись меня. Далеко от меня не отходи!

Послушался племянник.

Вот семь коней мчатся. Тапал ойка заявляет:

– Мир-Суснэ-Хумом станет тот из братьев, кто сумеет остановить мчащихся во весь опор коней, да так, чтобы они мордами своими уткнулись в руки претендента. Стало быть, эти руки – самые добрые, самые тёплые, самые ласковые, самые заботливые.

Каждый из братьев выставил руки, в надежде, что именно в его руки уткнутся мчавшиеся кони, да не тут-то было! Кони мчались мимо выставивших руки братьев, и только около Эква-пыгрища остановились кони,

встали как вкопанные и уткнулись в его ладони. «Вот! – воскликнул Топап ойка, – МирСуснэ-Хума сразу видать!»

Однако соревнующиеся не были согласны, посчитав это испытание слишком простым, и уступать не собирались. Кто-то предложил: «Давайте продолжим испытания. Кто первый из нас примчится к дому Торума и коснётся рукой двери его дома, тот пусть и будет Мир-Суснэ-Хумом!» Все согласились.

У кого из братьев конь есть, коня готовит к скачкам, у кого олень есть, оленя готовит к бегам. Дядюшка, Тапал ойка, впряг в нарты двух красных оленят, и, подводя их к Эква-пыг-пыгрищу, промолвил:

– Возьми-ка, племянничек, моих красных оленят. Если у тебя нет никакого другого зверя, то хоть на этих двух оленятах посоревнуйся.

Глянул Эква-пыг-пыгрищ на оленят, подумал: «Ну, разве я на таких слабеньких оленятах доеду... Где сяду, там и останусь...» Да делать нечего. Придётся на оленятах соревноваться. А дядя утешает: «Племянничек, не вешай носа. Коль не вынесут тебя оленята к дому Торума, то большой беды не будет: не всем же в победителях ходить...»

Прыгнул Эква-пыг-пыгрищ в нарты. Дернул вожжи, и надо же быть такому: помчались оленята во весь опор! Хоть и в момент обогнули братья этот мир и примчались к дверям дома Торума, но надо же быть такому: руки братьев, хоть их кони да олени быстры и ловки были, коснулись лишь ладони Эквапыг-пыгрища, а не двери дома батюшки. Выходит, что и в этом соревновании Эква-пыгрищ первым оказался. Стали братья поговаривать:

– Видно, Мир-Суснэ-Хумом тебе и быть!

– Наверное, и вправду мне, – в задумчивости вымолвил Эква-пыг-пыгрищ.

2. Тут Нуми-Торум вмешался и заявил сыновьям: «Вот вам по листочку бумаги. Пусть каждый положит листочек на свою ладонь, и у кого на ладони отпечатаются следы лесных деревьев – зелёного и сухого, тот и есть Мир-СуснэХум».

Взяли братья листочки. Положили на ладони. Подержали. Стали проверять: что же отпечталось на ладонях? Смотрят: у Тагт-Котиль ойки на ладони сухое дерево отпечталось. А зелёное? А зелёного-то дерева и нет! Посмотрели на ладонь Эква-пыг-пыгрища и видят, что на ней отразились не только сухие деревья, но и зелёные! И тут, наконец, все признали, что Эква-пыг-пыгрищ и есть Мир-Суснэ-Хум: «Где люди живут – русские ли, вогулы ли – над всеми ими и будешь ты наблюдать-присматривать!»

3. Сели трапезничать. Пьют, кушают, и тут Эква-пыг-пыгрищ вдруг вскакивает и восклицает:

– Двое мужчин в опасности смертельной! Двое мужчин гибнут сейчас!

– Где? – вопрошают братья.

– Я их спасу, – восклицает Эква-пыг-пыгрищ, – наверх заберу.

– Да где же? – вновь вопрошают братья.

Эква-пыг-пыгрищ отвечает:

– Туда посмотрите. Видите море? Буря началась. А посреди моря рыбацкую лодку ветром перевернуло, и двое бедолаг в воде бултыхаются. Ещё чуть-чуть – и на дно пойдут. Ан нет! Ветер изменился вдруг (о, счастье!) и понёс рыбаков к берегу песчаному. Вскоре на берег песчаный волна их и вынесла.

Всмотрелись все и диву дались: «Да, и вправду ты всё знаешь, обо всём ведаешь!»

И тут отец – Нуми-Торум изрёк:

– Ты и есть Мир-Суснэ-Хум!

После слов этих мощью его и одарил. До дня сегодняшнего мощь его чувствуют и русские, и вогулы, и живут люди под его призором и покровительством, и всегда жить будут!

5 . Отыр, носящий одежду с оторочкой из чёрного меха, – Мир-Суснэ-Хуму сказкой представленная героическая песня

1. Во времена достославные, сколь далёкие, столь и суровые, жил-был Отыр, и носил он одежду с оторочкой из чёрного меха, за что и получил прозвище – «Отыр, носящий одежду с оторочкой из чёрного меха». Вот однажды созвал он своих помощников-сыновей и приказал:

– Идите-ка в лес да принесите-ка мне древесину, пригодную для стрел лука моего меткого.

Сходили помощники-сыновья в лес, добыли для стрел древесину и принесли её Отыру. Тот осмотрел её и недовольно промолвил:

– Что вы мне принесли? Это, по-вашему, пригодная для стрел древесина? – с этими словами Отыр, носящий одежду с оторочкой из чёрного

меха, разбросал по улице принесённое из леса и назавтра вновь послал помощников-сыновей за древесиной для стрел лука своего меткого.

На следующий день помощники-сыновья вновь пошли в лес, вновь принесли древесину для стрел, и снова слышали укоряющие речи раздосадованного Отыра:

- Плохая древесина, очень плохая. Если бы я пошёл в лес, разве бы выбрал такую плохую древесину? – с этими словами Отыр, носящий одежду с оторочкой из чёрного меха, разбросал по улице принесённое из леса и лёг спать. А назавтра встал, облачился в свою одежду, взял свой острый да быстрый топор и направился в лес к гривам берёзовым, гривам лиственничным.

Пришёл он в лес. Ходит, смотрит, выбирает древесину, пригодную для стрел лука своего меткого. Выбирал-выбирал, наконец, выбрал. Только было взялся за топор, как услышал откуда-то сверху гул какой-то. Не успел он поднять вверх глаза, как был крепко схвачен какой-то Большекрылой птицей-чудищем. Попытался Отыр ухватиться за дерево, вцепившись в него, что было сил, да не тут-то было. Птица была чудовищно сильна. Оторвала она Отыра от дерева, подняла над лесом и понесла в даль дальнюю, даль неведомую.

2. Долго ли, коротко ли несла Отыра, носящего одежду с оторочкой из чёрного меха, Большекрылая птица-чудище – неведомо то. Только, наконец, море показалось. Понял Отыр, что в море сбросит его птица-чудище, и найдёт Отыр в море безбрежном да холодном погибель свою. Но не таков был Отыр, чтобы покорно ждать ударов судьбы. Начал он молить отца своего – Сорни Корыса: «Если песне моей суждено дальше петься, если сказке моей суждено дальше сказываться, пусть всплывёт среди моря бескрайнего островок песчаный, величиной с падающего человека». Только вымолвил Отыр просьбу свою великую, как хляби морские разверзлись и вытолкнули из пучины островок песчаный, величиной с падающего человека. Туда-то и упал Отыр, носящий одежду с оторочкой из чёрного меха.

Огляделся Отыр, видит, на островке полно костей человеческих. Собрал Отыр их в кучу, сел на них, взял в руки кость лопаточную, как весло лодочное, и давай грести к берегу. Долго ли грёб, коротко ли, но приплыл, наконец, к берегу. Ступил на твердь земную. Видит, на берегу огромная лиственница растёт, а на её вершине – гнездо чьё-то виднеется. Вынул Отыр топор свой железный, острый да быстрый, да срубил он ту лиственницу огромную, а с ней на землю и гнездо упало. Глянул Отыр и видит, что в гнезде том огромный птенец лежит – детёныш Большекрылой птицы-чудища. Вновь взял в руки Отыр топор свой железный, острый да быстрый да изрубил детёныша на кусочки мелкие, а после снял с себя кольчугу да на пень срубленной лиственницы надел. Манок получил. Затем сам спрятался.

Вскоре прилетела Большекрылая птица-чудище. Видит, лиственница срублена, гнездо разорено, детёныш изрублен на кусочки мелкие. А пень срубленной лиственницы, с кольчугой поверх пня, ей мужчиной-обидчиком показался. В порыве ярости подлетела птица-чудище к манку да со всей силы в пень, будто в обидчика, и вонзила свои острые когти. В момент этот наш Отыр вновь начал молить отца своего – Сорни Корыса: «Если песне моей суждено дальше петься, если сказке моей суждено дальше сказываться, пусть когти Большекрылой птицы-чудища так вонзятся в пенёк лиственницы, так застрянут, что не сможет она их вытащить». И вот, о, чудо: так оно и вышло!

Подскочил Отыр к птице-чудищу и отрубил той голову хищную. А затем опять спрятался. Видит из своего укрытия, что ещё одна – Большекрылая птица-чудище с другой стороны моря подлетает. Та увидала срубленную лиственницу, порубленных на мелкие кусочки своих сородичей и тоже приняла окольчуженный пень срубленной лиственницы за мужчину-обидчика. В порыве злобного отмщенья подлетела птица к манку да со всей силы в пень, покрытый кольчугой, будто в обидчика, и вонзила свои острые когти. В момент этот наш Отыр вновь начал молить отца своего – Сорни Корыса: «Если песне моей суждено дальше петься, если сказке моей суждено дальше сказываться, пусть когти Большекрылой птицы-чудища так вонзятся в пенёк лиственницы, так застрянут, что не сможет она их вытащить». И снова, о чудо: так и вышло!

Подскочил Отыр к птице-чудищу и отрубил той голову хищную, а затем и всю птицу изрубил на мелкие кусочки. После снял с пня свою кольчугу, надел на себя и в путь отправился.

3. Пошёл он в родимую сторонку: откуда принесла его Большекрылая птица-чудище им порубанная, туда и пошёл. Долго ли шёл, коротко ли, – откуда знать – наконец, вышел он к какой-то речушке. Пошёл вдоль русла... Шагалшагал. Устал, притомился. Решил привал сделать. Присмотрел он близ берега ель большую, да и примостился под ней передохнуть. Лежит, отдыхает. Вдруг, откуда ни возьмись, женщина появилась – дочь Хуль-Отыра. Обувь принесла Отыру, а как узнала, что он босой был – неведомо то: может, Духи подсказали, а может, сердце девичье...

Обулся Отыр, и пошли они вместе. Стали жить-поживать. Долго ли, коротко ли жили – откуда знать, но однажды от тестя – Хуль-Отыра – весть принесли: «Пусть зять мой – Отыр, носящий одежду с оторочкой из чёрного меха, – выйдет на улицу поиграть».

Жена Отыра, носящего одежду с оторочкой из чёрного меха, хорошо знала коварный характер своего вероломного отца, и потому упреждающе молвила:

- Выйти-то на улицу – не беда, а вот сможешь ли ты изловчиться так, чтобы живым-невредимым остаться? Подведут к тебе коня, ростом в семь лиственниц. Попросят вскочить на него – это тоже не беда, а вот сможешь ли

ты ухватить немедля серебряные поводья? Как вскочишь на коня, тут же хватай серебряные поводья! Успеешь схватить – уцелеешь, нет – оземь головой, и поминай, как звали!

Запомнил Отыр, носящий одежду с оторочкой из чёрного меха, наставления жены своей. Вышел на улицу, а там коварный Хуль-Отыр его поджидает:

- Зятёк, вскочи-ка на коня, высотой в семь лиственниц !

Помнил Отыр, носящий одежду с оторочкой из чёрного меха, наставления жены своей: прыгнул на конскую спину, и как только в седле оказался, тут же ухватился за серебряные поводья. Вздрыбился конь, заржал и рванул с места в карьер. Во весь опор, во весь дух помчал. Не прошло и время, отпущенное на разжёвывание одного кусочка еды, как конник обогнул семь углов кольцеобразной, круглой земли и вернулся на то место, откуда понёс его конь. Соскочил он с коня, разгневанный, с решимостью твёрдой наказать тестя – Хуль-Отыра – за подлость его коварную.

Взял Отыр, носящий одежду с оторочкой из чёрного меха, топор свой острый – и к тестю. Увидел Хуль-Отыр зятя своего, живого и невредимого, да с топором, и испугался насмерть. Повалился в ноги и взмолился:

- Зять мой дорогой! Пощади неразумного. Не убивай меня. Больше я мешать тебе не буду. Слово даю. Живи своим умом, , как знаешь, а я своим умом жить буду...

Смилостивился Отыр, носящий одежду с оторочкой из чёрного меха, убрал подальше топор свой острый, махнул рукой на тестя глупого и ушел в дом к жене своей. Стали они жить-поживать. А хорошо ли жили, плохо ли, долго ли, коротко ли – откуда знать? Неведомо то...

6 . Сказка об Эква-пыг-пыгрище

1. У бабушки с дедушкой внучек жил. Как и все дети, играл, бегал, рос. Да не дорос пока. А вопросы задавал как парень взрослый. Вот и бабушку свою вопросом ошарашил: «Бабушка моя! Ты давно на земле живёшь – много

видела, много знаешь. А не подскажешь ли мне, где я с женщиной могу познакомиться? Где женский край? Где женская сторона?»

Сообщила бабушка, что внучок её несмышлёный – Эква-пыг-пыгрищ – жениться надумал (а рано ему, ой, как рано!), а потому и ответ её с лукавинкой был: «Ой, внучек, даже не знаю. Хоть до старости дожила, а неведомо мне, где женщины ходят, где их угол, где их сторона», – сказала так и озадачилась: что же придумать такое, чтоб Эква-пыгрищ не наделал дел опрометчивых.

2. Не так много времени с того разговора прошло. Играл как-то Эква-пыгпыгрищ на улице. В дом свой забежал и видит в передней шапку красную – красивую да яркую! Ох, и шапка! Всем шапкам шапка! Только намерился Эква-пыг-пыгрищ её в руки взять да примерить, а шапка – скок в сторону! Он за ней, а она – от него! Так они на улице и оказались. А шапка не даётся в руки, всё дальше упрыгивает. Умчалась шапка, но след-то на снегу остался. Вот по следу несмышлёныш и побежал за ней.

Долго ли, коротко ли бежал он по следу, но, в конце концов, оказался возле дома незнакомого. Что делать? Зашёл в дом. А там... А там и о шапке забыл, потому что предстала перед ним женщина: вот он край женский, вот она – женщина! Знал бы, кто эта женщина, сконфузились бы, но та лица не показывает: волосы длинные расчёсывает, да в косы заплетает: по одной косе живой соболю поднимается, по другой – спускается. Красота! Только лица не видать, а раз лица не показывает, рассуждал Эква-пыг-пыгрищ, стесняется, стало быть, видимо, юная ещё. Вот её-то в жены и надо брать. Эх, бабуля моя, бабуля! До стольких лет дожила, а где женщины живут, так и не узнала. А я вот совсем молодой, а край женский взял, да и нашёл! Пойду-ка домой. Похвалюсь перед бабулей. Да, женюсь, непременно женюсь... С тем и домой подался.

Пришёл он домой, и с порога к бабушке обращается: «Бабушка ты моя! Вот ты до старости дожила, а ума, видно, не нажила: даже не ведаешь, где край женский. А я вот взял да и нашёл. Теперь жениться буду. В доме надо навести порядок: скоро жену приведу сюда. Ты, бабуля, пока все дела отложи, займиська уборкой дома». – С тем дом и оставил.

3. Идёт он по той же дороге. Смотрит, дом маленький стоит, такой маленький, что Эква-пыг-пыгрищ наш на него без труда забраться может. Забрался он на крышу, и через дымоход внутрь заглянул. Видит, дедушка там его спитпочивает. Решил разбудить да рассказать о предстоящей женитьбе. Посыпал он сверху снежку на лицо дедово, тот и проснулся.

– Уффа, – прокряхтел дед, – вот и снег пошёл...

– Дедушка! Это я, внучек твой.

– Вижу, вижу, – прокряхтел дед. – А чего ты в дымоход-то заглядываешь?

Дверей нет, что ли? Заходи, внучек, в дом.

Тот быстрёхонько спустился, в дом зашел.

– Куда наострился, внучек? – поинтересовался дедушка.

– Да жениться собрался. Вот за женой и направляюсь.

– Да кто же так женится?! Как-то не по правилам всё. Обычай у нас такой есть: идущий жениться берёт с собой пожилого, уважаемого человека. Я как раз таким человеком и являюсь. Стало быть, меня и брать надо. Ну, так что:

берёшь меня с собой?

– Да, дедушка! Если ты согласен, то я рад взять тебя с собой.

Начали собираться. Всё бы хорошо, да вот незадача: куда-то запропастилась дедова рукавица. А как пойдёшь зимой на улицу без рукавицы? Никак. Искали-искали. Всё переискали. Нет нигде. Так день-то и прошёл. Стемнело. Наконец, нашлась рукавица. Да поздно уже. Кто же свататься ночью ходит?

Эква-пыг-пыгриц – внучок-несмышлёныш – так ничего и не понял:

– Ты, дедушка, рукавицу-то в карман положи, чтобы назавтра, как проснёмся, встанем, сразу и жениться пойти.

Сказано – сделано. Встали, подпоясались. Всё бы хорошо, да вот ведь незадача: дед шапку потерял. Искали-искали. Нет нигде. Так второй день и прошёл.

Стемнело. Тут и шапка нашлась, а дедушка говорит:

– Темно уже. Куда на ночь глядя идти? Завтра пойдём.

Опять внучок ничего не понял:

– Дедушка, завтра может ремень потеряться, так ты его загодя в карман положи, чтобы завтра заминки не было.

Легли спать. Наутро встали. Идти надо. Жениху не терпится. Да идти-то не в чем: дед обувь потерял. Расстроился внучок, да и на этот раз так ничего и не понял. Махнул рукой, и – в дверь.

4. Бежит по улице. Видит, в одном месте тепло одетый мужичок развёл большой костёр и бока греет. Завидел мужичок паренька и поинтересовался: – Внучек! Куда в такую рань путь держишь?

– Жениться иду!

– А меня с собой не возьмёшь? Старые люди говорят, что в этом деле без бывалого свата никак нельзя обойтись...

– Пойдём, дедушка, пойдём.

Вышли они на дорогу, и пошли. Идут они, идут. А перед ними кто-то сажеными шагами, сломя голову несётся. Ускорили шаг, глядь: а это родной дед несмышлёныша так ходко шествует. Ускорились жених со сватом, смотрят: дед на связку валежника присел и вопрошает: «Что ж ты, внучек, меня на посмешище перед людьми выставляешь? Бросил деда. Так нельзя. Вместе идти надо».

Дальше все вместе пошагали. К невестиному дому подошли. Деды и говорят:

– Ты в дом заходи и выводил свою невесту, а мы здесь на улице посидим, подождём тебя. Да сядем так, чтобы лица невесты не увидеть, и, стало быть, узнать её потом не сможем. Всё по старинным обычаям.

Так и порешили.

5. Вошёл в дом Эква-пыг-пыгрищ. Быстро вошёл. Видит, женщина сидит, работает: нитки из жилы животного крутит. Лицо при этом тщательно закрывает, прячет. Так недотёпа и не догадался, что это бабушка его родная невестой прикинулась. Шуткует, стало быть.

Говорит Эква-пыг-пыгрищ: «Собирайся! Со мной пойдёшь. Женой моей будешь!» Только хотел он взять невесту за руку, как та отпрянула, стремглав выскочила на улицу, и была такова.

Бросился Эква-пыг-пыгрищ на улицу, глядь-поглядь – нет нигде невесты, а дедки подначивают: «Ну, чего стоишь? Беги! Догоняй суженую!»

Что есть силы, рванул Эква-пыг-пыгрищ. Да силёнки-то и не рассчитал: не догнал, запнулся, упал да в забытьё впал. Сколько он так пролежал – не знамо то, а как очухался, к дому своему побрёл.

Заходит домой, и что же он видит: дед его с той женщиной, на которой он жениться собирался, вместе лежат-полёживаются. Обернулся дед к внуку и промолвил: «Внучок ты наш! Хоть сейчас-то ты признал в этой женщине бабушку свою родную? И куда же ты её хотел увести, однако? Однако...».

Только сейчас дошло до Эква-пыг-пыгрища, что разыграли его, несмышлёного.

СОСЬВИНСКИЕ ДУХИ-ПОКРОВИТЕЛИ

VI. О Тагт-Талих ойке (верховья Сосьвы богатыре) – Озёрном Лебеде, Обском Лебеде, Светлом Отыре, военная песня

Там, в верховьях питательной Сосьвы,
Темноводной да рыбой богатой,
Возле озера с чистой водою,
Где кедровник святой простирался,
С деревьями большими, густыми,
Отыр жил – Светлый Лебедь Озёрный
И Обской – так-то он назывался.

Потому в тех местах восседал он,
Что отцом был туда он направлен,
А отцом ему был Нуми-Торум –
Бог великий, могучий,
всесильный.

Ну, так вот: восседал Светлый Отыр,
Светлый Лебедь Обской и Озёрный,
И подолы его одеянья
Семь священных змей-юр украшали,
Семь священных змей-юр защищали.
А ещё Нуми-Торум изволил
Дать бойцов сыну – воинов сильных:
Он спустил их с небес для охраны,
Все – в кольчугах и латах железных.

Да, охрана – великое дело,
Но охрана, по сути, ведома,
Ведь её назначенье – защита,

А защита – ответ нападенью, Всяк
ответ вслед идёт за вопросом,
Словно нить, что снуёт за иглою:
Где игла ткнёт – там нити и
виться, А где виться – незнамо
заранее...

Где неведение – там и
ведомость, Что неведомо – то и
пугает, А особо пугает –
внезапность.

Нападение всегда вероломно,
Посему превосходство имеет
В неожиданном наглom начале.
Неожиданность – козырь вторженья.
Потому и охрана ведома
Нападения жестоким напором.

А пока Отыр наш – Светлый Лебедь,
Что Озёрным, Обским назывался,
Восседал и не ведал тревоги...

Но не может весь век продолжаться
Безмятежное счастье на свете.
Всё в движение в подлунном пространстве.
Даже реки – сосуды земные –
Изменяют привычные русла, Что
ж тогда говорить о спокойном,
Безмятежном и радужном счастье.

И однажды враг подлый, коварный,
С целью низменной, с силою тёмной,
Из семи мест и дальних, и ближних,
Что Богинями оберегались,
Что Героями там охранялись,
Наскочил и открыл время войнам.

И не счесть всех врагов-супостатов:
Кто считал комариную тучу?! Кто
считал, сколько оводов летом? –
Бесполезное это занятие!

Наседали враги беспрестанно. Крики,
стоны, лязг мощных доспехов – Всё
под стать было гулкому грому.
Свисты стрел, стук сшибаемых шлемов,
Сабель звон, блеск огня всем напомнил
Грозовых молний злые раскаты.
И в тех войнах нет равенства в силах:
Не хватает ни силы, ни мощи
Ни в груди, ни в спине нашим воинам
– Преотважным защитникам Сосьвы,
Её быстрых и бурных верховий.

*

В эти дни Отыр наш, Светлый Лебедь,
Что Озёрным, Обским величался,
Крепко спал сном глубоким и долгим,
Словно корни могучего кедра, И не
слышал мольбы своих воинов,
Злым врагом беспощадно
теснимых.

И взмолились они, и воззвали
Соболиной молитвою кроткой К
Покровителю-Духу верховий:
«Светлый Лебедь Обской и Озёрный,
Пробудись, огради свою землю! Сон
свой крепкий, как корни у кедра, Ты
прерви. Помоги нам, тесным! Без
тебя нам врага не осилить».

Их мольбы были проникновенны,
И смиренны, и кротки, и скромны,
Но объят он был сном богатырским –
Светлый Лебедь Обской и Озёрный –

Спать так могут лишь Духи да дети:
Безмятежно, бездумно, безгрешно.

Ох, и крепок был сон, ох, и крепок,
Если гром грозовой подлый, вражий
Даже писком для Отыра не был,
Почивавшего сном беззаботным
В тёплом, славном, уютном жилище,
Если звук от корней деревьев,
Вырываемых с шумом и треском,
Не задел слух у Отыра острый...
Эх, да кабы он к сроку проснулся,
То бы накрепко, наглухо запер Свой
священный лесной чудо-остров.
Эх, мечты – суждено ли вам сбыться!
Это Торуму только известно...

Между тем враг числом прегромадным,
Наседая, теснил наших воинов,
И стонали бойцы, и молили
Дать спине и груди подкрепление,
Иль, хотя бы на крайний уж случай,
Передышку, иль помощь какую От
священных змей-юр получить бы...

«Если силу груди мы получим,
Если силу спины ощутим мы,
То врагов как лесных кровососов –
Комаров и других насекомых –
Передавим и быстро, и просто,
Всех сметём, всех сомнём и прогоним
Из пределов священного леса, В
землю их и вобьём, и вколотим. Отыр
наш – Светлый Лебедь Озёрный И
Обской, Светлый Лебедь Великий!
Если б саблю свою обнажил ты,

Если б саблю священную поднял –
Что тебе даровал Нуми-Торум,
Твой отец – Бог великий, всесильный, –
То вселил бы ты в души надежду,
А в сердца поселил бы отвагу,
Храбрость, доблесть, презрение к
смерти И весёлую удадь победы!
И тогда, Отыр наш, будь уверен,
Имя, дело твои мы восславим
Там, где бегают звери ногами,
Там, где машут пичуги крылами,
И разнёсся бы слух о величье
И о силе твоей богатырской
В тех семи землях дальних и близких,
Что Богини от века хранили,
В тех шести землях дальних и близких,
Что Герои всегда охраняли,
И твою величавую шапку
Будут чтить-почитать как святую,
Ведь Богинею-матушкой сшита,
Нуми-Торумом – батюшкой славным,
Приукрашена, полно набита
Серебра дорогого монетой,
И украшена в блёстках узором –
Змей священнейших изображеньем.
Извивается змейка-тесёмка,
Вьётся вкруг головного убора...
И узнает всяк Торум небесный,
И Богини земные узнают,
Что такую бесценною шапкой
Светлый Отыр владеет по праву!» –

Это всё в головах проносилось
Семерых обессилевших воинов...

«Ну, а если не будет такого,
Если ты нам ничем не поможешь,
Могут воды питательной Сосьвы,
Могут быстрые воды верховья,
Могут быстротекущие воды
В одночасье остановиться,
А священного озера воды,
Эти светлые, чистые воды,
Превратиться в болотную жижу...
Ну, а коли проснёшься ты часом,
Если нам ты, проснувшись, поможешь,
В два бревна плот длиною построим
И на нём поплывём мы с тобою
По питательной Сосьве в низовье
До слияния с матушкой Обью.
Будто рыбы в воде поплывём мы!
Пусть несёт нас навстречу удаче:
Аяс-Торум, авось, нам поможет!»

Вышло так, что наш Отыр проснулся,
Славный Лебедь Обской и Озёрный,
Пробудился и внял просьбам воинов.
Думу думая крепко, он понял,
Сил не хватит врага уничтожить, И
собрался в путь дальний и трудный
К Аяс-Торуму ойке за силой.

В два бревна плот длиною построив,
Слуги на воду ловко спустили,
И поплыл Отыр с воинством
верным По питательной Сосьве в
низовье До слияния с матушкой
Обью.

*

По реке темноводной, по Сосьве,
Плыли долго... Вдруг мыс показался.

Там сновали земные Богини,
И парили там Торумы в небе,
Возвышая местечко святое,
Где жил-правил достойно, спокойно
Богатырь устья Лэплы – речушки С
очень быстро текущей водою.

*

Вот туда Отыр наш, Светлый Лебедь,
Что Озёрным, Обским назывался,
И пристал, бросив якорь тяжёлый,
И восшествовал чинно на берег.

Тут навстречу на берег высокий
Богатырь устья Лэплы выходит,
Вопрошая: «Куда ты путь держишь,
Лебедь Светлый, Обской и Озёрный?»

И в ответ Богатырь устья Лэплы
Речь такую немедля услышал:
«Я плыву из верховьев Сосьвы,
Темноводных и рыбой богатых,
В светловодную Обь, что известна
Белорыбицей крупной и жирной.
Есть нужда у меня пребоольшая:
Край свой мирный, лесистый и
водный, Уберечь от врагов
нечестивых, Что теснят, полонят и
бесчестят. Есть мечта: Аяс-Торума
ойку,
Что такой именитый, степенный,
Величавый, благой, своенравный,
Встретить там, там ему поклониться И
нижайше просить оказать мне Помощь
– сил дать врагов изничтожить.

А ещё, я хочу освященья
Боевой моей сабли железной,
Что спустил мне с небес Нуми-Торум,
И тем самым меня он отметил,
И тем самым меня он возвысил.
Увидав этот знак возвышенья,
Что лишь избранным в руки
даётся, Богатырь Аяс-Торум
Великий Даст высокое
благословенье».

Услыхал Богатырь устья Лэплы
Эти речи и тоже решился
Плыть на Обь вместе с Отыром Светлым,
Что Озёрным, Обским величался, И
помочь ему добрым участием В деле
славном, благом, благородном.

Взял свою он священную саблю,
Аккуратно вложил её в ножны
И взошёл он на плот, и семь воинов
Плот шестом оттолкнули от берега,
И поплыли все вниз по теченью.

*

Долго ль, коротко плыли по Сосьве,
Только всё же в Оби оказались.
Богатырь устья Лэплы воскликнул:
«Вон, взгляните, на том возвышеньё
Вся в берёзах виднеется роща.
Там великий Аяс-Торум ойка
Восседаёт в величье и правит.
Только вот ведь вопрос: нас
допустят Или нет в эту рощу
святую?
Если нет, то придётся причалить

Вон на тот, что в осоке участок,
Тот, что змеями-юр переполнен...

Семерых слуг – помощников верных –
Отыр на берег за разрешением
Ниспослал к Аяс-Торуму ойке:
Испросить разрешение – значит
Гостем вежливым быть и учтивым.
Встретил их Богатырь Аяс-Торум
И отвечивал речью такою:
«Не знаком я с хозяином вашим,
Не встречался, не знал и не видел,
Но крылатый летающий Торум
Мне о нём толковал, я припомнил.
Пусть свой плот он причалит, поставит
Возле этой берёзовой рощи...»

Всё, что сказано было тем слугам,
То исполнено было исправно,
И Озёрный Обской Лебедь Светлый
Отыр наш, с саблей острой священной,
Будто с посохом, вышел на берег,
Поднялся он, и в дом богатырский,
Где гостей принимал Аяс -Торум,
Светлый Отыр вошёл величаво.

Тут же гость был осажен словами:
«Лебедь Светлый, Обской и Озёрный,
Упреждаю тебя: соберись-ка,
Враг коварный, имеющий силу,
Уж давненько тебя поджидает.
Вижу я, что твоих верных воинов,
Хоть и в латах они, и в доспехах,
Перебьют всех, в живых только будет
Богатырь устья Лэплы. И только!

И твой стон разнесётся по свету,
И горячие слёзы прольются,
Содрогнув лик твой, мужества полный».

И ответил ему Светлый Отыр:
«Богатырь Аяс -Торум Великий,
Покровитель Природы Всесильный,
Нуми-Торумом здесь ты поставлен,
И в берёзовой роще священной
Восседаешь и правишь достойно,
И поэтому просьбу большую Я
озвучить немедля намерен:
Чтобы сила груди появилась,
Чтобы сила спины укрепилась,
Дал бы мне ты бойца на подмогу,
Коли войско моё изничтожат.
И тогда бы отпор дал врагу я.
Ну, а после на Сосьву вернулся б
И избавил бы край от вторжений.
Только ты одарить можешь силой!
Ни летящие Торумы сверху,
Ни бегущие снизу Богини Не помогут,
ведь нет у них силы, Столь, сколь надо
для полной победы».

Неожиданно нить слёзной просьбы
Плодовитой природы блюстителю – Аяс-
Торум – прервал скорбным словом. Он
воскликнул, виденьем взволнован:
«Лебедь Светлый, Обской и Озёрный,
Выходи-ка на улицу, Отыр.
Там твой плот, в два бревна предлиннящих,
Враг, я вижу, уже уничтожил,
Разрубил, искрошил в дрань и
щепку».

Вышел Отыр, и что же он видит? –
На кусочки плот мощный разрублен,
И семь воинов в железных доспехах
Среди щепок лежат бездыханны:
Вечным сном обернулась им схватка.
Слава павшим за правое дело,
За великое дело защиты
Мест родных от врага посягательств!

Отыр тут спохватился о сабле,
Той священной, железной и острой,
Что в доме сиротела без дела.
Мысль иглою пронзила мгновенно:
Добежать бы до дома, успеть бы,
Да ту саблю священную взять бы,
Обнажить да помчаться в атаку
На врага, что убил его воинов,
Поплатился бы враг головою,
Безрассудной и глупой башкою.
В дом вбежал Аяс-Торума ойки,
Что священных семь змей
охраняли, И железную острую
саблю Обнажил Отыр Светлый для
битвы.

Тут воскликнул опять Аяс -
Торум: «Как врага ты один
одолеешь? Ведь один против
войска не воин – Эта истина миру
известна».

Отвечал Отыр наш, Светлый Лебедь,
Что Озёрным, Обским назывался:
«Коли ты, Богатырь Аяс-Торум,
Понимаешь, что сил мне не хватит,
Так хоть дай одного ты мне воина
Для поддержки моей и опоры.

Эх, да силы спины мне б добавить!
Эх, да силы груди мне найти бы!
Вот тогда бы и рать супостатов,
Комариную тёмную тучу, Я
прихлопнул бы твёрдой рукою,
Вколотил в семислойную
землю».

Эту речь с пониманием прослушал
Богатырь Аяс-Торум Великий,
И ответ его веры добавил, И надежду
вселил на победу: «Светлый Лебедь,
Обской и Озёрный, Дать смогу
одного тебе воина: Великана, что
вход охраняет В мои полные света
покои.
Он дарован мне Торумом Верхним.
А зовут великана-гиганта –
Менгвом – преданным, мощным, могучим.
Скроен он из железного мяса,
Из железных костей воин сделан,
И спиною тебя он, и грудью
Защитит от врага и поддержит.
Только ты запусти Менгква умно,
Прям по центру враждебного войска».

*

Так и сделал наш Отыр, наш
Лебедь, Что Озёрным, Обским
назывался: В семислойную землю
святую Стал вбивать Менгкв врага-
лиходея.

Рать врага на глазах стала таять,
Поредела она, пожидела.
Семью взмахами сабли железной
Разметал вражью рать и
рассеял, Вколотил Менгкв её

половину В семислойную
землю навечно.

В это время, Обской и Озёрный Лебедь
наш, Светлый Отыр, промолвил:
«Мощный Менгкв, ты так саблею машешь
– Полукружя у радуги меньше – Что меня
ненароком заденешь!

Кто ж вкусит тогда радость победы?»

И гигант, воин сильный, железный,
Прогремел: «Отыр, будь
осторожен, Не ходи там, где
саблей машу я И голов лиходеев
лишаю.

Схваткой так увлекаюсь, что даже
И тебя я могу не заметить,
Попадёшь, коль под скорую руку
И тяжелую руку гиганта.
Даже сам Аяс-Торум Великий,
Если б вышел из дома на берег,
То и он поражён был бы мною
Не специально, а так – ненароком».

Схватка шла. Ох, и битва лихая!
Кровь лилась не ручьями – рекою,
И поганные вражьи лавины
Дань платили земле головами.
Но отчаянно враг огрызался:
Тучи стрел в тело Менгква
вонзались, И железные кости
трещали, И железное лопалось мясо.
И устал Великан, обессилен,
И, утративши силу,
промолвил:
«Светлый Лебедь Обский и Озёрный,

Светлый Отыр, продолжи
сражение, Облачайся в железные
латы И круши, колоти лиходеев».

Светлый Лебедь Обской и Озёрный,
Заговором отца освящённый,
Облачил своё тело в доспехи,
Оголил освящённую саблю
И как начал крушить вражью
силу, И как начал рубить
супостатов На священной земле и
на небе!
И нигде не укрыться вражинам:
Средь ногастых Богинь не укрыться,
И средь Торумов быстрых, крылатых
Не найти им укромого места!

Почему Отыр наш лютовал так,
Беспощадно, сурово, гневливо?
Почему был пристрастен к врагу он,
До единого всех уничтожив? –
Дочь свою защищал он упорно!
Её девичью грудь защищал он,
Целомудрие, честь и свободу – Ведь на
них посягнул враг презренный –
Богатырь тот, что Белкой Когтистой,
Рыжей Белкой в миру назывался.

*

Он в верховьях питательной Сани
Восседал бестолково и глупо,
И, польстившись на Отыра дочку,
Распригожую, с шеей лебяжьей,
На её белогрудое тело,
Поднял войска могучую силу,
Воспылать жаждой крови заставил

Спины, плечи и головы воинов,
И всё ради тщеты вожделенья,
Ради страсти пустой, плотоядной.
А ведь мог Богатырь тот, что Белкой –
Белкой Рыжей, Когтистою звался,
Мог прийти по-хорошему, с миром,
В дом, где Отыр наш Светлый гнезвился,
Мог посвататься к Отыра дочке,
Мог отцу за красавицу-дочку
Поднести и дары дорогие – Семь
змей-юр и священных, и дивных,
Чудных, мудрых, святых, чудотворных...
Погрузил бы на лодку змей этих
Да с Оби перевёз бы на Сосьву,
Отдал тестю, а тот бы с любовью
В реку выпустил их, превративши
Змей подаренных в крупную рыбу
С небольшими тупыми носами...

И на нарте с оленьей упряжкой
В колокольцах в честь нежной невесты
Увезти мог бесценное чудо,
Белогрудую Отыра дочку,
В дом свой – Белки Когтистой обитель...
Что мешало той Белке Когтистой
Поступить благородно, красиво?

Разуменье – великое счастье.
Коли ты разуменье имеешь, Не
погрязнешь главой в шести бедах,
Не увязнешь в беде и седьмой ты.
Разуменье – нечастое счастье, Плод
оно многотрудных раздумий,
Наблюдений за жизнью людскою.
Нуми-Торума оттиск влиянья.
Кто чело не держал в напряженье,

Кто отвеса чела не добился, Тот
обрёк и себя на озадок И всех
воинов своих на охвостье.

Злость, гордыня да пренебрежение –
Верный путь, чтобы бед понаделать,
Всех сгубить и себя обесчестить.

Только видно, что свет вразумленья –
Нуми-Торума оттиск влиянья, Наблюденья за жизнью
людскою,

В одиночестве, зная, размышленья
Не коснулись чела этой Белки – Белки
рыжей, когтистой и глупой. – Думал
так Светлый Лебедь, наш Отыр,
Что Озёрным, Обским назывался, И
взывал, чтобы Отыра мысли
Злобный враг, неразумный,
услышал:

«Семерых сыновей – твоих воинов,
Я своею железною саблей
Изрублю, искрошу, искромсаю!

Слышал я, в устье Сани есть берег, А
на нём мыс с песком белым-белым.

Так вот там вражьих воинов
главы, Волосатые головы воинов,
Водружу на лесины, расставляю. И
пусть вороны – хищные птицы –
Исключают их, как пададь земную!

Пусть лесные, таёжные звери
Порастащат по чащам их кости!
Отыр Белки Когтистой и Рыжей,
Неразумный, тупой, бестолковый,
Не видать тебе больше победы.

Грудь расправивший, спину спрямивший,
Разве может быть лёгкой добычей
Для врага, пусть хоть Белкой Когтистой,
Белкой Рыжей врага называют?!»

Богатырь Белки Рыжей, Когтистой

Этим мыслям не внял, а напрасно,
Видно, разум с чутьём изменяют
Тем, кто лишь уповаet на силу.

Между тем, Отыр наш, Светлый
Лебедь, Что Озёрным, Обским
назывался, Как подумал-сказал – так и
сделал: Уничтожил он воинство вражье,
Изрубил, искромсал, исковеркал.
Ну, а головы всех побеждённых
Водрузил на высоких лесах
На мысу в устье Сани-речушки,
Чтоб бесславный конец вражьей рати,
Что творила не дело благое,
А позорную, гнусную подлость,
Виден был, чтоб другим неповадно
Было грязные делать делишки».

А потом Отыр наш, Светлый Лебедь,
Что Озёрным, Обским назывался,
Вновь открыл рот большой, белозубый,
Отвращенья, презрения полный,
И к врагу, что в бою был повержен,
Обратился он с речью такою: «Эй,
ты, прозванный Рыжею Белкой,
Отшумел ты, отвоевался. Не
напасть тебе больше на земли, Что
Богинями так берегутся.
Что Героями свято хранятся,
И упрямство, и дикую силу
Ты не лезь-ка выпячивать, глупый,
Не балуй, охолонься, обмякни,
Тебя больше никто не боится,
Потому что за именем «Отыр,
Белки Рыжей, Когтистой и... Подлой»
Нет ни силы, ни уваженья,

Будто бы и не имя ты носишь,
А пустое безликое слово:
Пустельга, вздор, бессмыслица, бредни», –

*

И сказав гордо полную смысла
Эту речь, Светлый Отыр, наш Лебедь,
Что Озёрным, Обским назывался,
Возвратился на Обь, в светловодье.
Там вошёл к Аяс-Торуму ойке
В дом просторный, священных змей полный.

И держал речь такую он в доме:
«Превеликий Аяс-Торум ойка,
Богатырь досточтимый, почтенный!
Пусть во славе и вечном вниманье,
Исходящих от Торумов разных
И Богинь-Героинь, процветает
Твой удел – непорочный и чистый!
Пусть шумят, шелестят вековечно
Большегровые в роще берёзы!
Пусть твои процветают владенья,
Превеликий Аяс-Торум ойка!
А теперь попросить я осмелюсь
Превратить меня в птицу на время,
Полечу я тогда в устье Лэплы,
Там наш друг, Богатырь, восседает
На мысу в змеях-юр – берегах.
Повидаю его и отправлюсь
Я к истокам питательной Сосьвы, К
озерцу со священной водою, Чистой,
светлой, прозрачной, зеркальной. Там
мой остров, в священных деревьях,
Наскучался по мне и заждался. Там
гнездовье моё сиротеет, Там священные
змеи скучают, Ждут-пождут моего
возвращения».

Речь ответную молвил неспешно
Богатырь Аяс-Торум Великий, И
звучала она наставленьем, Мудрой
жизненной правдой звучала:
«Никогда не подвергни разору Те
селенья, где будешь ты править.
Помни, там молодежь проживает,
Без неё край твой станет пустынным,
И Верховный отец – Нуми-Торум,
Не похвалит за то! Покарает!»

После мудрых тех слов-наставлений
Эти двое тепло распрощались.
Пролетела их встреча в мгновение,
В добрых чувствах герои расстались.

*

В светлом образе птицы сороки
Полетел Отыр наш, Светлый Лебедь,
Что Озёрным, Обским назывался,
И на мыс в устье Лэплы-речушки,
Что резвится, тот мыс огибая,
Приземлился точнёхонько Отыр,
Прям в гнездо, где жил верный дружище
– Богатырь устья Лэплы – речушки, И
его семь надёжных помощниц:
Семь змей-юр и священных, и мудрых.

Двое Отыров дружных, отважных
За богатым столом разместились.
Этот стол был на солнце похожий –
Так украшен он был и расписан,
А на нём громоздилася чинно
Дорогая посуда для пищи,
И озёрные яства достойно Стол
венчали, венчали застолье.

Угощали Герои друг друга,
Долго праздник у них продолжался,
Ведь Победа была слишком важной,
Слишком значимой, слишком тяжёлой!
Но всё то, что имеет начало,
Рано ль, поздно ль, придёт к
завершенью... Сколь бы долго река ни
петляла, Её воды окажутся в море.

Так и вышло: закончился праздник,
И, тепло распрощавшись друг с другом,
Пожелавши счастливой дороги,
Пожелав оставаться счастливо,
Разошлись по гнездовьям Герои:
Дом есть дом, хоть в гостях тоже славно!
А хозяину уединенье
В своём доме не менее важно, Чем
принять долгожданного гостя. —
Так-то все и живут в век из века...

Отыр Светлый, наш Лебедь Озёрный,
Что Обским уважительно звался,
Добрался на родимый свой остров,
Где кедровник святой простирался,
Где священные чудо-деревья
Подпирали небесные тверди,
И ступил мужа твёрдой ногою
Во владенья свои родовые,
Где за долгие, тяжкие войны
Ни крылатый полётами
Торум, Ни ногастая бегом
Богиня Не бывали, не
гостевали.
Да, разоры да распри земные
Убивают и верность, и дружбу, И
привычку бывать в этих землях...

Как бы счастливо все мы зажили,
Если б не было войн в этом мире!

Вот идёт Отыр наш, Светлый Лебедь,
Что Озёрным, Обским назывался,
В дом свой, полный змей чудных, священных.
В дом священный он дверь отворяет,
Входит внутрь, благородно восходит,
Восседает, достоинства полный.
И никто его впредь не тревожил!

Отыр наш, Светлый Лебедь Озёрный,
Что Обским уважительно звался,
Впредь назначил такие порядки
На верховье питательной Сосьвы,
Пребогатою рыбой речною:

Человек, проплывающий лодкой,
Чашу пусть с угощением ставит.
Человек, на санях вдаль
помчавший, Пусть котел с
угощеньем готовит. И не должен
летающий Торум Пролетать выше
Отыра дома.

Невозможно ногастой Богине
Прыгать Отыра выше гнездовья.
Если Лебедь Обской и Озёрный
Возжелает вдруг лошадь для жертвы,
Не должно быть людских возражений,
Пререканий и долгих раздумий.
Если Лебедь Обской и Озёрный
Возжелает вдруг зверя для жертвы,

Не должно быть людских возражений,
Пререканий и долгих раздумий.

Неизбывные эти заветы,
Непреложные правила эти
Остаются незыблемо святы Для
людей из верховьев Сосьвы!

Светлый Лебедь Обской и Озёрный,
Достославный, великий делами,
Сильный, умный, умелый, упорный –
Ты таким предстаёшь перед нами!
Друг хороший! Подвижник! Воитель!
Помнят, славят тебя в век из века!
Да и вы эту мысль сохраните:
Править так – вот пример человеку!

VII. Тагт-Котиль ойки (среднего течения Сосьвы богатыря) военная песня

Славящие славные слова
Славят на весь мир богатыря:
Широко разносится молва, Что
на Сосьве знатный Отыр я!

Сосьва – полноводная река,

Лодки русских, манси здесь
снуют, И на ней есть город в
облаках – В нём всегда порядок и
уют.

В городке, что в облаках плывёт,
Я, Тагт-Котиль ойка, и царю,
А со мною – войско, мой оплот,
С ним защиту людям я даю.

Но однажды к нам пришла беда,
В ней застряли, как в сетях сырок,
И узнали мы, что есть нужда,
Видно, благоденствию вышел срок.

Кто нужды не испытал пока,
Вряд ли горемыку и поймёт –
Голод: нет ни сельди, ни сырка...
Жизнь прижала, да и дальше жмёт!

Знать, придётся Верхнего Отца
Звать, просить смиренно, умолять...
В небо, устремив полёт лица,
Семь ночей и дней готов стоять.

Семь ночей и дней молю Отца:
«Нуми-Сорни, сохрани, спаси! –
Отведи от нашего крыльца
Беды и напасти унеси!»
Так тревожно стало всё кругом,
Что и Дух ногастый – ни ногой,
И крылатый Торум – ни крылом –
Все обходят город стороной.

Видно, испугались здесь бывать,
Видно, чуют загода беду.

Как же город мне оберегать?
Выход я ищу, да не найду.

*

Семь ночей ищу и столько ж дней.
В сон глубокий – шею режь – ложусь.
Только вот не спится что-то мне,
Деревом гранёным я кручусь.

Всё неладно телу, голове.
Как ни лягу – всё равно верчусь.
Уподобился ночной сове...
Мне б поспать, да сна я не дождусь.

*

Семь Героев – воинов храбрых сонм –
Дни и ночи ходят в караул,
Охраняют бережно мой сон,
(Только всё равно я не заснул).

Стрелы постоянно в их руках,
Ими ладят в прутики игру. Им
не ведом сон, не ведом страх, Их
глаза в ночи найдут иглу!

Вот мой главный воин – старший
сын, С саблей в твёрдой жилистой
руке, В дом вбегает с криком:
«Господин! Там большая лодка на
реке

Пристаёт к причалу. В лодке – враг.
Сколько можно спать? Уже вставай!
Надо защищать родной очаг!
Побыстрей кольчугу надевай!»

*

Я, Тагт-Котиль ойка, вот встаю,

И поверх одежд из соболей
Я кольчугу мощную свою
Надеваю. Как могуч я в ней.

Тут же в изголовье своих нар
Саблю боевую отыскал, Мне
когда-то сей священный дар
Нуми-Торум во владенье дал.

Саблю я не сразу и нашёл,
Ибо не тревожил без причин,
Миром все вопросы я решал:
Я – разумный, мудрый властелин.

В доме, что из кедра и сосны,
Саблю в пол легонько я упёр:
Блеск пошёл пожарищем лесным,
Словно запылал в ночи костёр.

Вслушиваюсь, тонок стал мой слух,
Будто зверь, обложенный, во мне:
С улицы идёт какой-то звук.
Этот звук всё явственней, слышней.

Покидаю в дверь любимый дом.
Звук протяжный улицу трясёт.
Что я вижу пред собою там? –
Вражье войско все крушит,
несёт.

Кто же вражье войско к нам привёл?
Щархол-Онгыт-Ютланг, Богатырь.
Многих наших воинов извёл –
Уничтожил он покой и мир.

*

Что о нём здесь долго говорить?

Щархол-Онгыт-Ютланг гадко жил.
Сколько можно зло ему творить?
Он моё отмщенье заслужил.
Для возмездий руку я набил.
Нуми-Торум в этом помогал.
Силу для удара я копил.
Сабли блеск – как яростный оскал.

Крепко я в руке её зажал,
Поднял, закричал: «Иду на вы!»
На врага стремглав я побежал,
Саблей взмах – и враг без
головы!

Обезвредил я Богатыря:
Щархол-Онгыт-Ютланг в схватке пал!
Скальп с дурной башки срезаю я.
На ремень свой прочный нанизал.

Позже, чтоб в округе видел всяк,
На задворках дома, поутру,
Где листвою деревья
шелестят,
Скальп развесил на сыром ветру.

Знак моей победы, гордо рей!
Ветер, обдувая, убелит Скальп. Он
будет белый как халей, Что над
Сосьвой кружит и парит.

Пусть взойдёт победная заря!
Пусть же длится вечно день побед!
Пусть цветёт земля богатыря
И не знает больше страшных бед!

*

Видно, просчитался я немного:
Часть врагов сбежала, тем спаслась
– Двое унеслись одной дорогой,
Знать, охота только началась.

Снова саблю на ремень подвесил,
Снова лук и стрелы прихватил
И помчался, злой отвагой весел,
За врагом в погоню, что есть сил.
По пути я повстречал Героя –
Сына своего, что уцелел. И в
погоню нас пустилось двое, А,
догнав, не пожалею стрел.

Догоняю, подбегаю близко.
«Вы не торопитесь, – я кричу
Этим убегающим трусишкам, –
К вам сейчас стрелою подлечу!»

Взял колчан, что сделан был из рога,
Вытянул трёхгранную стрелу,
Лук с бечёвой дали ей дорогу
В две груди бежавших, как в одну.

Заднего спросил передний Отыр:
«Друг! Зачем меня ты прихватил?»
Тот в ответ: «Да не держу я, что ты:
Мы стрелой пробитые стоим».

И стоят, нанизаны, Батыры,
Словно рыбы проткнуты шестом.
Кто войны желает, а не мира,
Жертвует в итоге животом.

*

Подхожу я к проткнутым стрелою,
Саблю обнажаю наголо.
Кто был с волосатой головою,
Тот побрит был саблей наголо.

Скальпы на ремень мой соболиный
Нанизал. Волосья – как трава,
И домой дорогою я чинно
Поспешил, а впереди – молва.

А в молве моё возносят имя, Обо
мне на Сосьве говорят. Подвиг мой
не спутаешь с другими, В подвигах
– вся суть богатыря.
И опять, чтоб все в округе знали,
На задворках дома, где видней,
Где ветра семь лиственниц качали,
Я развесил скальпы в вышине.

Пусть висят, пусть ветер их качает,
И дожди, промыв, отбелят их
Белизной обских, озёрных чаек.
Как победы благодатен миг!

*

Но недолог был триумф победы,
Потому что вновь почувял я,
Что не все ещё умчались беды,
Есть ещё в округе не друзья,

А враги, что не желают мира:
Знаю, смерть отцов мне не простят
Сыновья поверженных Батыров,
Хоть и от меня стремглав летят.

Убегают, чтоб собраться с силой
И чинить разор моим местам.
Пусть дорога станет им могилой,
Смерть принёсший да погибнет сам!

Вновь помчался храбро я в погоню.
По дороге, что проделал враг,
Вытянул стрелу – она догонит:
У моей стрелы – широкий шаг.

Словно две смородины, глазами
Увидал бегущих вражин я. Бег
ускорил: знаюсь я с ветрами, Не
уйти от ног Богатыря.

Вытянув трёхгранную из рога,
Уложил в коленчатый свой лук,
Тетиву напряг я, и уроком
Стал полёт стрелы – уроком мук.
Отстающим прокричал передний:
«Что ж вы тормозите здесь мой бег?»
Отвечает тот, что был последним:
«Мы стрелою связаны навек».

Поразил троих одной стрелою, Словно
рыб проткнул одним шестом. Кто
приходит в мир с мыслишкой злою,
Жертвует в итоге животом.

Перед тем, как саблю спрятать в ножны,
Скальпы я содрал с троих врагов,
На задворках их развесить можно.
К этому почёту я готов.

Но пока желанию не сбыться.
Видят две смородины – глаза,
Что придётся вновь с врагом мне биться –
Четверых я должен наказать.

По кривой утоптанной дороге
Четверо врагов моих бегут,
Драпают, скорей уносят ноги...
Где в них честь с достоинством живут?

Я помчал за ними, будто в спину
Ветер, что есть мочи, мне подул,
И стрелу я луком метким двинул
В тех, кто думал, что улепетнул.

Сколько стрел летит, да мимо цели!
Знаю не один тому пример.
Здесь нужны и выверка
прицела, Выдержка и точный
глазомер.

Целил, целил, а потом – промазал.
Но не я мазила! Я – другой! Нуми-
Торум дал мне точность глаза, Твёрдой
наградил меня рукой.
Потому врагов одной стрелою Я
пронзил, как рыб, одним шестом. Кто
приходит в мир с мыслишкой злою,
Жертвует в итоге животом.

Сабли клык я обнажил звериный
И волосья вмиг с голов стянул,
А затем за пояс соболиный
Скальпы с удовольствием заткнул.

*

Я с победой полной возвращаюсь
В свой уютный, чудный городок.
С воином-сыном у ворот встречаюсь.
Слёз своих он скрыть никак не смог.

«Отчего ты плачешь, мой соратник? –
Вопрошаю я, его обняв, – Ведь
сегодня величайший праздник
Он касается тебя, меня!»

«Думал я, враги тебя убили,
И носил я на сердце печаль...
Счастлив, что в родимой колыбели
Вновь тебя живым я повстречал.

Потому от радости и плачу,
Ведь не чаял свидеться с
тобой...
Жить на свете – это ль не удача?
А ценить её заставил бой».

Перед тем, как в дом вошёл я, весел,
На задворки всё же я сходил,
Скальпы, что добыл, я там развесил,
Чтоб далёко виден подвиг был.

Заглянул потом в глаза сыновьи:
«Саблю ты мою отмой в реке,
И верни, а я уж в изголовье
Положу от рук невядалеке.
Вдруг, какой ещё к нам враг нагрянет,
Чтобы справен и готов я был.
А пока – на сон чего-то тянет...
Спать хочу, устал я от борьбы».

*

Семь ночей не спал и столько ж дней.
В сон глубокий – шею режь – ложусь.
Но в тревожном, чутком, весте сне
Снится, по семи холмам кружу.

И вращаюсь по шести холмам,

И летаю, будто в облаках,
Только слышу глухо где-то там:
«Враг пришёл на жилистых ногах!» –

С вестью той сын-воин в дом вбежал:
«Мой Тагт-Котиль ойка, ну, вставай!
Саблю в пятипалой я зажал,
Да и ты оружие доставай!»

На берег, где пристань, враг пришёл
– Менгкв могучий – воин-великан.
Видно, он совсем ума лишён, Коль
запруду строит на реке».

Менгкв был явно воином врага,
Что был мной нещадно бит-разбит.
Менгкв пришел на Сосьвы берега.
Он такой же лиходей-бандит!

Менгкв на битву явно припоздал,
Видно, что не блещет он умом.
Что ж, приход врага я ожидал.
Вновь готов я защищать свой дом!

*

Я, Тагт-Котиль ойка, вот встаю,
И поверх одежд из соболей
Я кольчугу мощную свою
Надеваю, как могуч я в ней.
Тут же в изголовье своих нар
Саблю боевую отыскал, И
железный тот священный дар
В пятипалой крепко я зажал.

Снова упираю саблю в пол.

Ярко заблистал в дому клинок,
Словно полыхать огонь пошёл,
Озаряя каждый уголок.

На задворках дома моего
Лук и стрелы меткие достал.
К берегу иду искать того, Кто
чинит разор моим местам.

На берег я вышел (вот те на!) –
Вижу, как близь пристани моей
Менгквом глупым строится стена...
Самовольство – дурости вредней.

«Что, Менгкв ойка, хочешь сотворить?» –
Я, Тагт-Котиль ойка, – так спросил.
«Реку я желаю перекрыть И
преграду строю, что есть сил».

И каким же надо быть глупцом,
Чтобы так ответить мне – царю,
Или просто страшным наглецом!?
– Я здесь восседаю и парю!

Сосьвы средней полный господин.
Этот край мне Нуми-Торум дал.
Край тут мой! Причем тут Менгкв один?
Век его б не слышал, не видал!

Что надумал – реку перекрыть!
Сосьву, что живёт и жизнь даёт!
Как же люди смогут дальше жить?
Им запруда жизнь перевернёт.
Сосьва – младшая сестра Оби.
Гнусно разделять родных навек.
Что ж, придется Менгква мне

убить, Чтобы жил на Сосьве
человек!

С мыслью той трёхгранною стрелой
Я заправил свой упругий лук, И
пустил её дорогой той, Что свела
здесь многих в мир разлук.

Увенчала Менгква та стрела,
Что подвластна лишь моей
руке. Разлетелись, как
перепела, Кости великана по
реке.

Мясо разорвалось на куски.
Был гигант, гиганта больше нет.
И стоят деревья и кусты,
Изменив на красный листьев цвет.

*

Я, Тагт-Котиль ойка – ум и сила,
Средней Сосьвы славный богатырь.
Я стараюсь, что б на Сосьве милой
Были лад, спокойствие и мир.

А когда жизнь счастьем обеспечим,
Мой наказ придётся исполнять: Где
в воде лежит от Менгква печень,
Вороном тот остров след назвать.

Туловом коротким зваться будет
Место, где у Менгква торс упал.
Место, где желудок обнаружат, Ващ-
мешочком – я бы так назвал.

Место, где лежит теперь огниво,
Пусть зовут «огнистый островок».

Частью сапога зовут отныне
Бережок, куда упал сапог.

Место, кость бедра куда упала,
Будет плёсом бедренной кости...
Наконец, пора-таки настала
Главные заветы привести:

Вот когда жизнь счастьем прирастёт,
Вечной и счастливой станет жизнь,
Пусть река всё также вдаль течёт,
Пусть вода всё также вдаль бежит.

Воду пресвятую впредь не пить
Тем, кто на реке моей живёт.
Тот, кто по реке намерен плыть,
Чашу с угощением пусть везёт.

Пусть котёл поставит в мою честь
Всяк, кто вверх и вниз рекой идёт.
Пусть текут века! Пусть их не счесть!
Пусть рекою вечной жизнь течёт!

VIII. Хонт-Торум ойки – внука Отыра, высотой с полетевшего чирка, военная песня

Высотой до чирка в полёте –
Вот мой полный богатырский рост,
Но не сразу вы меня найдёте:
Град мой – ещё выше: в небо врос.

Стены в нём – до шеи Духов-Торумов,

Духов-Покровителей – растут,
Несмотря на рост мой, точно, в пору мне
Молодую жизнь построить тут.

Смалу я воспитывался дедом,
Он меня растил, оберегал.
Осенью, зимой, весной и летом
Я, малец, день ото дня крепчал.

День настал, и возмужавший Отыр,
Ростом с полетевшего чирка,
Вышел поиграть на площадь в город:
В сильного я вырос игрока.

Воины, служившие в отряде, В
кожаный любили мяч играть.
Стрелы отложив, сноровки
ради Начали тяжёлый мяч
пинать.

Мяч, размером с голову, пробили,
Он соболю шубу мне порвал...
Думали они, что победили.
Только мяч я ловко обуздал.

Принял мяч рукою я умелой,
Укротил его, остановил,
И контратакой дерзкой, смелой,
Игроков атаку подавил:

Я ногой могучей, пятипалой,
Сделавши внушительный замах,
Так ударил мяч, что разметало
Игроков. В глазах их вижу страх...
И восторг, смятение, удивленье:

«Как он нас? Ужель мы не ловки?...»
Как им объяснить, что не мгновенья,
А всю жизнь крепил удар ноги.

А когда все страсти поутихли,
Воины осмелились спросить: «Как
же ты отца, такой не рыхлый, Не
сумел от гибели спасти?

Почему враги отца убили?
Был он светел как ядром орех...»
Воинам ответил: «Был не в силе,
Я ж мальцом тогда был, и не
грех,

Что не смог помочь отцу родному...
Что для ветра слабый стебелёк?!
Силы набирался здесь я, дома...
Дедушка учил меня, берёг!

Силу ног я за отца родного,
Силу рук готов сполна отдать.
Не пройдёт враг мимо, право слово:
Я за честь отца готов стоять!»

*

Руки налились могучей силою,
Ноги ощутили резвость, прыть.
И готов я месть вершить великую:
За отца жестоко буду мстить.

Говорю я воину – сыну славному:
«Лодку побыстрее смастери,
Птицами борта укрась крылатыми,
Разукрась ногастыми зверьми».

Птицы на бортах – победы символ,
Звери на бортах – победы знак.
Знаки прибавляют, множат силы...
Пусть теперь трепещет лютый враг.
С воином - сыном в лодке разместились,
Взяли курс в низовье реки,
Путь речной – изогнут и извилист,
Русло – как гусиные кишки.

Плыли вниз мы с другом по
течению, Добрались до устья Пупыг-
я. Лиственницу видим высоченную,
Там гнездовые Карыс на ветвях.

Дерево срубаем с верным другом
И гнездовые ставим на пенёк.
Словно чешуёй сырка, кольчугой,
Прикрываем сверху свой манок.

Слоем мха прикрылся я
снаружи И засел в засаду близь
манка. Приземлилась Карыс, и
оружье В ход пустила Отыра
рука.

Тут вторая птица прилетела,
Села в хитро сделанный манок, Я
ей шею отделил от тела, В том
помог железный мой клинок.

Карыс зарубить – что это значит?
Жертвоприношеньё – добрый знак.
Значит, в битвах будет мне удача!
Будет побеждён заклятый враг!

*

Путь наш дальше указал я сыну:
«Снова мы извиистой рекой,
Как кишкой петлистою гусиной,
Поплывём в край вражеский с тобой.

Лопых-овл Отыров там земли.
Семерых, и все они – враги. Воин-
сын, моим словам ты внимли, Снова
мне, как прежде, помоги».
Вторглась лодка в Лопыха пределы,
Незаметно к берегу пристав.
Сыну поручил большое дело –
Лодку нашу сторожить в кустах.

На берег я ходко поднимаюсь, С
горки стало озеро видней. И к
тропе я скрытно пробираюсь,
Вижу, девы шествуют по ней.

Понял я, идут они купаться.
Женщина-гордячка их ведёт, С нею
– две служанки... Ну, и цаца! К озеру
процессия идёт.

Все разделись. Каждая – нагая.
Лона омывают в лоне вод.
Тут я из укрытия выбегаю,
Главную хватаю я, и вот

Силой своей воле подчиняю,
Жизнь её теперь в руках моих.
Окунаю в воду, притопляю.
Стан её в воде почти затих.

Жизнь её – дыханье малой птички,
Придавил чуток – и смерти след...

Легче, чем сломать сухую вичку,
Сокрушить и шею, и хребет...

Меркла жизнь её и угасала.
Водных и земных богатырей
Женщина с мольбою призывала:
«Помогите, Отыры, скорей!»

Разум мой вмешался, отпустил
я Отыра чванливую жену.
Ожила она, собравшись с
силой, И давай меня стращать,
ну-ну: «Сосунок, недавно
повзрослевший, Жизнь мою
хотел ты погасить. Как вернётся
муж – правитель здешний,
Головы тебе уж не сносить!

Отыр – мой супруг – Хупарилэки –
Все зыряне так его зовут,
Край захватит твой, польются реки:
Реки крови вашей потекут!

И ваш долговерхий городишко,
Уж поверь, сравнивает он с землей,
И поднимем там свои мы крыши,
Там зырянский город будет – мой!

А тебя трухой из колыбелей
Будем днём и ночью осыпать!»
Слушал я и думал, в самом деле,
Языком молоть – не воевать!

Дал я ей уйти, громкоголосой:
Пусть настроит мужа на войну,
Пусть большое войско тот сколотит
– Так его маню я в западню.

*

В городок я свой засобирался,
Что до шеи Торумов дорос.
С верным другом по реке поднялся.
Добрался... А вот уж и мороз...

Снежное настало полновластье,
Наступила лютая зима... Долго
длилось зимнее ненастье, Но
пришла в края мои весна.

Жаркое затем приходит лето,
Знойное, не остудить дождём.
Где же Отыр тот – Хупарилэки?
Заскучали мы, его мы ждём.
Ждём-пождём: ну, где зырянин этот?
К нам Хупарилэки не идёт.
Вот и завершилось это лето,
Ветер взвыл простужено, и вот

В день осенний из-за гор на город
Враг – Хупарилэки – двинул рать.
Крики слышны – многочислен враг.
Он пришёл вогулов покарать.

Вышли наши ратники сражаться,
И грохочет битва много дней.
Почва начала уже качаться,
Как в болоте, увязают в ней.

Подустали ратники в сраженье,
Одолели просьбами меня:
«Дай нам передышку, обувь сменим.
Срочно нас, наш Отыр, подменяй!»

Посмотрел: и вправду все промокли.

Надо обувь им переобуть, Позднего
предзимья снег тот мокрый – Тоже
враг, да не какой-нибудь!

Облачаюсь я в свою кольчугу,
Звенья в ней, как чешуя сырка.
Плечи соболиные упруги,
Связь колец надёжна и крепка!

На берег спускаюсь там, где пристань,
Смело подхожу к своим врагам,
Встали две стены во поле чистом,
Быть недолго чистыми снегам.

Третьей стороной в мою защиту
Встала моя праведная месть.
От меня пощады не ищите:
В битве восстанавливаю честь!
И седую снежную равнину
Вражескою кровью окропил.
Знаю, мой отец гордился б
сыном, Если бы до дня сего
дожил.

Бой крепчал, и вороги, теснимы,
С поля боя стали убегать.
Лыжи я надел. Врагов, гонимых,
Стал на лыжах-выдрах настигать.

Семь зырянских Отыров с войною
Вторглись к нам из-за уральских гор,
Им для отступления путь закрою:
В лыжах-выдрах бег мой лёгок, скор.

На излучине реки, петлявшей,
Будто бы гусиные кишки,

Поджидаю я врагов, сбежавших,
Вот они подходят. Вот враги!

Вытянул стрелу, приставил к луку, И
отправил в стан своих врагов. Будто
клин гусей, что мчался к югу,
Потерял шесть лучших гусаков.

Будто селезней в летящей стае уток
Нанизала меткая стрела.
Не мешает снежный первопуток
Мне бежать на лыжах и стрелять.

Поредела мигом вражья стая.
У войны – кровавое лицо.
Стрелы точно в цели прилетают,
Когда мстят сыны за смерть отцов!

Шестерых достал своей стрелою,
Одного судьба уберегла.
Вновь стрелу трёхглавую беру я.
И разит его моя стрела!
Отыра снесло на расстояние – Путь
со страстью пущенной стрелы. А
пока летел он – до паденья –
Округлялись Отыра углы.

Он летел, кружился и крутился.
На лету твердел и каменел.
Приземлился он, но не разбился,
Не разбился, а окаменел –

В голый, твёрдый камень превратился.
Круглым, гладким камнем Отыр стал.
Потому и скальпа не лишился,
Хоть к нему я близко подбежал.

*

Я домой с победой возвратился,
Но недолго смог я дома быть:
В Лопых-овл я идти решился,
Надо мне врагов своих добить.

Правят там семь Отыров отважных.
Дочери живут там, сыновья.
Город этот взять мне очень
важно, Отправляюсь в Лопых-овл
я.

К Лопых-озеру пришёл я для
отмщенья, Пригляделся к вражеским
местам. Вижу: угощают духов щедро
Отыры – все семь стояли там.

Достаю медвежье одеянье,
Луговой, когтистый свой наряд,
Надеваю спешно для свиданья И
крадусь сквозь частокол преград.

Незаметно, тихо приближаюсь,
Жуть нагнать на Отыров хочу,
И медвежьим видом угрожая,
Грозно, по-звериному рычу.
Выбежали на берег Герои
Зверя встретить, только я не зверь.
Сбросив шкуру, я стрелу пристроил:
В лук вложил стрелу – сестру потерь.

Запустил костисту да трёхглаву
В Отыров, как будто в клин гусей.
Проредил я стан врагов на славу:
Шесть врагов прикончил, но не семь!

Брат седьмой остался жив. Догоним!

У моей ноги широкий шаг. Вновь
настал азартный час погони – За
седьмым, а им был главный враг.

Мчал он по ложбинам и пригоркам,
Что подобны спинам соболей,
Но настиг его Хонт-Торум
ойка.
Мы схватились. Схватки нету злей.

Долго длилась битва равных силой,
Снова помогла мне месть моя!
Но не стал наш бой врагу могилой,
Разошлись: уйти ему дал я,

Коль дойдёт, то скажет всем зырянам,
Кто ему дал ноги унести. Пусть
размыслят там, во вражьем стане, Надо
ль к нам опять с войной идти.

Я же быстро занял Лопых-овл.
Я, Хонт -Торум ойка, город
взял! А потом в труху мельчил
его я, И совсем с землёю
заровнял.

В нём в живых оставил лишь горячку –
Ту, что здесь когда-то отпустил,
Ту, что насылала мне проклятья,
Угрожая город мой снести.
Жить её оставил, но калекой
Сделал, раздробив у ней плечо
И бедро, что б мучилась до веку,
Чтоб орала, выла горячо,

Так же, как болтать она умела!

Как стращала, помнится, меня!
Пусть теперь её страдает тело,
Пусть забудет о тепле огня.

В свой, до шеи Духов-Покровителей,
Город я пленённую привёз,
Кинул жить за дверью, что б все видели
И что б всяк труху из люлек нёс

И стрясал на женщину скандальную...
Это поучительный урок: За язык
поганый платят данью, Данью
униженья – вот итог!

*

Утолил я жажду отмщенья,
Но душе покоя не принес.
Одолели думы, размышленья:
Как же дальше жить? – больной вопрос.

Отнесу - ка я свой гнев в верховья
Речки, что избавилась от льда,
Брошу в воду, не хочу лить кровь я,
Пусть поглотит месть мою вода.

Пусть она бежит, журчит и катит,
Пусть на перекатах пробурлит,
Может, месть меня тогда оставит,
А водица к жизни пробудит.

Лиственничный дом стоит за кручей,
На его задворки я зашёл.
Дом тот новый населяли Утщи,
Много их, вот к ним я и пришёл.
Слышу: «Что задворки зряшно мучить? –

Это старый Утщи мне сказал. – В дом
входи, семья живёт здесь Утщи, – И на
вход рукою показал:

С Утщами ты силой потягайся:
Грудь другую грудь пускай теснит.
Более счастливым объявляется
Тот, кто на ногах здесь устоит».

В дом вхожу, его шагами меря.
Девушек в нём юных увидал:
Вижу тут красавицу у двери И
другую – там, у средних нар.

Дальше прохожу, в углу переднем
Третья девушка в платке сидит. К ней
присел. Платок с каймой небедный Девы
юной украшает вид.

Вдруг ввалился в шкуре росомахи
С улицы мужчина – о-го-го:
Зарычал, как зверь, но я без страха
Посмотрел на происки его.

«Сын, а сын, давай-ка успокойся.
С гостем разве так себя ведут?!
Шкуру росомахи сбрось, откройся.
Посиди, сынок, остынь-ка тут,

Вежлив будь или, по крайней мере,
Поумерь воинственный свой пыл. В дом
родной не входят диким зверем», – Так
его отец и осадил.

Сбросил сын личину росомахи,
Да повесил на сосновый крюк.
Статным стал, красивым, просто ахнешь,

И присел он рядом. Только вдруг
С улицы еще один ввалился, В
одеянье сером, словно волк. Зло
рыча, пред мной остановился, Но
отец вмешался – он умолк.

Сбросил тут же волчью он личину
Да повесил на сосновый крюк.
Статным и красивым стал мужчиной,
И присел он рядом. Только вдруг

Третий братец с улицы ввалился
В образе медвежьего самца.
Зло рыча, пред мной остановился,
Но и он послушался отца –

Мол, сынок, скорее успокойся.
С близкими себя так не ведут.
Шкуру ты медвежью сбрось, откройся. Поостынь-
ка, посиди-ка тут!

Третий брат присел. Он тоже рослый,
Крепкий, статный, сильный молодец.
Вдруг еще пришла четверка взрослых
Утщи – тоже злющие. Отец

Тут вопрос всем семерым
подкинул: «Что ж вы злые сердцем
у меня? Будто и не Отыр с
Героиней Дали жизнь вам. Иль мы
не родня?

Пусть пришелец станет вашим братом.
В жёны он сестрицу может взять.
Пусть всё завершится миром, ладом.
Пусть живёт тут с нами, словно зять...»

*

Так вот начал жить в дому не тесном,
Но душа рвалась в родимый дом.
Часто уходил от Утщи в лес я.
Не пристало жить мне примаком.
Надоела ряженных семейка.
Братом им не стал, здесь всё не так...
Лето уступило скоро место
Осени, и с хрустом лап собак,

С хрустом ног лосей в свою сторонку
Потянуло вдруг в лесу меня.
Две моих собаки лаем звонким
Подойти к ним требуют. Скулят.

Подхожу и вижу: с добрым мехом,
Схожим с тёмной копотью котла,
Соболёк сидит – таких вот летом,
Добывали лук мой и стрела.

Только этот что-то не даётся,
Из виду теряю я его:
Вроде вот он, вдруг краса-девица
Вместо соболя стоит того –

Та, что всех пригожее из Утщи,
Та, к которой в доме я присел.
Рассмотрел её я здесь получше,
Как обнять её я захотел!

В сказочном платке с каймой, ступая,
Молвила она: «Желанный мой!
Почему со мной так поступаешь? Что-
то больно слаб ты головой!

Я – везде, а ты не замечаешь,

Я тебя зову – ты не идёшь, Я
скучаю, сохну и мечтаю, Ну,
когда меня с собой возьмёшь?

Да, подумал я, она хоть Утщи,
Но добра, не злая, стало быть.
Нет её и в самом деле лучше,
Есть за что ценить её, любить.

И душа моя в тот миг смягчилась.
Наконец, оттаял я душой.
Женщина мужчине – божья
милость И подарок Торума
большой.

Жизнь – борьба; судьба моя – воителя
– Повела нас с милой в городок, Что до
шей Духов - Покровителей. Там родной
мне с детства уголок.

Стала мне женой, а я ей – мужем.
Нет семьи сплоченнее, дружнеей.
И живем мы с суженой, не
тужим, Дочерей растим и
сыновей.

Наша жизнь – река с теченьем вечным.
Счастье незаметно жизнь крадёт...
А взамен даст нам человечность!
Так вот наша жизнь-то и идёт...

IX. О Воря Отырах (богатырях с реки Воря) военная песня

Гласят предания веков седых
О птице Луле, что сбирала землю

С дна моря, без надежд на передых, И мы с
почтеньем тем преданьям внемлем.

В одном из заповедных Лулы гнёзд,
Где лес дремуч с густыми деревьями
И в редколесье мыс, и быстрый плёс,
Три Отыра по праву восседали.

Нельзя на мысе женщинам бывать,
Там только лишь гагары и гнездятся.
Кого ж отцом тех Отыров назвать?
Кто ниспослал на эту землю братцев?

Отец их – Нуми-Торум – ниспослал.
За краем этим наблюдать приставил.
А край на речке Ворья – ой, не мал, И
надо, чтоб никто не жил без правил.

Три Отыра достойно правят здесь, И
в песнях их по праву восхваляют. В
них сила, ум, порядочность и честь,
Народ их справедливыми считает.

У Отыров есть младшая сестра,
Она отважна и стрелять умеет,
И сабля у нее всегда остра,
Её обидеть вряд ли кто посмеет...

*

Однажды как-то воины-сыновья На
площадь удаль показать выходят. В
мишень стреляют. Звуком тетива
Достигла Нуми-Торума покоев.

Какой же силой надо обладать,
Чтоб тетива пронзительно запела,

Да так, чтоб звук сумел-таки достать
Отца небесного высокие пределы.
Да, если бы имелась месть отца,
То короб, что из бересты сплетённый,
Невыделанной шкурой бы трещал,
Когда б был от еды освобождённым...

*

Несущий песню Отыр вопрошал:
«Сыны! Что движет в жизни человеком?
Коль месть тебе отец не завещал, Ты
можешь мирно странствовать по свету.

Ты просто едешь, смотришь, жизни
рад. Познание новых мест ужель не
счастье?! Коль мести нет, живешь ты без
преград И принимаешь в странствиях
участье».

Закончив речь, он воину велел
Весть братьям снести, что, может, всех дороже.
Быстрей тот бегал, чем еда в котле,
Свариться до использования сможет.

И сообщил гонец младшим братьям
Весть, что их брат, несущий песню
Отыр, Послал: «В поход собираться буду
я, И вам пора готовиться к походу.

А более всего сейчас пекусь О
воинах, истомившихся в безделье,
Сто пятьдесят их. Триста крепких рук...
В походе пусть покажут все умения».

*

И вот сбивают воины крепкий плот,
Длиною в два бревна сооружают,

Готовят лежа спальные, и вот На плот
грузиться войско приглашают.

А в войско призывают только тех,
Кто в силе превеликой пребывает:
Отцов берут, понятно, что не всех;
Сынов берут, кто силой обладает.
Дружина погружается на плот, На
плот садится Отыров дружина.
На бреге провожает их народ, Стоит он,
лентой вытянувшись длинной.

Несущий песню Отыр вот спешит, Несёт
под мышкой инструмент он струнный, И,
обращаясь к рати, говорит:
«Как скажете, решите, так и будет.

Пять струн имеет этот инструмент.
Возьмём его, нам веселее будет.
Коль не согласны, расколю в
момент, И мы об этом тотчас
позабудем».

А воины-сыны все, как один,
За то, чтоб взять тот инструмент в
поездку: «Поедем в дальний край мы,
господин, Под музыку, а это довод веский.

Бескрайние просторы дальних мест
Нам музыка преодолеть поможет.
Как указующий дорогу перст,
Она и дух, и силы приумножит».

Вот зычный клич к отплытью
прозвучал, Те звуки Нуми-Торума
достали, Сотряс клич землю-мать,
речной причал, И с войском плот
торжественно отчалил.

До той поры, пока был виден плот,
Пока отряд не превратился в точку,
Сестра рукой махала братьям вслед –
Достоиную Отца была та дочкой.

*

Долгонько ль, коротенько плыла рать,
А с ней и плот в низовье по течению...
А вот и Обь, она всем рекам мать,
Вот берег... Он – раздолье для оленей.
Широкий берег обеспечит бег
Оленям – нет крутого здесь откоса...
С хорошим зреньем смотрит человек
И видит город в оконцовке плёса.

Мужчина, слабый зреньем, говорит:
«Не город это! – Мыса возвышенье!»
А ратник прозорливый возразил:
«Нет, это город, город, без сомненья!»

А в городе заметили тот плот, Что
воинами был с лихвой наполнен:
«Да это ж Отыры отправились в поход,
Плывут бесстрашно сквозь обские волны».

Вот к пристани причалили они,
На берег сходят воины по приказу,
А старший Отыр, певший все те дни,
Вдруг сажей от котла лицо измазал.

Пошёл, хромая, посох под рукой,
Шатается туда-сюда изрядно. Он знал,
чтоб вечный не обрести покой, Убогим
притвориться нынче надо.

*

Добрался он до крепостной стены,
До крепкого угла «доковылялся».
Остатки нарт и лодки там видны –
Как зверь, почуял, в западню
попался.

Когда-то, видно, путник приезжал На
нартах, что прогнили напрочь ныне... А
рядом остов лодки догнивал, А где
хозяин? Нет его в помине!

Выходит, появлялся человек
Из дальних мест, из мест, быть может,
ближних, И исчезал бесследно здесь навек, А
значит, что его лишали жизни.

*

За крепостными стенами возня И
шорохи зловещие под вечер.
Главу поверх ограды
приподняв, Наш Отыр говорит
такие речи:

«Двух братьев и меня взрастила мать.
Мы – силачи, ручищи вот скупают...
Пятьсот домов сумели мы сломать,
Осталось сто пятьдесят. Закончим, чаю!»

Он речью этой, видно, напугал
Иль озадачил душегуба-гада, И,
в городке зловещем побывав,
Целёхоньким вернулся за
ограду.

А за оградой взялся он дразнить
Богатыря, что за стеной был чёрной:
«Жену дарю, хочу тебя женить!»
Тот руку протянул, а наш –
отдернул.

И Отыр наш на берег поспешил, На
плот вскочил, и тотчас плот отчалил.
Злодей помчался вслед, что было сил,
И в воду прыгнул, злобен и отчаян.

Поплыл вослед плоту, да не догнать,
И нет подмоги, чтоб продлить
погоню: Бойцы его в отъезде – не
позвать, А в поле и воде один – не
воин.

*

А Отыры с плота ему кричат:
«Не тешь надежду, не гонись за нами,
Греби обратно в свой зловеший град, И в
мыслях нет, чтоб воевать нам с вами».

И снова возвращались по Оби,
Затем по речке шли своей усердно:
Семь суток без замены погребь,
Поймешь тогда, как тяжеленько бедным.
Рукам гребцов сильнее не устать:
Грести не могут, сносит их течение.
Хоть умирай, на вёслах тянет спать,
Заснешь – веслом тут по лбу бац! –
мученье.

Несущий песню Отыр этим днём
Распорядился: «Коль бойцы устали,
Мы силы восстановим, отдохнём,
А для начала – к берегу
пристанем.

Тем более что до родимых мест –
Рукой подать, но отдохнуть придётся.
Поставим лагерь воинский окрест,
Пусть сила к нашим воинам вернётся».

Вот к берегу пристал тяжелый плот.
Кто варит пищу, кто ест всухомятку.
Поели все, для сна настал черёд.
Сон всех свалил тяжелый, крепкий, сладкий.

Брат старший – Отыр песенный с женой
Устроили ночлег, оставшись в лодке.
Все спят, не спится лишь жене одной,
Слух тонкий обнажил в ночи находку.

Волнуется и мужа тормошит:
«Проснись, родной, я чую вражье войско.
Оно плывёт, чтоб жизни нас лишить.
Вставай уже, ну, спать-то можно сколько!»

Проснулся муж, прислушался, молчит,
Обдумывает, что со сна услышал:
«Так это утки плещутся в ночи,
Бывает, также вот скребутся мыши...»

Жену не успокоил тот ответ,
Как пух к воде, пристала к мужу, будит:
«Закроет очи нам на белый свет
Враг подлый, вот тогда уж поздно будет!»
И вот уже враг близко подошёл,
Так явственен плеск мощных вражьих вёсел,
Их приближение слышно хорошо.
Враги свежи, грести никто не бросил.

Догадки строят младшие братья:
«Стрела чужая нас чуть не задела.
Тот Отыр злобный, видимо, смутьян,
За гнусное привычно взялся дело».

Тем временем на лодке старший брат

Тяжёлое весло хватает в руки,
И им давай туда-сюда махать,
Враги повсюду падают, как мухи.

Два младших брата, развязав ремни,
С врагами подлыми отчаянно воюют:
Как гущу комаров, дави и мни, Так
тучу вражью мнут напропалую!

Враги вокруг стоянку обошли,
Да братья младшие их сами окружили,
Но семеро врагов в побег ушли,
Сбежали. Видно, трусоваты были.

За ними старший Отыр поспешил, Бегун,
борец, стрелок он был редчайший.
Он шестерых вражишек уложил, С
седьмым сошёлся в схватке жесточайшей.

Несущий песню Отыр опознал
Его – тот за плотом пытался гнаться,
И, помнится, убить его желал, Злодей
он главный – тут не обознаться.

И грянул бой, и воинов не разнять.
Один воюет, чтоб была свобода,
Другой – чтобы навек её отнять,
Отторгнуть песни, сказки от народа.
Ударит Отыр – вдаль злодей летит,
Злодей ударит – Отыр отлетает.
Сломались сабли, только пот блестит,
Обломками сражались. Силы тают.

Вот выдохлись и рухнули без сил... К
земле прижавшись, набирались силы.
Соскакивают вновь, вновь Отыр бил,
Затем его с такой же силой били.

Ещё чуток – и Отыр упадёт, Чуть, и
победу враг над ним одержит.
Враг ножик из-за ворота берёт,
Еще чуть-чуть и Отыра зарежет.

Тут Отыру пригрезилась сестра...
А враг жертву Торуму готовил:
Мол, песенного скальп богатыря
Тебе я посвящаю, Нуми-Торум!

Злодей уже победу предвкушал, Прижат
к земле был песенный наш Отыр. Уже
над головой враг нож держал, Но,
видимо, ему мешало что-то.

И тут внезапно враг совсем исчез,
Куда он делся – лишь Всевышний
знает.
А Отыр вдруг очнулся, как воскрес,
Глядь, а над ним стоит сестра родная.

«Ну, что с укором смотришь на меня?» –
Спросил брат старший, песенный наш Отыр.
«Хоть, Отыр, ты велик, о двух ремнях, Но
подкачал в единоборстве что-то.

Птенцу лесному сокола не сбить,
Тем более, в родном он небе синем!
Врагу как можно Отыра убить,
Коль Отыр бьётся на земле родимой?»

Взяла она и брата подняла,
Опёрся о плечо сестры любимой.
Шатаясь, та вперед упорно шла
Домой, и, проходя здесь кучи мимо,

Сестра ремень развязывает свой:
«Не дам добру пропасть, хоть враг разбитый!»
Лежали наконечники горой:
Сестра их отстреляла в ходе битвы...

КОНДИНСКИЕ ДУХИ-ПОКРОВИТЕЛИ

Х. О двух братьях-богатырях устья Конды сказкой сказываемая военная песня

1. В нижнем течении Конды-реки жили-были-правили два брата-богатыря. Проснулся как-то младший брат, вышел из дому и пошёл гулять по поселку своему. Шёл он, шёл. Дошёл до околицы. А там, в конце посёлка, жили старик со старухой. Вышел старик навстречу Младшему богатырю и вот о чём речь повёл:

– Богатырь! В далёкой земле, в далёком мире плачут-убиваются по дочери Богатыря Края Неба Пятьдесят Богатырей. Имя её – Своенравная Героиня с Серебряными, Золотыми Смородинами. Было время, когда ты, мальчонкой, качал её в мягонькой коробочке-колыбели, придерживая осторожно да ласково за три конца. С тех пор много воды утекло. Выросла девочка, красавицей стала, вторую такую на всём белом свете не сыскать. Да вот беда: прознал про неё Трёхсаженный лесной Дух, что на берегу Оби живёт-обитает. Прознал, да на том не успокоился: хитростью выкрал её, силой утащил к себе, и томит её в плену ненавистном.

Услышав эту грустную историю и проникнувшись гневом праведным к вероломному и злому похитителю – Трёхсаженному лесному Духу, Младший богатырь домой поспешил. Встретив у дома брата своего старшего, обратился к нему:

– Старые люди говорят, что у Богатыря Края Неба Пятьдесят Богатырей дочь есть. Я, мальцом будучи, её в коробочке-колыбели качал, за три конца осторожно придерживал. А сейчас она в плену томится. Её Трёхсаженный лесной Дух в свои владенья, что находятся там, где извилистая Обь семь излучин делает, хитростью утащил, силой удерживает. Слышишь ли ты меня? Ответь, не пойдёшь ли ты, брат мой старший, со мной вызволять из плена красавицу пленённую – Своенравную Героиню с Серебряными, Золотыми Смородинами?

2. Крепко задумался брат старший:

– Негоже нам, братец, как нитке за иголкой виться, как рукояти сабельки за острием поспешать. Ну, предположим, уйдём мы в поход дальний вызволять из плена красавицу пленённую – Своенравную Героиню с Серебряными, Золотыми Смородинами. Начнём осаду города, в котором Трёхсаженный лесной Дух живёт-правит. А город-то сходу и не возьмёшь: его верхние брёвна до покоев самого Нуми-Торума доходят, а нижние в пределы Ял-Торума упираются. Много людей проживает во владениях Трёхсаженного

лесного Духа. Как густа шерсть оленей, как густа шерсть собак, так многочисленны местные ненцы. Все они преданы своему господину. Как чувствителен двойной укус муравья, как чувствителен тройной укус муравья, так влияет он на свой народ. Увязем мы в войне этой. А кто за нашей местностью, что в устье Конды-реки простирается, приглядывать будет? Нет уж, братишечка, не пойду я.

Обиделся Младший богатырь на брата старшего да в сердцах и промолвил:

– Знаешь, брат, коли не пойдешь со мной в поход, то будь ты точильным камнем! Если попадется человек, идущий вверх по реке, у которого нож затупился, пусть наточит о тебя. Если попадется человек, идущий вниз по реке, у которого сабля затупилась, пускай наточит о тебя. Уподобься женщине с двумя задами, с какой бы стороны к ней ни подошел, всюду радость для естества человека: если встретится человек, плывущий вверх по реке, пусть пройдет через тебя его естество; если встретится человек, плывущий вниз по реке, пусть пройдет через тебя и его естество!

После слов этих обидных вошел младший брат в дом и стал в поход собираться.

Долго ли шел, коротко ли шел богатырь, однажды остановился и задумался: «Если я так и дальше идти буду, то когда же я доберусь?!» После слов этих обернулся он медведем и побежал. Бежал-бежал и вдруг встал будто вкопанный: «Если я так и дальше бежать буду, когда же я добегу?» После этого обратился он в священного змея. Двинулся он дальше, но однажды вновь остановился: «Если я так и дальше буду ползти в сухой траве, то когда же я доберусь?!» Тогда обернулся он ястребом и полетел. Летел он, летел и, наконец, долетел до стен города Трёхсаженного лесного Духа. Задумался Младший богатырь: «Как же мне проникнуть в доходящий до Верхнего Неба город?» И обернулся он горностаем. Начал взбираться на стену города. Лез он, лез, пока не затупил когти и не вынужден был вернуться. И тогда начал он делать подкоп под стену города. Долго ли, коротко ли копал, но, наконец, оказался с другой стороны городской стены.

3. Оказавшись в городе Трёхсаженного лесного Духа, Младший богатырь попросил Верхнего отца своего – Нуми-Торума послать на город небывалую семинедельную жару. После того, как наступил небывалый зной, жена Трёхсаженного лесного Духа – Своенравная Героиня с Серебряными, Золотыми Смородинами – купаться пошла. Вот женщина, сопровождаемая семью служанками, спустилась на берег Оби. Разоблачилась, стала купаться. Искупавшись, вышла на берег и обратилась к служанке своей:

– В одежды мои какой-то зверёк забрался.

Служанка взяла одежду и начала трясти что есть сил.

– Нет там никого, – наконец промолвила та. Но она ошибалась: в одежде спрятался Младший богатырь в образе мелкого зверька. А выпрыгнув, он превратился в медведя. Схватил медведь Своенравную Героиню с Серебряными, Золотыми Смородинами, вложил ее в пасть между зубами и в лес поспешил.

4. Трёхсаженный лесной Дух в это время спал: лежал-полеживал. Наконец, проснулся, встал. Глянул вокруг: нет нигде жены, красавицы своенравной. Вышел на улицу. Видит, ворон летит. Спрашивает он у ворона:

– Скажи мне, ворон, куда подевалась моя жена?

– Пока ты спал, – отвечает ворон, – настала семинедельная жара. Твоя жена пошла на берег Оби купаться, и водное чудовище съело её.

Поверил Трёхсаженный лесной Дух словам ворона, надел свои доспехи, вооружился саблей и нырнул в Обь. Пошли по воде круги. Заволновалось подводное царство. Это Трёхсаженный лесной Дух начал рубить саблей водных чудовищ. Рубил-рубил, неделю рубил. Через неделю от водных чудовищ остались одни куски. Только вот семисаженных кос своей жены так и не обнаружил ни в одном водном чудовище. Выбрался на берег. Ворон ему говорит:

– Жену твою семь гномов, в лесу живущих, выкрали.

Вновь Трёхсаженный лесной Дух облачился в свои доспехи, вновь взял саблю и в лес отправился сражаться с лесными гномами. Рубил-рубил, неделю рубил, только кусочки их тел на город сыпались. Однако семисаженных кос своей жены у гномов так и не обнаружил. Опять пролетает ворон. Трёхсаженный лесной Дух к нему и вопрошает:

– Милый мой ворон! Не заметил ли ты где жену мою?

А ворон в ответ:

– Знаю или не знаю, тебя не касается, всё равно не скажу. Обида у меня на тебя большая. Больно жаден ты. Когда охотишься в лесу, когда добываешь оленя, хоть капелькой оленьей крови ты со мною поделился? Нет! Ты берёшь свои лук и стрелы и, используя всяческие уловки и хитрости, меня подстрелить пытаешься...

Так ни с чем Трёхсаженный лесной Дух дальше побрёл. Долго ли шёл, коротко ли – неведомо то, но вот однажды заметил пролетавшую над ним ворону.

Обращается он к вороне:

– Милая ворона! Не видела ли ты где-нибудь мою жену?

А та в ответ:

– «Знаю, не скажу, и не знаю, не скажу!

Побрёл Трёхсаженный лесной Дух дальше. Видит: летит сорока.

– Не знаешь ли, дорогая моя сорока, где моя жена?

Сорока отвечает:

– Знаю, знаю, Трёхсаженный лесной Дух!

Обрадовался Трёхсаженный лесной Дух:

– Вот тебе семь ёмкостей с рыбьим жиром!

Сорока подлетела и клевать начала.

– Скажи-ка, сорока, где моя жена?

Застрекотала сорока:

– У Кондинского Младшего богатыря твоя жена.

После вести такой взял Трёхсаженный лесной Дух сороку за хвост, треснул оземь и поспешил в свой город.

5. Вернувшись в город, стал он войско собирать – к битве готовиться: битве с Младшим богатырем низовий Конды-реки.

Луна в ту пору была круглой, будто поверхность наперстка для шитья. А как закончил собирать войско, луна затмилась, словно опечалилась. Двинул Трёхсаженный лесной Дух войско своё в пределы Младшего богатыря.

Одна из жён Младшего богатыря вышла на улицу, прислушалась в темноте, вернулась в дом и говорит:

– Чувствую, что войско на нас идёт. Тесными рядами наступают ратники.

Двигаются вперед, словно лес низко срубленных деревьев движется.

Младший богатырь оделся, облачился в доспехи, саблю взял и вышел навстречу войску вражескому. Вот и показалось это войско. Впереди бежит Трёхсаженный лесной Дух. Бежит и хлопает себя по латам на бедрах. Лязг и звон стоит, хоть уши затыкай. Возопил Трёхсаженный лесной Дух:

– Младший богатырь! Я твою травяную крепость, я твою гниловатодошающую крепость махом смету – не замечу!

Начал Трёхсаженный лесной Дух все, что под руку попадается, крушить и рубить своим боевым топором. Увидев это, Младший богатырь взял из колчана стрелу свою меткую, вставил в свой лук, натянул до плеча могучего тетиву тугую и выстрелил в Трёхсаженного лесного Духа. Удар был такой силы, что Трёхсаженный лесной Дух отлетел на расстояние звучания трёх криков и в землю по пояс вошёл. Выкарабкался Трёхсаженный лесной Дух и вновь побежал навстречу Младшему богатырю. А тот вытянул из колчана вторую свою стрелу, вставил в свой лук, натянул до плеча могучего тетиву тугую и

снова выстрелил в Трёхсаженного лесного Духа. Удар был такой силы, что тот отлетел на расстояние в один крик, и в землю вошел аж на три крика. Долго выкарабкивался Трёхсаженный лесной Дух из-под земли, а как освободился, то вскочил, и вновь сиганул к Младшему богатырю, и продолжил сражение. Вытянул Младший богатырь из колчана свою третью стрелу, вставил в свой лук, натянул до плеча могучего тетиву тугую и в третий раз выстрелил в Трёхсаженного лесного Духа. Тот над войском, подобно ветру, пролетел и исчез незнамо куда. После этого Младший богатырь начал сражаться с воинами Трёхсаженного лесного Духа. А воинов тех – не счесть числом. Как густа шерсть оленей, как густа шерсть собак, так многочисленны воины Трёхсаженного лесного Духа.

Три дня и три ночи битва длится. Поубавилось сил у Младшего богатыря. И вот посылает он одну из жён своих за подмогой к брату старшему. Добралась та до Старшего богатыря и к нему так обратилась:

– Слышишь ли? Пришел бы помочь! Мягкое мясо кончика пальца твоего младшего брата уже оторвалось.

А Старший богатырь лежит-полёживает. Только и промолвил в ответ:

– Если нож моего брата младшего затупился, пусть придет и наточит о мой бок!

Так ни с чем и ушла женщина. Вернулась она и передала Младшему богатырю слова брата, дескать, если нож твой потупился, то приходи-ка, да поточика его о бок брата. Услышав в ответе старшего брата слова, когда-то в сердцах им самим брошенные, вздохнул Младший богатырь, да ничего не поделаешь, бой тяжкий смертный продолжать в одиночку придётся. Еще три дня и три ночи гроыхала эта битва. Почти не осталось сил у Младшего богатыря. Посылает он к брату старшему другую свою жену. Увещевала та брата, да толку мало вышло. Опять услышала в ответ прежние слова:

– Если сабля моего брата младшего затупилась, пусть об меня поточит, может, сподручнее сражаться-то будет.

Вернулась вторая жена к мужу – Младшему богатырю, передала слова брата старшего. Ничего не сказал младший богатырь. А что тут скажешь? С тем и сражение продолжил. Так прошло ещё три дня и три ночи. Через три дня посылает Младший богатырь к своему старшему брату свою новую жену – Своенравную Героиню с Серебряными, Золотыми Смородинами. Та явилась к Старшему богатырю. В правой её руке миска большая, щедро наполненная мясом годовалого жеребёнка, двухлетнего жеребёнка, в левой руке – как пламя огня – новый отрез сукна кумачового. Увидел старший брат Своенравную Героиню с Серебряными, Золотыми Смородинами, понял, ради сокровища какого Младший богатырь живота своего не жалеет, оценил и подарки

дорогие, приподнялся с нижней подушки своего уютного спального гнёздышка на подушку верхнюю, встал стремительно и вымолвил:

– Ступай и передай брату моему младшему, что иду я!

Быстро собрался он, оседлал двух коней и двинулся на подмогу.

Долго ли ехал Старший богатырь, коротко ли ехал, но спустился-таки вниз и проник в черное нутро земли. Ехал он там, ехал, до расщелины добрался. Через неё опять на поверхности земли оказался. Пришёл он к семерым воинам-богатырям. Но прежде он зашёл к их матери и отцу. Потом поднялся к Отцугосподину – Нуми-Торуму, и речь держал такую:

– Дорогой Отец-господин! Не хотел бы ты одарить меня золотым кнутом? Не хотел бы ты одарить меня золотым топором? Не хотел бы ты одарить меня ёмкостью с живой водой, доставленной семерыми воинами-сыновьями?» Услышал Нуми-Торум просьбы эти, внял им и золотым кнутом одарил, и золотым топором одарил, и ниспослал Старшему богатырю ёмкость с водою живою.

Двинулся тот на помощь Младшему богатырю во главе семерых воинов-богатырей, их матери и отца. Вот уже старший богатырь начал преследовать войска Трёхсаженного лесного Духа. В какой-то момент видит: семеро его воинов-сыновей лежат бездыханны, а рядом – изрублены и мать их с отцом. Ну, а главная беда – брата его младшего враги уже убили зверски: глаз вынули, ухо отрезали, руки-ноги переломали, а тело – в мешок из конской кожи бросили и повезли в город.

6. Пospешил Старший богатырь в город окольным путём и добрался до города Трёхсаженного лесного Духа раньше, чем войско туда прибыло. А в городе том живые божества жили. Старший богатырь проник в дом живых божеств, умертвил их и на их место сел. Женщины пришли, принесли пищу жертвенную. Поел Старший богатырь, силы подкрепил. А тут и войско в город возвернулось. В окно дома живых божеств воины мешок из конской кожи закинули: мол, примите угощенье.

–Мы, – говорят, – привезли вам живой глаз, живое ухо, живую ногу, живую руку богатыря поверженного.

Старший богатырь принял закинутый мешок из конской кожи, развязал, а там, как открыл, так увидел: лежит его младший брат бездыханный. Вынул тело брата и начал поливать да натирать его живой водой из мешка, дарованного ему Отцом Верхним. И вот, о, чудо: ожил младший брат, зашевелился и стал живее да сильнее прежнего. На следующий день оба брата, как один, продолжили битву.

Отчаянно сражается Старший богатырь. А его золотой боевой топор со свистом вихря носится среди полчищ супостатов, и нет спасения головам

вражеских воинов. Как срубленные в лесах и рощах деревья, падают сражённые вражеские воины.

Долго ли, коротко ли рубил-крушил врагов Старший богатырь, да вдруг топор его с чем-то крепким, находящимся в земле, встретился. Ударил старший богатырь что было силы, да только топор его пополам сломался. «Что же там такое?» – удивился Старший богатырь, а в ответ:

– Это я – Дух Нижнего Мира!

Выскочил Дух Нижнего Мира из-под земли и стал воевать на стороне Старшего богатыря. Вместе они воюют. Воевал- воевал Дух Нижнего Мира, а потом вновь опустился вниз, ушел в землю чёрую.

7. Долго ли, коротко ли сражался Старший богатырь, да только вдруг кнут его золотой наталкивается на что-то крепкое. Хлестанул Старший богатырь золотым кнутом, а тот возьми, да и пополам лопни. Удивился Старший богатырь, увидав перед собой старика. Спрашивает:

– Ты кто такой будешь?

– Я – Аяс-Торум, – отвечает тот. Дальше вместе они сражаются. После долгого сражения Аяс-Торум ушел вниз, под воду. Только пузыри от его дыхания по воде и пошли.

Один продолжает сражаться Старший богатырь. Долго ли, коротко ли бил он врага, да только однажды, бросив взгляд вокруг, увидел, что все вражье войско от руки его богатырской полегло, поредели леса, полегли рощи. Глянул он вдаль, видит: бежит его брат, Младший богатырь, а за ним по пятам два преследователя: Трёхсаженный лесной Дух и Городской богатырь с круглыми глазами. Как только заметили те Старшего богатыря, так и бросились наутек в разные стороны. Старший богатырь распорядился, обращаясь к младшему:

– Беги, преследуй Трёхсаженного лесного Духа, а я помчусь вслед за Городским богатырем с круглыми глазами.

Так они и поступили. Начал Старший богатырь преследовать Городского богатыря с круглыми глазами. Гонялся, гонялся за ним, где догнал, там и убил супостата. Двинулся искать младшего брата. Видит: отчаянно сражается Младший богатырь с Трёхсаженным лесным Духом. То один теснит противника, то другой. Вот Трёхсаженный лесной Дух кинул на землю Младшего богатыря, сел ему на грудь и прижал к земле. Вытащил из нагрудного кармана священное остроконечное железо, вот-вот перережет он горло Младшему богатырю. Тут Младший богатырь смекалку проявил, говорит он, обращаясь к Трёхсаженному лесному Духу:

– Разве способен ты, Трёхсаженный лесной Дух, лишить меня жизни?! Меня, под Торумом родившегося, на белый свет уже на третий день

появившегося? Спроси-ка об этом Отца моего небесного – Нуми-Торума! Предложи ему, не возьмет ли он мою душу?

Поднял глаза свои Трехсаженный лесной Дух в синь небесную, а в это время Младший богатырь ударил супостата со всей силы в живот. Трехсаженный лесной Дух как сидел, так и рухнул наземь. А Младший богатырь взгромоздился на него сверху. Тогда Трёхсаженный лесной Дух говорит:

– Младший богатырь! Кликни Нуми-Торума, предложи ему мою душу!

А Младший богатырь отвечает:

– Кому ты, питающийся падалью да мясом вшей, нужен? Кто тебя знает?

Нуми-Торум тебя не знает!

Сказав речь эту, Младший богатырь вскинул нож и пронзил кадык супостата.

8 . После победы над Трёхсаженным лесным Духом братья встретились и вместе пошли обратно. Добрались они до убитых семерых воинов-сыновей. Взбрызнули павших живой водой из мешка, пожалованного Отцом небесным. И ожили те. Потом пришли они к матери семерых воинов-сыновей и её оживили; пришли они к отцу семерых воинов-сыновей, и его оживили. После этого пошли дальше. Долго ли шли, коротко ли шли, но все же вернулись домой. Приготовили для воинов славных, братьев-богатырей водку, приготовили пиво; неделю ели, неделю пили. И я там ел, и я там пил. Были там и мой сказ, и моя песня.

XI. О Тарьяим-Корьяиме – мужчине, жившем на той стороне кочковатой болотины, военная песня

1. У Тарьяим-Корьяима – мужчины, родившегося на той стороне кочковатой болотины, с косицей, похожей на хвост глухаря, носящего одежду с роговыми пластинами и шубу из шкуры оленя, два младших брата имеются. Решил Тарьяим-Корьяим одного из них – Богатыря по имени Сильный Узкогрудый Олень, женить. Прознали братья, что у Богатыря Края Неба Пятьдесят Богатырей красавица-сестра на выданье. Вот и отправились они в город Богатыря Края Неба Пятьдесят Богатырей.

Запрягли трёх зверей одного окраса с полоской на боку и вдаль помчались. Шаг олени делают, и еловый лес позади остаётся, другой шаг делают, и лиственничный лес позади остаётся.

Если почва под копытами была ровной, то в обрывистую превращается, а если земля была обрывистой, то ровной становится.

Ехали братья, ехали, и вот на пути их длинном сосна громадная встретилась. Сколько земля твердеет под ногой человека, сколько вода оmyвает землю, столько же лет и сосне этой.

Решил Тарьяим-Корьяим срубить эту сосну, схватил топор и выскочил из нарт, запряжённых тремя зверями одного окраса с полоской на боку.

Только топором замахнулся, как сосна заговорила человеческим голосом:

– Не надо меня рубить. Прошу, умоляю!

Не внял Тарьяим-Корьяим мольбе этой, усмехнулся в ответ только:

– Да нет, сосна! Срублю я тебя, и ты падёшь на землю сырую!

– Коли срубишь ты меня, то и сам не намного дольше простоять сумеешь: будешь ты в бою повержен, попомни слова мои! Пусть у тебя, кудрявого, кудри срежут! Пусть у тебя, волосатого, волосы срежут!

Тарьяим-Корьяим отвечает сосне:

– Ветвистая сосна с иголками, пусть твои игольчатые ветки на этом лежащем месте засохнут! Лиственная сосна, пусть твои листья на этом лежащем месте засохнут! – с этими словами начал он рубить сосну, стоящую еще с той поры, когда земля начала твердеть под ногой человека, когда вода начала оmyвать землю. День рубил – не срубил, два рубил – не срубил. Наконец, на третий день накренилась сосна и упала, подрубленная.

2. Три дня и три ночи сотрясалась и стонала земля... А Тарьяим-Корьяим сел в свои нарты, запряжённые тремя зверями одного окраса с полоской на боку, и дальше понёсся. Долго ли, коротко ехали братья, наконец, подъехали они к городу Богатыря Края Неба Пятьдесят Богатырей. Да никто их не встречает, ворота городские не открывает.

Пересели братья на осёдланных коней да, перемахнув крепостные стены, в городе оказались. Тут из одного дома выходит мужчина.

– Кто посмел в град наш без приглашения явиться? – вопрошает он. – Золотую цепь, скреплявшую стены городские, ниспосланную Отцом нашим – Нуми-Торумом, разорвали ваши кони пополам. Покажите-ка сабли ваши.

А Тарьяим-Корьяим в ответ:

– Если я выну из ножен саблю свою да лезвие покажу, то сделаю это только ради головы человеческой», – с этими словами он попытался вытащить саблю из ножен. Вышедший из дома мужчина схватился за клинок в тот момент, когда лезвие сабли уже на половину свет увидело. Лезвие было такое острое, что пальцы рук мужчины упали в снег, окропив его кровью невинною. После этого Тарьяим-Корьяим, наконец, вложил саблю в ножны. А мужчина,

несмотря на боль кровоточащих ран, вновь продолжил уговаривать недоброго гостя:

– Покажи-ка свою саблю, Тарьяим-Корьяим, чтобы я увидел!

Вконец разгневался и обезумел гость незванный, обнажил саблю, и разрубил мужчину, вышедшего из дома, пополам. Увидев это, самый младший братец так испугался, что взбежал на гору и спрятался за ней.

3. Перед тем, как в дом войти, Тарьяим-Корьяим коня своего определил в конюшню. Вошёл в дом, а там – Богатырь Края Неба Пятьдесят Богатырей:

– Зачем ты убил моего брата? Зачем пришли?

– За твоей младшей сестрой мы пришли. Свататься пришли.

– Ладно, – промолвил Богатырь Края Неба Пятьдесят Богатырей, – будь по вашему. Отдадим мы свою сестру, но с условием: вы должны сдать свои сабли и кольчуги.

С большой неохотой подчинился Тарьяим-Корьяим требованиям хозяина, и пришельцы отдали свои латы и сабли. Сватовство состоялось, и брат Тарьяим-Корьяима – Богатырь по имени Сильный Узкогрудый Олень – жену получил. Накрыли свадебный стол, ели, пили. После этого Богатырь по имени Сильный Узкогрудый Олень посадил свою молодую жену на нарты, и понесли те нарты молодых восвояси.

4. Тарьяим-Корьяим остался в городе Богатыря Края Неба Пятьдесят Богатырей и стал жить с женой зарубленного им человека.

Однажды Богатырь Края Неба Пятьдесят Богатырей обнаружил коня Тарьяим-Корьяима в грязной конюшне, вывел его на площадь для выгула.

Выгулял коня. Затем нашёл спрятавшегося за горой на краю города самого младшего братишку Тарьяим-Корьяима и убил его.

Прознал Тарьяим-Корьяим о гибели своего самого младшего брата. Местью наполнилась его грудь. Хотел из дома кинуться, да жена его новая не пускает. Вырвался Тарьяим-Корьяим из рук женщины и на улицу выбежал.

По городу дети бегают. Обращается к ним Тарьяим-Корьяим:

– Милые дети, покажите мне, где лежат мои латы и сабля!

Дети отвечают:

– Твои латы, сабля висят на гвозде в гостевой комнате дома Богатыря Края Неба Пятьдесят Богатырей.

Одарил Тарьяим-Корьяим сладостями детей и в дом Богатыря Края Неба Пятьдесят Богатырей вломился, снял с гвоздя свои латы, саблю и кинулся на площадь, где выгуливали его коня. От вида его народ разбежался кто куда. Облачился Тарьяим-Корьяим в доспехи богатырские, запряг своего коня в сани и подался восвояси.

Долго ли, коротко ехал Тарьяим-Корьяим, да только заприметил, что гонится за ним оленья упряжка, а в ней – воин. Это Богатырь Края Неба Пятьдесят Богатырей мчался за ним. Сблизился он с Тарьяим-Корьяимом и пустил в врага стрелу меткую. Не помогла Тарьяим-Корьяиму кольчуга ячеистая. Достала стрела до тела богатырского и застряла в нём. Боль нестерпимая пронзила Тарьяим-Корьяима. Понял он, что расплата пришла, и взмолился Тарьяим-Корьяим:

– Великодушный Богатырь Края Неба Пятьдесят Богатырей! Не добивай меня! Отпусти домой! Смиловившись Богатырь Края Неба Пятьдесят Богатырей и отпустил врага смертного восвоюси.

Везут сани израненного Тарьяим-Корьяима. Вот подъехал он к сосне срубленной. Сосна и говорит:

– Когда ты туда ехал, предупреждала я тебя, что не надо меня рубить, не послушался ты. Говорила я тебе, что сам вскорости стоять на ногах не сможешь. Не поверил мне, да так оно и вышло: везут тебя еле живого...

Задумался Тарьяим-Корьяим, вздохнул горестно: «Доеду ли я в свой город

Йотентер-куленг до захода солнца?»

5. Добрался он до захода солнца в свой Йотентер-куленг. Заехал в город. Видит, что два мальчика по городу бродят. Это сынишки его были, народившиеся уже после его отъезда. Те взяли его под руки и в дом завели. Оказавшись в доме своем, спрашивает Тарьяим-Корьяим свою жену:

– Пока меня не было, ты, что мужа нашла себе?

Жена отвечает:

– Нет, конечно, а дети родились вскорости после твоего отъезда. Это твои дети. Я тебе не изменяла.

А сыновья вопрошают:

– Что случилось с тобой, отец?

Отвечает Тарьяим-Корьяим:

– Я поехал в город Богатыря Края Неба Пятьдесят Богатырей, чтобы найти жену своему брату по имени Сильный Узкогрудый Олень. Он со своей женой уехал домой, а я там остался... Ранили меня. Позовите сюда моего брата...

Позвали. Вот приехал брат. Да уже не дышит Тарьяим-Корьяим. Мальчишки тормозят его, по щекам бьют, да всё напрасно! Душа его покинула тело и улетела. Похоронили сыновья отца своего. Поминки устроили: неделю ели, неделю пили. Думу думали, как жить надобно, как жить

правильно, как жить далее... На том и песня моя кончилась, на том и сказ мой к концу подошёл.

ДУХИ-ОКРОВИТЕЛИ: ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ПРОШЛОГО

**(священные песни и сказания о том, как Духи-Покровители
обретали себе спутниц жизни)**

I. Богатыря реки Полум (Духа-Покровителя Пелыма) – Сына Торума, священная песня

Воды милы мне реки, что питательна, – Полум!
Как дорога мне водица столь рыбной реки!

Здесь возвышается до облаков славный город.
В нём всё зависит от взмаха державной руки.

Чья та рука? Да моя: Полум-Торум мне имя!
Торум Великий, отец мой, сей край мне отдал.
С воинами я – сыновьями-бойцами своими,
Триста числом – ту дружину Отец тоже дал.

Кроме реки, что имеет название Полум,
Есть Лусум-речка. Она там, повыше, течёт.
Вот в междуречье и править поставлен я, Торум.
Праведно правлю, и не обижаю народ.

*

В доме моём, что богат дорогими мехами –
Чёрными, красными, я в соболином гнезде
Вот возлегаю, но будто не ложе, а камень
Мне подложили, и нет мне покоя нигде.

Вот положил изголовье, как надо – пониже.
Лёг, не засну: провалилось куда-то оно... Сделал
повыше – оно взгромоздилось как крыша, Снова
не спится. Неладно оно всё одно.

И среди ночи, на самой её середине, Что-то
неясное вдруг поразило мой слух. Вслушался,

встал и к двери подошёл господином, Дверь
отворяю и быстро иду я на звук.

Ходко прошёл на задворки я дома-поместья.
Что взволновало меня там, куда бросил взор? Дух-
Покровитель крылатый принёс мне известье – Он
прилетел издалече – от северных гор.
Что же за весть он принёс, прилетев издалече?
Он мне, достоинства полному, что говорит?
«Батюшка мой! Ты послушай-услышь мои речи:
На берегу приозёрном дом ветхий стоит.

Женщина там проживает с почтенным мужчиной,
С ними их юная милая дочь, да к тому
Жизнь у неё незавидна: зима-холодина С
голодом горе венчают в несчастном дому.

Местность известна в округе дождями, ветрами,
Очень коварна она, своенравна на вид:
В небе – ни облачка, вдруг задождит над лесами,
Воздух стоит бездыханный, вдруг вихрь налетит.

Если бы это тебя прямым не касалось, Я
бы, наверно, к тебе не направил крыла.
Торум Великий ту дочь, что в беде
оказалась, В жёны тебе предназначил. Такие
дела».

Дух-Покровитель пелымский, что я отвечаю?
Что я крылатому Духу в ответ говорю? Я
говорю: «Дух крылатый, везде ты летаешь,
И я тебя за известие благодарю.

Ты улетай поскорей от меня восвояси,
Должен обдумать один принесённую весть.
Утро всегда мудреней, это каждому ясно.
Думы ночные способны решение снести.

В дом свой просторный, подобный наполненной
чаше, Полный мехов, кож и снеди, я чинно вхожу. В
сон меня клонит. Задумчивый я и уставший, Сплю,
хоть режь шею и тело – лежу и лежу...

Думы заполнили сон Покровителя
ночью, Девушка бедная мысли мои
заняла: Если бедна и скромна,
натерпелася очень, То, как жена, будет
мне и верна, и мила.
Долго ли спал, или коротко, чую я только,
Воин мой ножами будит тихонько меня:
«Дух-Покровитель, проснись все же, спать можно сколько!
Жизнь свою в корне придётся тебе поменять!

Женщина, слышь, и мужчина тебя поджидают
В доме за озером, где дождь и ветер окрест.
Люди почтенные ждут и о встрече мечтают.
Сдвинуться надобно к ним бы с насиженных мест.

Вот, наконец, я от крепкого сна пробудился,
Дал указанье дружину в поход собирать.
Отдал приказы я воинам, распорядился.
Вот под началом моим 300 воинов – рать!

Две мои нарты украсили птицы крылаты.
Нарты, как птицы, рванувшись, меня понесут.
Тонкого шёлка тюки загружают мне в нарты,
Рядом рулоны сукна, как колоды, кладут.

Вот наконец-то выводят меня из поместья.
Нарты мои расписные услужливо ждут.
Вот усадили меня в них на лучшее место.
Резвы олени в упряжке, не плох и хомут!

Как величав головной зверь-самец в той упряжке!

Кожа вожжи плечевой и нова, и прочна.
Только коснулся её, миг – и вожжи в натяжке,
А за полозьями нарт снежной пыли стена.

Кружат и выются снега, оседая неспешно,
Нарты несутся оленям рогатым вослед.
Сердце на встречу летит, как вода в речке внешней, К
счастью ль несчастью, к пристанищу бед иль побед.

Долго ли коротко ехал, но всё же подъехал К
озеру, что отличалось погодой от всех. Здесь
не прожить без одежды из кожи и меха, Я и
сыны мои носят и кожу, и мех.

*

Вот пред глазами и дом, где почтенные люди
– Муж и жена пожилые – так скромно живут.
В дом, будто малое море, где сватанье будет,
Свата почтенного я засылаю. Он крут.

Вот он зашёл в дом, похожий на малое море,
Рот свой зубатый, где десять зубов, приоткрыл.
Всё повидал он и знает немало историй.
Вот что с порога родителям сват говорил:

«Здравствуйте, люди, и счастье почтенному дому,
Вам Богатырь Полум-Торум большой шлёт привет!
Счастью желает прийти к вам большому-большому,
Пусть не померкнет в глазах ваших радужный свет!

Знаем, на выданье есть у вас юная дочка,
Знаем, томится она без воды и огня.
Знаем, голодною спит она в тёмные
ночки, Так вот сосватать её и послали
меня».

Молвил мой сват речь свою, что супругам
готовил, Ждал он ответа супругов – так многие

ждут. Муж и жена всё сидели, не вымолвив слова,
Так вот себя и разумные звери ведут.

И от хозяев не слыша ответа прямого, Сват мой
немедля задать им вопрос нужным счёл:

«Вы почему здесь сидите, не вымолвив слова?
Жду я ответа, я к вам за ответом пришёл».

Тут и прорвало супругов, исчезли преграды,
Тяготам жизни они посвятили рассказ:

«Мы от сватов жениха ждём дары и награды,
Трудно растить было дочь, говорим без прикрас».

Тут главный сват вносит в дом дорогие подарки –
Тонкого шёлка тюки и рулоны сукна.

Дарит невесты родителям всё без остатка,
В общем, с родными невесты расчёт был сполна.
Муж и жена пожилые, забрав те подарки,
Сразу молчанье сменили на тёплый приём:
«Пир на весь мир мы закатим весёлый и
яркий, Девушкам, юношам мы угощенье
найдем».

Сват дорогой, из сватов ты, естественно,
старший, В город-деревню пойд и гостей
созови. Пусть все узнают о счастье родительском
нашем, Пусть все едят и гуляют до самой зари».

Вот собрались и мужчины, и женщины – гости.
Праздник, каких не бывало досель, загремел.
Свадьба вступающим в брак – как для реченьки мостик:
Связь берегов... он равняет стремнину и мель.

В дом вот заводят меня, Полум-Торума,
вскоре, В дом, где супруги почтенные с дочкой
живут. В дом, что размерами с малое озеро-
море, Вводят меня и сажают за стол чинно тут.

*

Стол – очень низенький, будто гусиная ножка.
С ножку утиную, низенький, маленький стол.
Рядом сажают со мною невесту сторожко.
Это моя половина, её я нашёл.

Рядом сидим за столом. Наша свадьба в разгаре.
За руки взявшись, сплетаемся пальцами рук.
Ходим по дому мы нежной и любящей парой...
Долго гуляли, но вот созываю я слуг:

«Нарты мои расписные к отъезду готовы? –
Тотчас же слуги послушались воли моей.
Радость-невесту свою вывожу я из дома.
В нарте, в собольем гнезде, разместились мы с ней.

Вот восседаем с невестой в красивой мы нарте,
В нарту запряжены три быстроходных самца.
Все они были одной, одинаковой масти...
Тронул поводья и лихо рванул от крыльца.
Змейкой летит из-под полоза снег белый-белый.
Вверх поднимается, в воздухе сизом кружит.
Быстрой ездой управляю – каюр я умелый.
С милой невестой моей будем жить – не тужить.

Где высотой до небес возвышается город,
В городе, что возвышается до облаков, К дому
спешим, он богатый, как рыбою короб, Разных в
нём много – и рыжих, и черных – мехов.

Вот мы заходим с желанной невестой-подругой
В дом соболиный – звериное наше гнездо.
В нём превращу я невесту в родную супругу,
Ляжем мы спать... В сон глубокий ложимся ладом.

В крепкий наш сон, подходящий для шеи и тела,
Вот мы вдвоём погрузились, ох, крепко мы спим.

В доме просторном, где, если чего захотелось,
Всё есть: вода, пища нежная – пьём да едим!

Дни, что грядут, мы их дальше с женой проживаем,
Ночки прошедшие ласково прожили мы.
Нежную пищу вдвоём мы с женой потребляем,
Славно, уютно нам в доме средь снежной зимы.

Мести коль нет, так откуда б я мести
набрался? Не был я местью родительской
обременён. Я с материнских времён за оружие
не брался, Не воевал я с далёких отцовских
времён.

А коли так, то и жизнь протекает как надо,
А коли так, то и жизнь нам с женою мила.
Торума Верхнего славить за это мы рады:
Сколько заботы он дарит и сколько тепла!

II. Богатыря устья реки Сакв (Духа-Покровителя устья Сыгвы) – Сына Торума, священная песня

Я Золотым Отцом, я Торумом Всевышним
Назначен этот край блюсти и охранять.

О благе лишь людском мои заботы, мысли,
Стремлюсь я всем помочь, пытаюсь всех понять.

С голодными желудками здесь женщин очень
много, С голодными желудками здесь много и
мужчин. Бедняжек много здесь, и им нужна
подмога – Вот помощи моей причина из причин.

Здесь в устье Саква я, в Отцовом назначенье,
Вбираю нежный запах, что пар даёт котла,
Вдыхаю ароматы от чаши с угощением,
Слежу за тем, чтоб жизнь размеренно текла.

На Сакве все ко мне относятся с почтеньем,
На вёсельной реке, где ласкова волна.
На лодочной реке, реке благословенной,
Где рыба не мала, а жизнь всегда вольна.

Реки здесь ширь такая, что даже там, где узко,
Две прешироких лодки в две стороны пройдут,
Спокойно разойдутся, ведь позволяет русло.
Здесь русским и вогулам и пища, и приют.

В одну сторонку я всмотрелся – змеи сосыл
И ящеры там юр в довольствии живут.
В другой же стороне, куда я взгляд свой бросил, –
Там рыбы малоносые, носатые снуют.

*

Как рукоять ножа короткие здесь воды,
Длиною с топориче недлинная река...
Сажусь на лодку я, мне весла – как поводья,
Дорога пусть мне будет приятна и легка.
На веслах я пошёл по Сакву до верховий.
Там сват живёт хороший, всегда меня он ждёт.
Деревню проплывал, в ней не было здоровья
Мужчине седовласому: вот-вот, да и умрёт.

Болел седой мужчина, с седою головою.
Висела жизнь его на тонком волоске.
Он умолял меня звериною мольбою, С
молитвой соболиной он подошёл ко мне.

Молитвой соболиной, звериной умоляя,
Меня просил его спасти и сохранить: «О,
Покровитель мой, тебя я призываю
Свяжи и укрепи мне жизненную нить!

Коль исцелишь меня, в долгу я не останусь:
Одной верёвкой связанных семь жертв поставлю я.
И, Отыр, на тебя молиться не устану, И
будет век молиться со мной моя семья».

«С коленей поднимись! Тебя в беде не брошу,
Сын Торума тебе об этом говорит,
Ты с бока на другой перевернись – поможет.
Встань, выпрямись, кровь сплюнь. Почуешь – не болит».

И вот седой мужчина, мужчина седовласый
Перевернулся так, как я ему велел.
Встал на ноги свои, кровь сплюнул там, и разом
Ушла его болезнь, как будто не болел.

Как исцелился он, ко мне вновь обратился:
«Сын Торума Великий, Дух-Покровитель мой,
Семь жертв веду тебе за то, что исцелился,
Тебе я жертвы ставлю сегодня, дорогой».

Ему я подсказал, найти такое место, Где нет
жилья людей, где Духи лишь кружат.
В укромном уголке мне принести те жертвы:
«Дымящей чаши я возьму там аромат.
Палящий аромат возьму я с аппетитом,
А после, как возьму, ты над костром подвесь За
дужки семь котлов. В них воду вскипяти ты И
слей весь кипяток в подрост, да прям под весь.

И вот когда тот пар воды, в котлах кипящей,

Взойдёт, взовьётся ввысь, дымящ и восходящ,
Тогда и Нуми-Сорни, Отец Златоносящий,
Тебе здоровье даст с Богинею Калтащ.

Ну, до свиданья, друг, мужчина седовласый,
Дорогой длинной я намерен дальше плыть».
Спускаюсь я на пристань, вновь лодка в моей
власти, Я на корму сажусь и продолжаю путь.

*

В верховья Саква я на лодке крепкой ехал,
Без устали я грёб, вот мыс, могучий лес.
Вот именитый град, к нему сейчас подъехал.
А как его название? Да это ж Мувынкес!

А долго ли я вёсла мочил в реке любимой,
Иль коротко я грёб, однако не устал, И не
проехал я стен укрепленных мимо, На
пристань городскую я с радостью пристал.

На пристань я пристал, хорошая там пристань, Из
лодки с крепким дном на берег я сошёл. И в
светлый дом большой, что под сосной тенистой,
Достоинства исполненный, Сын Торума вошёл.

И за руку меня рукою доброй взяли, Там
Торум-аги эква – Дочь Торума жила.
За стол, что в серебре, приветливо сажали,
Ломился стол от яств, от блеска серебра.

Вот Торум-аги эква учтиво вопрошает:
«Что привело тебя в неблизкие края:
Нужда какая есть или беда большая?
В догадках пребываю, домысливаю я».
Я отвечаю ей: «Из-за того я еду, Что
сваты там живут, давно не видел их.
Сакв-Талих ойка там. Я с ним ценю беседы.
О жизни рассуждать люблю я на двоих».

Медовую еду и яства золотые
Мне, Торуму-пыг ойке, поставили на
стол. Отведали тех яств – желудки не
пустые, И с Торум-аги эквой я на берег
пошёл.

Её благодарил и снов желал хороших, Пусть
город именитый обходит грусть-печаль.
Пусть не зальют дожди, не занесут пороши, И
лодка вверх пошла, в таинственную даль.

*

И долго ли я плыл, иль коротко я ехал,
Но, наконец, приплыл в высокий, мощный град.
Священны дерева, трава подобна меху.
Ко мне навстречу вышел тут воинов отряд.

Все с копьями в руках, в железных все
доспехах, Значительны числом, быстры, ловки,
сильны, И в схватке с ними враг не обретёт
успеха: Достойного вождя достойные сыны!

«О, родственник ты наш! К нам прибыл сват любимый!
К нам Торума-пыг ойки не зарастет тропа!
Он снова в гости к нам! Нас не проехать мимо!
Радужен город наш, хоть будь гостей толпа!»

Я под руки был взят и обнят был за плечи,
И в город поведён – сопровождал отряд,
И всюду слышал я приветственные речи,
Мол, прибыл в гости к нам с низовий добрый сват!

Вот в дом меня ввели, имеющий семь
комнат, Меня Сакв-Талих ойка обнял,
поцеловал. Со сватом провели нас в дальние
покои,
Серебряный там стол под яствами стонал.

Семь дней и семь ночей меня там угощали
Медовою едою и золотой едой.

А после почивать уставшего послали В
гнездовье соболиное, звериное гнездо.

Лежу я в том гнезде и чувствую однажды,
Что кто-то рядом лёг, придвинувшись слегка.
Был крайне удивлён – так удивится каждый,
Кого обнимет ночью вдруг девичья рука.

Смородины-глаза мои в ночи блестели:
Кто ночью льнёт ко мне? Ну, кто ж ко мне легла?
Да это ж свата дочь со мной в одной постели!
«Зачем ты ссоришь нас? Зачем ко мне пришла?

Отец увидит нас, несдобровать обоим,
Побойся, хоть отца, и не позорь меня».
«Мой милый, дорогой, я не боюсь побоев.
Мне сладко умереть, тебя здесь приобняв.

Мне дело до отца уже нет никакого,
Он вырастил меня, я дальше жить
хочу.
Я так тебя люблю, что стать твоей готова.
В объятия твои, как в омут, я лечу!»

На лодку проберусь, на нос её я сяду,
В низовья Сакв-реки меня ты увези!» «Коль ты
решилась, то побег продумать надо... С утра
собольи шубы ты в лодку загрузи.

И пусть ногам твоим не встретятся преграды,
Препятствия пусть руки твои не ощутят».
И ночь для нас была желанною наградой,
И день, что спали мы, стал лучшей из наград!

Когда проснулся, встал, жену не
обнаружил. На улицу я вышел. Искать её я
стал. Как спелые смородины, глаза молодого
мужа Увидели её на лодке, где причал.

Приданое своё на лодку загрузила:

И шубы соболиные, и добрые меха. И
преданно ждала, когда проснётся милый,
И на корме была безропотна, тиха.

Со сватом я своим совсем не попрощался,
Почуял я, что дочь свою он не отдаст.

И, оттолкнув причал, в низовье помчался,
Пусть Торум Золотой благословенье даст!

*

Иль долго мы гребли, иль коротко мы плыли,
Но город нам предстал красивый, наконец.

Когда туда я плыл, в том городище был я, А
как зовется он? А, вспомнил, – Мувынкес!

На пристань я пристал, хорошая там пристань, Из
лодки с крепким дном на берег мы сошли. И в
светлый дом большой, что под сосной тенистой,
Достоинства исполнены, с женою мы вошли.

И под руки тут нас любезно подхватили,
Там Торум-аги эква – дочь Торума жила. За
стол, что в серебре, нас вместе посадили,
Ломился стол от яств, от блеска серебра.

Вот Торум-аги эква с улыбкою широкой,
Негромко говорит, за выбор мой хваля:
«Красавицу-жену везёшь ты в край далекий,
А косы у неё, не косы – соболя!»

Медовая еда, еда там золотая
Поставлена на стол, ей потчевали нас.

А Торум-аги эква, добра, любви желая,
Нам дивные слова сказала, и не раз.

Медовую еду, златую ту отведав,
Я Торум-аги экве ответно
говорю:

«Огромное спасибо, Торум-аги эква,
За тёплый твой приём тебя благодарю!
А нам домой пора. Ждёт путь не самый легкий.
Нам радостно гостить, но надобно спешить.
Боюсь погони я: мой сват, Сакв-Талих ойка,
Догонит если нас, жены меня лишит».

Мы с Торум-аги эквой затем расцеловались,
И на прощание сердечно обнялись.
На пристань мы пошли. Вот пристань показалась.
На лодку сели мы, пошли по Сакву вниз.

*

Коротким был наш путь, а, может, путь был длинным —
Об этом не могу доподлинно сказать.

Приплыли мы к седому, спасённому мужчине.
К деревне, где он жил, сумели мы пристать.

«Ну, здравствуй дорогой, Сын Торума — Пыг ойка,
Как рад тебя я вновь увидеть у себя.
Соскучился уже. Тебя не видел сколько!
Приятно мне встречать не одного тебя.

Еще недавно ты один в верховья ехал,
А нынче-то с собой красавицу везёшь,
И видно по всему, она не неумеха:
Ведь даже косы так не сразу заплетёшь.

Я Торуму воздал, коль обещал поставить, —
Семь жертв, что повязал веревкою одной.
Прошу пройти в мой дом, стеснение оставив,
Прошу отведать яств с женою молодой.

И вот вошли мы в дом, где жил седой
мужчина, И столик золотой накрыли в нём для
нас. Со мной сидела там не женщина – богиня,
От красоты такой не оторвёшь свой глаз.

Поставили еду медовую, златую,
Отведали мы яств с женою молодой.
И поблагодарив ту голову седую,
Мы в лодку вновь прошли и погребли домой.
Сажусь я на корму своей любимой лодки,
А на нос лодки той садится вновь жена.
Как хороша жена, божественна молодка...
И – по теченью вниз: я, лодка и она...

*

Иль долго плыли мы, иль коротко, не чаял,
Черемушника чаща на берегу была.
Где ягода крупна, я к берегу причалил.
Взяв кузовок, жена на бережок сошла.

В черемушник зашла жена моя неспешно,
И быстрою рукой брала за гроздью гроздь.
Момент – и в кузовке свободного нет места.
Меж ягод не просунуть ни посошок, ни трость.

Потом она ко мне на бережок спустилась.
Спустилась, подошла ко мне на бережок.
И съели мы с женой, любимой и милой
Черемухи поспевшей большущий
кузовок.

*

И снова сели в лодку, и дальше, дальше едем,
А долго или коротко, я не берусь судить,
Но вот глаза-смородины отчетливо там видят,
Что устье речки Сакв маячит впереди.

Я Золотым Отцом, я Торумом Всевышним
Назначен этот край блюсти и охранять.
О благе лишь людском мои заботы, мысли,
Стремлюсь я всем помочь, пытаюсь всех понять.

Пристали к бережку родному там, где нужно.
Священная трава лежит густым ковром,
И лодку из воды мы вытащили дружно,
И короб понесли, соболя шубы в нём.

И на святые земли с святыми деревьями
В священный домик наш заходим мы с женой.
И матушка моя навстречу выбегает:
«Какую красоту привёз мой сын домой!»

«Так чья же дочь она? Кто отрастил ей
косы?» «Да свата моего, с верховий Саква,
дочь. Из дальней стороны жену себе привез я,
Пришла сама она ко мне в глухую ночь».

За стол сажает мать меня, да и невестку,
А далее она готовит полог нам.
Затем ведёт жену за полог с занавеской,
И в гнёздышко звериное укладывает там.

А я с себя одежду дорожную снимаю,
Снимаю одеяние дорожное своё,
Затем свою соболью я шубу надеваю,
За занавеску-полог иду ласкать её.

За полог я шагнул и лёг к жене на нары.
Хоть шею здесь руби, я всё равно б не встал.
В глубокий сон ушли журавль и гагара – Так
с нежною женой семь дней и ночек спал.

И вот настал денёк, день светлый, златокудрый.
Священный яркий день красу свою открыл. Для
дней дальнейших мы отыскиваем мудрость,
Для дней идущих вдалёк мы открываем смысл.

III. Богатыря Лопынг-ус ойки священная песня

Я в Лопынг-усе давно восседаю и правлю, Торум-
пыг ойка – Дух-Покровитель я тут.

Торумом Верхним сюда управлять был направлен,
Много людей на подвластных мне землях живут.

Знает здесь каждый, Отец Золотой – Нуми-Сорни,
Выделил мне здесь участок священной земли.
Здесь я пустил преглубокие, мощные корни,
Праведно правлю землёй и моими людьми.

Славный делами великими Лопынг-ус ойка,
Многих хвалебных речей удостоен и слов:
Дух-Покровитель я – чуткий, умелый и стойкий,
Торума мудрость вобравший, пространств и веков!

Много мужчин в мне подвластных далёких деревнях,
Много мужчин в мне подвластных моих городах
Шапки снимают, как кроны под осень деревья,
Встретив меня – то большое почтение, не страх.

С помощью острого лезвия доблестной сабли
Я исцеляю, спасаю больных людей. С
помощью острого кончика доблестной сабли
Людам продляю бесценную жизнь на земле.

Много детишек растёт в моих праведных землях,
Их берегу, как смородины собственных глаз.
Злобного Хуля подол я для них не приемлю:
Пакостей я не приемлю, вреда и проказ.

*

Люди молву обо мне по округе разносят, Каждый
хвалу-похвалу мне воздать очень рад: «Дух-
Покровитель любимый, наш песенный Отыр,
Сказочный Отыр», – вот так обо мне говорят!

Матушкой милой Ур-Миснай рождён я не хворым,
Вскормлен Вор-Миснай, любимой матушкой, был.
Тело ли, кости болят – излечу всех я скоро,
Помощь мне в том – чудодейственной сабельки пыл.

Выше меня не окажется Торум ногастый, Торуму с
крыльями выше меня здесь не быть. В том, что я
лучший, скажу, хоть привычки нет хвастать, Если я лгу,
век болотную воду мне пить!

Кто по реке поднимается вёсельной лодкой,
Те, кто на лодке спускается вниз по реке,
Сказку мою пусть рекут, как глашатаи, громко,
Песню мою пусть разносят вблизи, вдалеке.

Я – своенравный и гордый, всесильный, и чинный
Дух-Покровитель – вам это любой подтвердит.
Лопынг-ус ойка могучий и стойкий мужчина –
Вот я какой изнутри и на внешний свой вид.

*

Вдаль я всмотрелся, и ёкнуло чуткое сердце:
Горы красивые мхом поросли до вершин...
Мысль обожгла: как живут мои горные ненцы?
К ним, моим ненцам, отправиться тотчас решил.

Выбрал я посох, что был изготовлен из ели, Ели
зелёной и крепкой, как нужно, сырой. В путь
отправляюсь, отважен, подвижен, нацелен, Время
минуло, и вот я уже под горой.

В горы поднялся я, в эти прекрасные горы.
Как близь вершины пьянит этих гор высота!
Вдруг мне открылись разбойников подлых
разоры, Сразу поблёкла пьянящая гор красота:

Чум опрокинут, и ненцы лежат бездыханный,
Всяк, как убит был, то так на земле и лежит.
Люди погибли, зияют кровавые раны...
Кто, как не я, их для жизни сейчас пробудит?!

Взял я тынзян, заарканил тынзяном оленя,
Мощной рукою его я к себе подтянул.
Тщетно рогатого зверя сопротивление.
Саблюю острой его я, где надо, кольнул.
Кровью оленьей людей я, где надо, помазал,
Верил я свято, что будет достигнут успех.
Ожили люди, воспрянули, встали все разом.
Так, наконец, воскресил убиенных я всех.

К ненцам, воскресшим, вопросы свои обращаю:
«Что приключилось? Кто вас тут в горах перебил?»
«Это разбойники! – ненцы в ответ мне вещают, –
Ворог кровавый намерен с разором тут был».

«Мне семь хороших оленей-самцов запрягите, –
Ненцам сейчас воскрешённым сказал-повелел, –
В город родной возвращается Дух-Покровитель,
Вы, не спеша, поезжайте вослед в мой удел».

В Лопынг, свой город, с еловым я посохом еду,
Сделан он был мне из ели зелёной, сырой.
Город мой – крепость, и в нём не страшны людям беды.
Вот, наконец, воротился я в город родной.

В милый свой дом я семь дней и ночей добирался.
Внутрь вошёл, потрапезничал, лёг почивать.
Голову, тело хоть режь, не проснись – умотался:
Сплю как убитый, хоть, может, и надо вставать.

*

Долго ли, коротко спал, час настал пробужденья,
Выйти намерился, вижу, мужчины идут,
Связанных вместе верёвкой одной семь оленей
Эти мужчины для жертвы кровавой ведут.

Сели они предо мной для святого моления.

Лопынг-ус ойка я, знатный, вопросы задал:
«Хвори какие постигли вас или болезни?
Что приключилось? Какая стряслася беда?»

«Нас красный Хинь, что имеет чернущую шкуру,
Нас черношкурый чернеющий Хинь, посетив,
Съесть вознамерился, так что придётся каюрам
Жертву рогатым скотом поскорей принести.
Мы охилели телами, ослабли костями.
Слабости тела и боли в костях мучат нас...» Дал
им совет: «Вы животных копытных с рогами В
жертвенный дар Нуми-Сорни отдайте сейчас.

Пусть пар котла, где готовят ему угощение,
Вверх подниматься, как Торум крылатый,
начнет, А на берёзке развесьте-ка шкуры
оленьи, И после этого хворь наконец-то уйдет.

Дым от большого костра, слившись с кушанья паром,
Да колыхание шкур среди тонких берёз
Злого и подлого Хуля болезни, как чары,
Вмиг уничтожат, и город вздохнёт без
угроз.

Чтоб отвязался от вас красный Хинь, чернокожий,
Чёрною оспой которого люди зовут,
В жертву трёх сильных рогатых оленей, стреножив,
Вы в честь мою принесите немедленно тут.

Если понятны вам эти мои наставленья,
То приступайте же к делу немедленно, сейчас! –
После тех слов трое слуг, избежавших болезни,
С радостью бросились точно исполнить наказ.

*

В двери я дома вошёл, что с дверями большими,

В угол передний прошёл, где соболье гнездо,
Сел и задумался – Лопынг-ус ойка мне имя –
Твердо решил: а займусь-ка я лыжной ездой!

Ехать куда? Так искать себе женщину надо!
Нужно пойти и разведать, где женский есть край.
Женщина в доме – уют и тепло, и улада, Надо
поехать мне в гости – к Ур-Миснай, ну, край!

Долго ли, коротко шёл – вижу город знакомый.
Там восседала Ур-Миснай. Дом нужный нашёл.
Лыжи свои, снегоходы, оставив у дома,
Внутри за невестою скромно, учтиво вошёл.
Ур-Миснай, мать, мне радушно выходит навстречу
И, улыбнувшись, вопрос задаёт прямоком:
«Лопынг-ус ойка! Какой же принёс тебя ветер?
Зверем несущим каким ты сюда занесён?»

В угол передний я глянул – там дочка сидела,
Нежной и кроткой краса-молодица была, – И
обратился к Ур-Миснай: «Пришёл я по делу –
Свататься к дочке твоей. – Вот такие дела.

Торум Верховный назначил её мне подругой,
Корыс Всевышний невестой моею назвал.
Буду для дочки твоей я надёжным супругом.
Дочку твою я давно уже облюбовал!»

Ур-Миснай, Вор-Миснай так мне она отвечает:
«Коль предначертано Торумом, быть посему.
Свадьбой питомцы всегда воспитанье венчают,
Сердцем пречистым замужество дочки приму».

Дочь облачают в богатую шубу соболью, В
город, где я восседал, нарты нас повезли.
Встретила матушка пару с большою

любовью, Как на порог мы с невестой
ступили-вошли.

Матушка милая радость свою не скрывала:
«Сын мой любимый жену дорогую нашёл,
Нары готовы за пологом там – покрывалом».
Я обнажился, к невесте за полог зашёл.

Там разделили с любимой мы брачное ложе.
Там проживали мы ночи и дни напролёт.
Кто не женат, тот понять это счастье не сможет:
Как хорошо молодым, лишь вкусивший поймёт!

После семи дней-ночей просыпаемся с милой,
Милой моей, ненаглядной и нежной женой.

Новые радости мы открываем и силы...

Добрые манят нас дни, вдаль ведут чередой....

IV. Куль-Отыру призывная мелодия

1. В доме Нуми-Торума сын растёт – Куль-Отыр. Год от года крепнет спина его, год от года крепнут руки его. За семью замками держит его отец. Под неусыпным присмотром живёт он в доме отца, но однажды отец пошёл обходить семь краёв земли, шесть краёв воды. Улучив момент, Куль-Отыр поднатужился и на отверстие с игольное ушко сдвинул семь замков железных. И вот Куль-Отыр через это отверстие со своими семью своенравными премудростями духа проскальзывает наружу и кружит над площадью посёлка, имеющего площадь. Вдруг правый сапог Куль-Отыра соскальзывает с ноги и вниз падает. Всмотрелся Куль-Отыр вниз, а там Дух ногастый семь ловкостей так вытворяет, что за это хороший прибыток имеет. Ого! – удивился Куль-Отыр. – Если тятя мой, Нуми Торум, отпустит меня вниз, на землю, то за счет семи своенравных премудростей своего духа какие барыши я бы мог получать, какие приношения мне бы делали!

2. Поспешил он домой, а тут вскоре и отец, Нуми-Торум, вернулся.
Спрашивает:

– Где мой милый сын побывал? Что мой милый сын повидал?

Отвечает Куль-Отыр, что видел внизу, как Дух ногастый семь ловкостей вытворял и за это хороший прибыток получил:

– Вот, если бы ты, тятенька, отпустил меня вниз, то и я бы хорошие барыши получал, и мне бы хорошие приношения делали.

Возражает отец:

– Как же я могу отпустить вниз, к людям, глазопального, глазолупого Утпилюдоеда?

– Нет, отец! Если меня одаривать приношениями будут, то я век человеческий не сокращать, а продлевать буду!

3. Рассердился Нуми-Торум, ухватил сыночка своего нерадивого за ногу и вниз, на самую середину моря, кинул. Летит Куль-Отыр и приговаривает: «Если песне моей предназначено петься, пусть из морской пучины песчаный островок, величиной с лежащего человека, поднимется».

4. Тут воды морские разверзлись, и на поверхности появился песчаный островок, величиной с лежащего человека. Упал Куль-Отыр на островок этот. Лежит день, лежит ночь. Второй день лежит, вторую ночь лежит. Так семь дней и семь ночей пролежал. Оголодал, замёрз Куль-Отыр. Отчаялся совсем. Думал, сгинет тут. И только он смерть голодную принять приготовился, как слышит, серебряноклювая кукушка кукует-толкует:

– Завтра, после восхода солнца, когда наша Мать-женщина достигнет дальнего края дома Нуми-Торума, поднимется ветер, и волны поглотят твой островок. Так что уплывать тебе надо: куда ветер дует, туда и плыви.

5. Долго ли, коротко ли плыл Куль-Отыр, только почувствовал, какая-то сила его вверх поднимает, чуть ли не к самому Нуми-Торуму. Глянул с высоты: остров вдалеке виднеется. Опять какая-то сила его в воду бросила. Опять он поплыл. Что было сил, поплыл. Наконец, на островной берег выбрался. Упал ничком, обессиленный. А тут опять серебряноклювая кукушка кукует-толкует:

– Долго ли ты лежать тут вознамерился? Вставать пора, подниматься. Перекинь через голову щепку сосновую, дом четырёхстенный бревенчатый появится вскоре. Затем этот остров обской со всех сторон обойди. После того в правом кармане своём поищи и найдешь семь монет, на кольцо нанизанных. Достанешь их и кинешь подальше, а вместо них семеро воинов-сыновей – помощников твоих, явятся тебе, и, наконец, город бескрайний поднимется здесь.

Точь-в-точь исполнил Куль-Отыр наказы серебряноклювой кукушки, и взаправду и дом четырехстенный бревенчатый возник, и семеро воинов-сыновей – помощников, явилось, и, наконец, город бескрайний здесь поднял стены свои до небес.

5. Вращавший землю Отыр глянул вниз и подивился: «Эко диво: без моего ведома город на обском острове возник. И кто это своенравный город сей воздвигнул? Прознать про то надобно.

И вот Вращающий землю Отыр, пока его земля кружилась, спустился вниз. Идёт по городу и диву даётся: как все ладно да складно устроено, а тут ему навстречу из дома четырёхстенного бревенчатого Куль-Отыр выходит, в дом приглашает.

Вошли в дом. Вращающий землю Отыр тут милостиво и говорит:

– Зятёк мой милый! Коли согласен так называться, то зайди в закуток дальней комнаты. Там невеста тебя ждёт-ждется...

Пошёл Куль-Отыр в закуток дальней комнаты, и правда, невеста там красоты невиданной его ждёт-ждется.

Начали зятёк с тестем о свадьбе толковать, и тут выяснилось, что Вращающему землю Отыру неловко как-то стало: нет у него для угощения гостей ни яств свадебных, ни напитков. Однако зятёк, Куль-Отыр, не зря в своё время тятеньке своему, Нуми-Торуму, говаривал о своих семи своенравных премудростях духа: «Вот, если бы ты, тятенька, опустил меня вниз, то и я бы хорошие

барыши получал, и мне бы хорошие приношения делали...»

Повёл зятёк тестюшку в амбар свой, на семь засовов закрытый, на семь замков замкнутый, открыл амбар, а там яств да напитков видимо-невидимо! Так вот свадебку-то и сыграли. Свадебные яства ели, свадебные напитки пили. Всё ладно да складно, досыта да допьяна. А после в мире да согласии и зажили. Так до сих пор и живут, и всегда жить будут!

V. Сказка о том, как Отыр женился на Дочери Богини Калташ

1. Жили-были муж с женою, сыночка растили. Рос их сынок, рос, да и вырос. Сам лесного зверя добывать начал, водного зверя добывать стал. Умелый охотник получился, удачливый. В лесах и лугах лабазы от его заготовок ломаются.

2. Прошло семь зим, семь лет миновало, и вот в один из дней, чиня дома свой старенький лук, свою сломавшуюся стрелу, задумался юноша. Размышляет: «Вот моя борода уже до локтя доросла, а родители ни женскую сторонку, ни мужскую так для меня и не узнали. Скоро стариться стану, а жены-то нет, и где она живёт, неизвестно то. Как дальше жить, ума не приложу!»

3. В это время его матушка вёдра взяла да по воду пошла. Спустилась к реке, к проруби подошла. А прорубь-то на неё водой плещет, вверх

вырывается. Удивилась матушка: «Сколько лет живу, сколько лет по воду хожу, но такой норовистой проруби не припомню что-то. Никогда прорубь такого нрава не имела. Что с ней произошло? – Чудно это». А прорубь в ответ человеческим голосом говорит:

– Что меня разглядывать?! Что обо мне говорить?! Вверх по течению Оби погляди, вниз по течению Оби погляди!

4. Стала матушка вверх по течению Оби смотреть, стала матушка вниз по течению Оби смотреть. Видит, птица летит: то ли ворон, то ли сорока; клюв на толщину беличьего пуха инеем покрылся. Видно, долгий путь проделала птица. А птица тем временем на поселковую пристань опустилась. Матушка и глазом моргнуть не успела, как та своё оперение сбросила и в человека превратилась. Вгляделась матушка: Ой, да это же прекрасный мужчина стоит, статный да сильный. Даром что ли сыном Героини и Отыра был! Из-за пояса вынул он топорик маленький, снял сапог, отрубил с коленной чашечки кусочек косточки, да на камне обточил со всех сторон. Наконечник стрелы получился. Вынул из колчана древко стрелы с пером, и нанизал наконечник на древко. Взял свой лук, отошёл подальше, приставил стрелу к луку, натянул тетиву, и в камень выстрелил, да так, что стрела в камень и воткнулась. Надел он лыжи. Перед тем, как двинуться, сказал:

– Матушка! Ты вскоре домой пойдёшь, сыну своему передай: если он, как я, семь премудростей Пупыга, семь премудростей Куля постигнет, то по моей тропе женскую сторонку может идти искать!

5. Выслушала те слова матушка, наполнила вёдра водой и домой поспешила. На берег крутой поднялась, в дом вошла. Вёдра с водой на пол поставила, а вода в них так и плещется во все стороны, так и брызжет. Сын её, юноша, спрашивает:

– Матушка! Какую ты весть принесла?

А матушка в ответ:

– Сыночек мой, ну, какую весть с проруби-то я могу принести?!

– Ну, если нет вестей, то вёдра с водой на место поставь!

Подняла матушка вёдра, аккуратно так подняла, чтобы воду не расплескать, и на место поставила: но вода-то с вёдер, как живая: так и плещется, так и выплескивается. Сын говорит:

– Хоть ты, матушка, и сказала, что вестей нет, но я вижу, что не так это: есть вести, но ты их утаиваешь.

Созналась тут матушка:

– Сыночек! Вести-то есть, и принести-то их я принесла, да вот хватит ли у тебя сил, всё преодолеть, всё постичь-исполнить, ведь, если сил не хватит, то огорчишься ты, расстроишься.

Спрашивает сын:

– Какую же весть ты, матушка, мне принесла?

Отвечает матушка:

– А весть для тебя такая: если тебе нужен женский край, по которому ходят женщины, если тебе нужен мужской край, по которому ходят мужчины, то надобно постигнуть семь премудростей Пупыга, надобно постигнуть семь премудростей Куля. Только постигнув эти премудрости, можно найти то, что ищешь!

6. Вскочил сынок, оделся. Лук и стрелы прихватив, на улицу выскочил. К реке спустился, на пристани посёлка к камню большому подошёл. Снял один сапожок, схватил топорик, отрубил с коленной чашечки кусочек косточки, да на камне обточил тот кусочек со всех сторон. Наконечник стрелы получился. Вынул из колчана древко стрелы с пером и нанизал наконечник на древко. Взял свой лук, отошёл подальше, приставил стрелу к луку, натянул тетиву и в камень выстрелил, да так, что стрела в камень и воткнулась. Надел он лыжи и по тропе вслед за тем мужчиной, что в образе птицы явился, подался.

7. Долго ли шёл, коротко ли, но скрылись из глаз родные места – места лесные, места луговые, обжитые сородичами и знакомые юноше с детских лет. И пришёл он в места неведомые: другими людьми обжитые лесные места, другими людьми обжитые луговые места. Глядь на снег, а там такое... Видит, у того мужчины, по лыжному следу которого он шёл, одна нога вместе с лыжей отломилась и там и осталась лежать. Вдруг у юноши нашего тоже одна нога вместе с лыжей отломилась, на снег упала да там и осталась лежать. Стал юноша на одной ноге, на одной лыже двигаться дальше. А тут и новое испытание: у того мужчины, за которым шёл юноша, одна рука вместе с посохом, оказывается, отломилась, на снег упала да там и осталась. Вдруг у юноши нашего тоже одна рука вместе с посохом отломилась да там и осталась. С одной рукой, на одной ноге движется он дальше. А тем временем у того мужчины, за которым шёл юноша, вторая нога вместе с лыжей отломилась да так и осталась на снегу лежать. Вдруг у юноши нашего тоже вторая нога вместе с лыжей отломилась, на снег упала да там и осталась лежать. Ног нет, а они идут! Чудеса! У того мужчины, за которым шёл юноша, вторая рука вместе с луком, оказывается, отломилась, на снег упала да там и осталась. Вдруг и у юноши нашего тоже вторая рука вместе с луком отломилась да там и осталась. Без рук, без ног двигаются путники дальше.

Одни тулова с головами идут. А дальше – еще страшней: у того мужчины и туловище отвалилось и на снегу лежать осталось, одна голова вдаль покатилась. У юноши тоже тулово отвалилось и на снегу лежать осталось, лишь голова вдаль покатилась. Долго ли, коротко ли катились две головы. В одном месте дом показался. Голова мужчины через дверь в дом вкатилась.

Голову ту взяли да в кузницу, а там – в печи протопили. Огонь её прожёт. Вынули её клешнёй железной, на наковальню положили, молотом ударили. Выскользнула тут голова, на улицу выкатилась и по тропке в обратную сторону покати́лась. А тут и голову юноши тоже схватили, внутрь печи в огонь бросили, там она в огне накалилась добела. Вынули её клешнёй железной, на наковальню положили. Только примерились по ней молотом ударить, а голова-то выскользнула тут, на улицу выкатилась и по тропке в обратную сторону покати́лась, только её и видели!

8. Долго ли, коротко ли катились по тропинке головы, но, наконец, голова мужчины к своему тулову прикатилась и соединилась с ним. И голова юноши тоже со своим туловом соединилась. Двигаются дальше два головастых туловища. Тот мужчина к руке своей с луком пришёл, рука присоединилась. И у юноши тоже рука с луком присоединилась. Много ли, мало ли времени прошло, только мужчина тот к ноге своей приблизился, и нога его к тулову присоединилась. И у юноши тоже нога к тулову присоединилась. Идут-прыгают два одноногих, два одноруких человека. Тот мужчина к руке своей с посохом подошёл, и вторая рука присоединилась. И у юноши тоже к туловищу рука с посохом присоединилась. Много ли, мало ли времени прошло, только мужчина тот до второй ноги допрыгал, и нога его к тулову присоединилась. И у юноши тоже вторая нога к тулову присоединилась. Целыми стали оба, целей, чем были!

9. Идёт юноша тропой того мужчины. Долго ли шёл, коротко ли, к дому большому вышел: величиной в четыре размаха рук, величиной в пять размахов рук. Лыжи он снял, дверь приоткрыл, в дом заглянул и в воду соскользнул. Дом-то – весь в воде, ветер волну нагоняет. На полу всюду рыбаки: кто мерёжей рыбачит, кто сетью, кто неводом, а кто с помощью запора осетра да нельму добывает. В переднем углу женщина с мужчиной сидят. У женщины голова белая, словно шкурка зимнего зайца, а на голове её гнездо орла свито. У мужчины седина на голове жёлтой стала, а на макушке гнездо орлана свито. На боковых нарах другая женщина из соболиных шкурок одежды шьёт, мастерит.

Рядом – мужчина спит. Дивно всё как-то!

10. Долго ли сидел юноша, коротко ли сидел, да только видит: женщина, что портняжила там, нож взяла в руки да мужа своего спящего в подмышку ножом-то и ткнула. Проснулся тот, глаза открыл, увидел гостя и говорит: «У нас, оказывается, гость, а ты меня и будить не торопишься! Гость-то, поди, голодом сидит?!»

Накинул на себя мужчина одежду зимнюю, с нар спустился, лыжи свои надел, взял лук и стрелы. Женщина с гнездом орлиным на голове рот свой раскрыла широко, миг – и вот уже задние концы лыж мужчины скрылись в

темени рта. Долго ли, коротко ли охотился мужчина на лыжах, незнамо то, только другой мужчина – с гнездом орлана на макушке, позёвывать стал; раскрыл он шире рот свой, передние кончики лыж оттуда и показались, а за ними и сам охотник. Выбрался он на пол, и рядом живого лося-трехлетку, связанного по ногам, положил: мужчина, оказывается, на ремнях мешка заплечного лосёнка принёс. Освеживали лесного зверя, разделали его и в котёл положили. Долго ли, коротко ли варили, с огня котёл сняли, кушанье в чашу выложили, перед юношей поставили. А пар от чаши идёт такой, что у голодного юноши слюнки текут и голова кружится. Тут хозяин дома говорит: «Ну, и чего же ты ждешь? Коли жаждешь до момента, когда дно чаши с угощением покажется, подругу свою увидеть, на улицу выходи да покличь подругу-то!»

Вышел на улицу юноша. Смотрел-смотрел, всматривался-всматривался, да никакой подруги так и не увидел. Вдруг у крыльца дома его кто-то за волосы схватил и вверх тянет. Глянул наверх: девушка там сидит, а на косах её, тугих и длинных, живые соболи, живые звери играют: с одной её косы живой соболю вверх поднимается, с другой косы живой зверь вниз спускается. Ухватил юноша девушку за запястье, взял за руку, на крыльцо опустил. Так вдвоём в дом они и вошли. За одну чашу, за одну посуду откусать яства сели.

11. Откушали они яств варёных, откушали они яств сушёных, а после этого жить вместе стали. Два дня прожили, а, может, и три прожили, говорит муж молодой тестю своему:

– Затосковал я по землям своим, водам своим, лесам своим, лугам своим. По отцу родимому, по матери любимой тоска-кручина меня гнетёт-съедает. Я – мужчина, имеющий свои земли, я – мужчина, имеющий свои воды, затосковал. Пойду я уже. Коли отдашь мне жену мою наречённую, коли соберешь её, возьму я её, увезу я её. А можешь и не отдавать её, не собирать её, ведь не одаривал я вас подарками дорогими, не привозил я вам даров изысканных...

Тесть в ответ:

– Зятюшка мой, коли отдали тебе девушку в жёны, то обратно забирать не по обычаю как-то... Хотя и быстрым сватовство было, да было! А, значит, суженой своей по праву обладаешь. Да и не умею я жить с Героинями, что выше макушки головы моей поднимаются, не умею я жить с Отырами, что выше моей головы взлетают.

– Ой, мой тестюшка, не скромничай! Не слугой для носки воды проживаешь ты здесь! И дочь твою – Богиню – не кухаркой к котлу в дом свой беру, не служанкой по дому с собой взять хочу.

– Ты, мужчина своих земель, – отвечивал тесть, – мужчина своих вод! Возвращайся домой и жену свою молодую с собой забираю!

12. Собрал тесть уважаемых молодых в дорогу дальнюю. Уехали они. Долго ли домой ехали, коротко ли, только, наконец, приехали. Стали жить-поживать. Ладно да складно.

Семь зим прошло с той поры, семь лет пролетело. И вот однажды, в один из дней, муж счастливый, охотник умелый, дома находился, чинил своё копьё меткое, поправлял свои стрелы юркие. Так посиживал, мастера неспешно оружие свое. Тут дверь открывается, и сын Усын-Отыра в дом входит. Всё, что было в доме, на стол для гостя поставлено было. Наелся-напился гость и слово молвил:

– Дружище! Ты, помнится, когда-то женскую сторонку, по которой женщины ходят, искал-отыскал, ты когда-то мужскую сторонку, по которой мужчины ходят, искал-отыскал. Куда ходил, туда и меня отведи. Вдвоём-то идти сподручнее будет!

Ответствовал муж счастливый, охотник умелый, на предложение сына Усын-Отыра такими словами:

– Дружочек юный! Живи, как жил, и не ищи приключений на свою юную голову. О таких недосягаемых землях лучше и не думать совсем. И себя загубишь, и меня в беду вовлечёшь. Такому юноше, как ты, разве выдержать такие испытания?!

Сын Усын-Отыра упорствует:

– Сделай для меня дело большое, хорошее. Ну, в какую беду я тебя вовлеку?! Я тебя как опытного мужчину в напарники зову. Давай вдвоём сходим!

– Нет, дружище, не упрашивай, не пойду. Ты слаб ещё для этих испытаний.

Из-за твоего безрассудного упрямства мы оба в беду попадём.

– Не позорь меня! Неставляй немощным и слабым на посмешище всеобщее. Умоляю тебя: сделай доброе дело, своди меня!

Сдался муж счастливый, охотник умелый:

– Ну, что ж, я тебя предупредил, но твоё желание, видимо, сильнее твоего разума! Ладно, быть, по-твоему. Коли выдержишь испытания, то свожу тебя. Но заклинаю: не накликай беды на нас, не вводи ни меня, ни себя в неприятности.

13. Оделся муж счастливый, охотник умелый, и на улицу со своим юным другом вышел. К реке спустились, на причал пришли. Вынул мужчина из-за пояса топорик маленький, снял один сапог, отрубил с коленной чашечки кусочек косточки, да на камне обточил тот кусочек со всех сторон. Наконечник стрелы получился. Вынул из колчана дровко стрелы с пером и нанизал

наконечник на древко. Взял свой лук, отошёл подальше, приставил стрелу к луку, натянул тетиву и в камень выстрелил, да так, что стрела камень пронзила.

Усын-Отыра сын тоже обувку с ноги стянул, топорик взял, с коленного возвышения ноги кусочек стал срубить. Криком кричит: «А-на-на, ой, нога-ноганага моя бедная, ой, болит, болит, болит!»

Муж счастливый, охотник умелый, ему и говорит:

– Помнишь, как я тебе говорил, что ты нас обоих в неприятности втянешь, так оно и выходит. Теперь-то я уж точно не пойду. Если ты продолжаешь думать, что у тебя сил хватит, то иди!

Усын-Отыра сын, несмотря ни на что, вновь упорствует:

– Умоляю, ну, давай, всё-таки сходим!

С помощью молитв юнец все же отрубил с коленной чашечки кусочек косточки, на камне обточил тот кусочек со всех сторон. Вынул из колчана древко стрелы с пером, и нанизал наконечник на древко. Взял свой лук, отошёл подальше, приставил стрелу к луку, натянул тетиву и в камень выстрелил. Стрела чиркнула по камню, не поцарапала даже. Древко стрелы аж на три части разломалось, а наконечник к камню прилип, висит-болтается.

Поглядел муж счастливый, охотник умелый, на всё это и говорит:

– Полно, полно, дружище, давай бросим затею эту. Ты на нас беду накличешь, точно! Никуда мы не пойдём.

Усын-Отыра сын, как безумный, всё талдычит своё:

– Да что ты такое говоришь, какую беду я на тебя накликаю?!

Муж счастливый, охотник умелый, в конце концов, сдался:

– Ну, если не будешь больше ошибок делать, то, так и быть, пойдём, коль собрались!

14. Пошли. Долго ли шли, коротко ли шли. В одном месте у мужчины при ходьбе нога вместе с лыжей отвалилась. У юнца тоже нога стала отваливаться.

Криком он кричит:

– Дружище, а-на-на, у меня нога вот-вот оторвётся!

С помощью молитв мужчины нога у юнца отвалилась. Идут оба одноногие, прыгают дальше. Через некоторое время у мужчины рука отвалилась. У юнца тоже рука отваливаться стала. Криком кричит, визжит:

– Ой-ой-ой! Рука вот-вот оторвётся!

С помощью молитв мужа счастливого, охотника умелого, рука у юнца отвалилась. Дальше идут. У мужчины вторая нога вместе с лыжей отвалилась. У юнца тоже нога стала отваливаться. Благим матом он орёт:

– Дружище, а-на-на, у меня вторая нога вот-вот оторвётся!

С помощью молитв мужа счастливого, охотника умелого, вторая нога у юнца всё-таки отвалилась. Дальше двигаются. Долго ли, коротко ли шли они, у мужчины вторая рука отвалилась. И у юнца тоже вторая рука оторвалась. Ох, и ревел он, ох, и причитал он! Одни головы с туловищами дальше передвигаются. Долго ли, коротко ли шли они так, но однажды у мужчины голова оторвалась от туловища и дальше покатилась. Тут и у юнца голова начала отделяться от туловища. Ревел и причитал юнец, и только соболиные молитвы мужа счастливого, охотника умелого, помогли голове отделиться от туловища. Остались туловища лежать на снегу, а головы дальше покатились.

Долго ли, коротко ли, но до кузницы головы докатились. Голова мужчины через дверь внутрь кузницы закатилась. Схватили её, внутрь печи в огонь закинули. Горела она в огне, горела, калилась она, калилась, добела накалилась. Схватили её железными клешнями, на наковальню бросили, только молотом размахнулись, а голова с наковальни прыг – и была такова: в дверь, да на улицу, и по тропинке покатилась в обратную сторону! Настал черед и для головы юнца. Схватили голову сына Усын-Отыра, внутрь печи забросили, там она горела-горела, калилась-калилась, добела накалилась. Схватили её железными клешнями, на наковальню бросили, только молотом размахнулись, а голова с наковальни прыг-скок – и была такова: в дверь да на улицу, и по тропинке покатилась в обратную сторону!

Докатились головы до туловищ своих, туловища к головам присоединились. Дальше двигаются. Вот уже до одной из своих рук добрались. У мужа счастливого, охотника умелого, рука присоединилась, и у юноши тоже рука присоединилась. Опять двигаются. До одной из своих ног добрались. У мужчины нога присоединилась, у юноши тоже нога присоединилась. Дальше двигаются. У мужчины вторая рука к туловищу присоединилась, и у юноши тоже вторая рука присоединилась. Опять двигаются. И вот до оставшихся вторых ног добрались. У мужчины вторая нога присоединилась, и у юноши тоже вторая нога присоединилась. Целыми оба стали.

15. Снова они идут. Долго ли, коротко ли шли, к большому дому подошли. Сняли лыжи, в дом вошли. А там – просторы водные. Усын-Отыра сын говорит:

– Дружище, как мы сможем пройти? Ведь в воду упадём!

Мужчина говорит:

– Тише! Тише! Беду можешь накликать.

– Вот те на! – удивился юноша. – В доме этом многолюдном, оказывается, люди рыбу ловят: и сетями, и мерёжей, и неводом, и запорной ловушкой...

– Дружок, перестань, – говорит мужчина. – Я тебе еще раз говорю: веди себя спокойно, не то беду накличешь.

– Ладно, дружок, я буду тихо себя вести, – отвечает тот.

16. Сели они. Сидят, а юноша опять восклицает:

– Дружище, глянь туда, на женщину и мужчину! На голову женщины гнездо орла нацеплено, а на голову мужчины – гнездо орлана! Что за чудеса?! Какая странная женщина! Какой странный мужчина!

Муж счастливый, охотник умелый, и так, и этак его успокаивает:

– Дружок, успокойся, иначе беду накличешь, ой, накличешь.

А тот ему отвечает:

– Дружище, всё, больше не буду. Молчок!

17. Женщина, занимавшаяся шитьём, взяла нож, мужа спящего ткнула ножиком в подмышку.

– Смотри, смотри, – тем временем восклицает юноша, – сейчас того мужчину ножом убьют.

– Да нет же! Дружок, сделай милость, веди себя достойно! – опять успокаивает его муж счастливый, охотник умелый. – Ты нас в беду вгоняешь.

Муж женщины проснулся, присел на нарах, говорит:

– Неужели нельзя было меня пораньше разбудить? Гости, поди, голодные сидят?

Надел проснувшийся мужчина зимнюю одежду, лыжи; лук и стрелы взял. Тут матушка-женщина рот свой широко раскрыла, только задние концы лыж проснувшегося мужчины и мелькнули. Ушёл он на охоту. Долго ли ходил, коротко ли, вот батюшка-мужчина позёвывать начал, рот свой раскрыл широко, передние концы лыж оттуда и показались. А тут и сам мужчина-охотник на пол спрыгнул, а рядом живого лося-трехлетку, связанного по ногам ремнями заплечного мешка, положил. Освежевали лесного зверя, разделали его и в котёл положили. Долго ли, коротко ли варили, с огня котёл сняли, кушанье в чашу выложили, перед юношей поставили. А пар от чаши идёт такой, что у голодного человека слюнки текут и голова кружится. Хозяин дома, батюшка-мужчина, и говорит:

– Ну, и чего же ты ждёшь? Коли жаждешь до момента, когда дно чаши с угощением покажется, подругу свою увидеть, на улицу выходи, и подругу ищи, зови!

Выскочил на улицу Усын-Отыра сын. По посёлку побежал. В одну сторону бежит, в другую сторону мечется и кричит:

– Где ты, суженая моя! Объявись быстрее! До конца еды в чаше, до конца еды в посуде покажись! Да есть ли ты, наконец, на белом свете?

Вдруг у крыльца дома кто-то сверху его за волосы схватил и тянет. Глянул вверх: с нездоровыми зубами-ногтями Порнэ там сидит. В одну дверь они парой в дом вошли, поесть присели: поели, попили.

Ночь переночевали, может, и день прожили, тут мужчина, его приведший, муж счастливый, охотник умелый, и говорит юноше:

– Ну вот, и ты мужчиной стал, женский край узнал, мужской край узнал, жену обрёл, мужем стал, зятьком стал... Долго ли ты будешь тут жить, коротко ли ты будешь тут жить – твоё дело, а я ухожу.

– Коли ты уходишь, и я с молодой женой ухожу, – отозвался юнец.

Тесть собрал в дорогу путников, и те подались восвояси. В посёлок мужчины счастливового, охотника умелого, прибыли. Хорошей еды, плохой еды поели, попили. Затем молодые в город Усын-Отыра отправились.

19. Семь зим прошло, семь лет минуло. И вот к мужчине счастливому, охотнику умелому, что когда-то невесты с соболиными косами удостоен был, тесть погостить прибыл. Может, ночь переночевал, может, и день прожил, а потом к зятю обратился:

– Коль у тебя желание будет, может, сходим вместе в гости к свояку твоему – сыну Усын-Отыра? Узнаем, как хоть он поживает, как там хозяйство ведётся, есть ли там достаток и довольствие.

– Сходим для радости! – согласился зять.

Пошли. Долго ли шли, коротко ли шли, в город Усын-Отыра прибыли. В дом вошли. Люди там, на полу, сетями рыбачат, мерёжей рыбачат, неводом промышляют, забором промышляют. В углу матушка-женщина сидит, на голову гнездо орла нацеплено. Рядом батюшка-мужчина спит сидя, а к голове отца гнездо орлана прилеплено. Тут же жена, что Порнэ звали, шьёт, рукодельничает. Шила-шила, нож вынула и мужа своего – сына Усын-Отыра – в подмышку ножом ткнула.

– А-на-на, ты же меня уколола! – воскликнул проснувшийся муж. Увидел гостей и пробубнил:

– К приезду гостей меня надо было раньше разбудить: преодолевшие дальний путь гости-мужчины, поди, голодные сидят...

Оделся, лыжи надел, лук и стрелы взял, и в рот матушки-женщины вскарабкался, а та визжит:

– Рот мой вскорости треснет, рот мой вскорости разорвётся!

С помощью молитв тестя ввалился он внутрь рта и провалился в темени крошечной. Долго или коротко блуждал он там, но, наконец, отец-батюшка зевать начал. Рот свой широко раскрыл, и кончики лыж показались оттуда. Отец-батюшка вопит, как оглашенный:

- Сыночек, рот мой скоро порвётся !

А тот еле-еле выполз из измученного рта. На пол кое-как выпал. Годовалого самца со связанными ногами в ремнях заплечного мешка принёс. На пол его бросил, шкуру снял, разделал. Котёл поставили варить. Долго или коротко варила еда в котле. Вот, наконец, сняли котёл с огня, в чашу выложили, перед гостями поставили. Поели, попили. Тесть говорит:

- Ну, довольно, хватит, погостевали... Пошли мы!

20. С тем и ушли они. К зятю, мужу счастливому, охотнику умелому, вернулись. Может быть, ночь переночевали, может быть, день прожили, тесть домой засобирается. Говорит:

- Прощай, зять любимый. Домой я возвращаюсь, а ты после моего ухода через день-два съезди-ка к свояку, посмотри, как там они после нашего ухода живут. Посмотри попристальней, хорошо ли живут, плохо ли?

Прошло два дня, прошло три дня, и вот пошёл зять, муж счастливый, охотник умелый, к свояку – сыну Усын-Отыра. Приехал. Ой-ой-ой! Что он там увидел?! Что взору его открылось?! Город Усын-Отыра огнём уничтожен! Только головёшки, покрытые пеплом, валяются... Три пня обгоревшие в трех местах стоят. Из семи дыр сгоревшего дома люди выползают и опять вползают. Подался зять домой, печален и задумчив пошёл.

21. Два дня прожил, может, три дня прожил, к тестю в гости направился. Пришёл, а тесть его и спрашивает:

- Ну и как, ходил к свояку? Как там поживают?

- Ходил-ходил. Город, где свояк проживал, огонь уничтожил... Одни головёшки валяются, да ветер пепел повсюду разносит...

Задумался тесть и промолвил:

- Даже когда установится человеческая долгая эра, человеческим сыном пусть мои семь трудностей-премудростей Пупыга, пусть мои семь трудностей-премудростей Куля не утрачиваются! Кто дальше жить в светлых днях хочет, тот должен заслужить это великое право!

После слов этих, устремленных в жизнь вечную, зять, может, один день у тестя прожил, может, два дня прожил, и домой засобирается. Обнялись, поцеловались да на том и расстались.

В зимние деньки тропку между ними снегом не замечает, в летние деньки пенистая лодочная дорожка между ними не заглаживается. В такой радости и согласии они и сейчас живут.

ПЕСНИ-ПРИЗЫВЫ, ОБРАЩЁННЫЕ К СВЯТЫМ ПОКРОВИТЕЛЯМ

I. Призывная песня, обращённая к Мир-Суснэ-Хуму – Сыну Торума, в Няксимволе

Под Корысом Златым – всяя отцом,
Под Матерью Златою нашей – Щищ Най,
Идёт война, уродлива лицом,
И всякий стал убогим, сирым, нищим.

Все семь полётов гордого орла –
Таким окружена небесным слоем,
Как радугою, Торумом земля –
Все семь частей – такую высотойю.

Вкруг солнца семичастная земля
Кружит, над нею высь необозрима.
И Вечности Богиня – Мать всяя,
Красу ту даровала нам, вестимо.

Но наши дни войной омрачены,
Войною затуманены, как мглою, И
коль спасенья нет от той войны, То
нищетою пронзёны, как стрелою.

Одежда – ветошь – удручает глаз,
Стопталась обувь – что аж ноги больно.
Все силы отняла война у нас.
Кому нужны болезни, распри, войны?!

О, сколько сил идёт, что б защищать
Жизнь, землю, воздух, воду и свободу!

Не только телом стали мы тощать,
Тощают даже кости у народа!

*

На месте жертвенном рогатыми зверьми
Других божеств не чтим, не превозносим,
Идём мы к капищу покорными людьми
И угощения богатые приносим...
Когда-то песенные были времена,
Когда-то в сказочную давнюю эпоху,
Сын Нуми-Торума – Верховного Отца,
Здесь царствовал, держа умело посох.

Когда на жертвенное место приходил,
С мольбой вставая меж зверей
рогатых, То подлинное чудо он
творил:

Жизнь становилась сытной и богатой!

Его молитвами Отец для нас создал
Объ светлую с такими берегами,
Что глаз не зрит их, всё вода, вода...
Питает Объ-река людей веками.

*

Летающий над капищами Отыр –
В народе называют так тебя, Подвижник
славный, ты всегда в заботах, Живёшь
для нас, всё делая любя!

Ты в люльке под серебряной дугою,
Что создала Богиня-Мать всея
Сверкающей, блестящей, дорогою,
Мальцом в небесных восседал краях.

Семь дней-ночей ты в люльке, как на
троне, Хоть мал был, но достойно

восседал: Коль правой ручкой что-то
рядом трогал, То твердь земную сильно
сотрясал.

И море серебристое – волною,
Коль ручкою ты левой шевелил...
И наливался силой неземною –
Вот так, мужая, набирался сил.

*

Обретши силу, помогать стал людям,
Всем страждущим помочь ты стал готов.
И Нуми-Торум, тем помянут будет,
Спустил тебе хоромы, в семь углов.
В покоях дальних семь столов
накрыты, Сверкают золотом все ножки
у столов. И златом на столах ларцы
набиты, Блестят золотые крышки у
ларцов.

Над ними всё струится аромат,
Идущий из семи изящных рюмок,
И мухоморов благовонный чад Не
позволяет жизни стать угрюмой.

Пока тот аромат к тебе идёт,
Покуда благовонье мухоморов,
Прислушайся, как бедствует народ,
Как здесь он погибает от измора.

Священное ты ухо приложи,
Сравнимое величиною с Обью,
Услышь, как в водной и лесной глуши
Страдают люди. Их проникнись
болью!

И золотой всевидящий свой глаз,

Что в озере огромном отразится,
Направь на сырых, бедных, прям сейчас,
Взгляни, увидь печаль на серых лицах!

Одежда ветхая на большинстве из нас,
И обувь жалкая на многих из
бедняжек.

Все силы забрала нужда у нас.
Нет от нее потачек и поблажек.

На жертвенное место пусть твой ум
Прибудет, будто в паводок водица,
Напомнив полноводную весну...
Дай нам достаток, пусть он народится!

В злачёных ты хоромах пробудись,
Покинь покои и, собравшись с силой,
В крылатую одежду облачись,
В ту, что Богиня-Мать тебе пошила.
Она – как крылья у семи гусей, Что
белоснежны утром и под вечер.
Надень ту красоту, пусть видят все,
Она украсит золотые плечи,

Те золотые плечи, что горят,
Как в небе восходящее
светило... Все люди пусть об
этом говорят И славят красоту
твою и силу!

Обуй с златыми кольцами сапог,
Потом второй сапог – на леву ногу.
Встань у семи столов, постой чуток,
Постой у тех столов, хотя б немного.

И обойди три горки, что за день
Проходит солнце, красное светило.
Ремень крылатый на себя надень,
Которым Мать-Богиня одарила.

На золотую косоньку свою,
Женою заплетенную – Вит-Миснай,
Надень шелом священный, что с семью
Углами – он тебе Отцом был прислан.

Косу покрой шеломом-шапкой ты,
Косу сравнить с восходом солнца в пору...
С семи орла полётов высоты Убор
священный подал Нуми-Торум.

Семи углов шлем-шапку ты надень И
освети в лучах волшебных солнца! И
распахни все семь – за дверью дверь,
Пусть свет ворвётся в каждое оконце!

Взойди на свет! Пусть радуга-дуга
Ведёт на окольцованную землю.
Пусть поступью уверенной нога
Твоя ступает – этой просьбе внимли!
Где кружит конь чудесный, золотой,
Священный зверь с ногами золотыми,
Где коновязь – столб серебра – постой,
Руками отвяжи коня своими.

Серебряной уздечки краше нет,
Семь украшений ту узду венчают...
И под уздцы коня взяв, на хребет
Вскочи – коней всегда так укрощают!

Но прежде на священное седло,
Семиячеистое, в нём святая сила,

Ты покрывало постели своё,
Богиня – Мать вся – его скроила.

На покрывале семь полей-ячеек...
Они как солнца яркого лучи...
Узду тягая, ровно та качели, По
солнечной руке наверх скачи.

Вверх вознесись меж Торумом и Корысом
Ты, ту узду усердно шевеля,
И будет окольцованною вскорости
Тобою семигранная земля!

Прибуди на место, где народ наш нищий,
Где все мы в муках смертных пребываем,
В болезнях, хворях и совсем без пищи.
Прибуди! Тебя мы просим, призываем!

Пусть разум твой удачу нам несёт!
Олень священный, с пёстрыми боками,
Умом с тобой сравним, да вот и всё,
Мы в этом убеждаемся веками.

Пусть разум твой достигнет сырых нас В
местах известных жертвоприношений.
Прибуди сюда немедля, в сей же час,
Мы молим, огради нас от лишений.
Как золото, что прибывает в Обь,
Как ручейки, что пополняют реку,
Прибуди сюда, помочь убогим что б,
Прибуди и помоги здесь человеку!

Под слой седьмой твоей земли сырой
Забей все войны, нищету, напасти!
Забей поглубже их, прикрой, зарой.
В твоей, наш Отыр, пребываем власти.

Забей священной плетью, в семь кистей,
С таким упорством, будто хлещешь
зверя.

Измучились и добрых ждем вестей:
Тебя мы знаем, и в тебя мы верим!

*

Тебя мы не устанем умолять,
Чтоб дочери росли, здоровье было,
Чтоб вырастали наши сыновья,
Чтоб радовались, набираясь силы.

Чтоб день был долог, долог был их век,
Чтоб дом святейшей Матери-Богини
Струил с небес свой животворный свет,
Чтоб шёл он к нам, а не куда-то мимо.

С основ серебряных блестящих стен
Богини-Матери, той, что всему основа,
Пусть поспешает к нам счастливый день,
Одаривая счастьем жизни снова!

Красив небесный дом, какой узор,
Что за семью высотами полёта Орла
могучего, – туда летит наш взор: Там
место есть для солнышка восхода.

Пусть из дверей его, из всех семи
Исходит и нас радует светило!
Земные мы, мы рождены людьми,
Мир-Суснэ-Хум! Вдохни в бедняжек силу.

В достатке будет пусть у нас еда, Что
добываем мы в трудах, стараньях.
Пусть будет так навеки, навсегда,
Как вечно Торума святое восседанье!

Мир-Суснэ -Хум! Дни-ночи все подряд
Всё молим, облегчи ты нам страданья.
А жертвоприношений аромат Пусть
твоего достигнет обонянья!

Здесь семь оленей и один скакун
На жертвенной веревке
пребывают.
Прими сей дар от нас, Мир-Суснэ -Хум!
Тебя помочь нам, сирым, умоляем!

II. Призывная песня, обращённая к Мир-Суснэ-Хуму – Сыну Торума, в Яныг Павыле

Золотая Мать – Калтась-матушка,
Золотой Отец – Корыс-батюшка,

Предназначили для владения,

Для призора и попечения

Объ великую, благородную,

Реку рыбную, полноводную,

С воднолуками – семью плёсами,

С городищами над откосами, С

городищами тороватыми, С

деревнями, дарами богатыми.

Всё тебе дано, попечителю,

За порядком и миром смотрителю –

Сыну славному-достопавному,

Мировому смотрителю главному.

Обладаешь семью ты озёрами

И лужаек, с осокой, просторами,

Островами семью, да всё с травами,

Облака над богатством тем плавают.

В поднебесье там мыс воздымается,

Облака мысом тем разрезаются.

Остановит он ветер непрошенный,

Оградит от колючего крошева.

А над мысом святым возвышается

Дом просторный, в нём свет отражается!

Дом – твоею Ур-Миснай воздвигнутый,

К восходящему солнцу подвинутый.

Щедро устлан он черно-бурыми,

Золотыми звериными шкурами,

Озарён, обогрет светом солнечным

Дом священный, дарами

наполненный.

Семь столов в доме светлом расставлены,

Золотые края в них представлены.

А столы те Ур-Миснай воздвигнуты
И на ножку утиную пригнуты,
Все заставлены всякими яствами...
Восседаешь ты в доме и властвуешь
На ковре-покрывале божественном
Средь мехов, цвета золота, жертвенных.
Шкуры лисьи лежат цвета рыжего...
Восседаешь ты гордо, недвижимо.
Шкуры лисьи лежат черно-бурые –
В семь слоев все полы крыты шкурами.

*

Просим мы, с покрывала ты лисьего
Встань-привстань во весь рост, всею
высью, И наряд черно-рыжего зверя Ты на
плечи соболя примеряй. Тот наряд – в
цвет зари предвечерней, Ты примеряй его,
ты примеряй.
Светел он, как заря, ранним утром.
Тот наряд лишь под стать очень мудрым!

И ремень на своём животе ты
Затяни, он украшен монетой.
Серебра те монеты и меди –
По ремню мы узнаем, кто едет!
Семь блестящих платочков из шёлка
Ты возьми, свет от них как от
солнца, А потом на плечах
соболиных Ты расправь, закрепи,
завяжи их!

С козырьком головное убранство –
С меховой оторочкою шапку –
На серебряный лёгкий накосник
Величаво, степенно набросишь.

Твой скакун – белый конь семикрылый,
Преисполнен божественной силы.
Чтобы конь был по-царски украшен,
На него ты инар видный вешай.

Тем инаром, что глазу отрадой,
Быть обязанным бабушке надо,
Ларни Най – её светлое имя!
Выше нет этой светлой Богини!
Тот подарок Богини Всевышней
Сорни Корыс – Отец – тебе выслал.
Сорни Корыс и кнут выслал тоже –
На живую пиявку похожий.
Кнут монетами лепо украшен,
Разукрашен, расписан, наряжен.

И рукою тот кнут пятипалой Ты
возьми и сожми величаво. И,
вскочив на коня-сорохода,
Натяни ты потуже поводья. Те
венчают узду с ширкунцами –
Звонкогласыми бубенцами.

И, держа ту уздечку в натяжке,
Не давай скакуну ты поблажки!
Над бегущими вдаль облаками,
Полети как сорвавшийся камень,
Полети будто капля-дождевка,
Будто ветер, что гонит песчинку!
Вездесущему ветру подобный,
Появись возле нашего дома!

В жертву ставим мы зверя с копытами.
Он рогатый, дородный, упитанный. Ты
услышь, острым слухом отмеченный,
Не сравнится с ним слух даже чернети!
Нет средь уток её боязливее,
Беспокойней, страшливей, пугливее.

Ты, мольбу слухом чутким услышав,
Опустись к нам, да хоть вот на крышу!

Будто капля дождя появись-ка,
Будто ветер, что волен, примчись-
ка. Ты мольбу нашу чутко
прослушай,
Слух твой лучше, чем чернети уши!

III. Призывное слово, обращённое к Торуму на реке Лусум

До тебя долог путь – далеко ты от нас, Семи
Торумов выше живёшь, мы то знаем,
Лишь к тебе обращаем взволнованный глас,
Лишь к тебе, седовласый наш старче, зываем.

Тонкий слух, как у чернети, вниз ты направь,
Поверни к нам ты ухо, что схоже с
кувшинкой. Твое ухо – как Обь и как озеро в
явь – Так огромно оно у святого мужчины.

Ты глаза, что как Обь, наведи, напряги,
Ты раскрой в ширь озёрную ясные очи.
И услышишь, узришь, что болезни-враги
Донимают нас сильно, докучают нам, Отче!

Я у дерева хвойного – божьей свечи,
Ритуальное место создал, обиходил.
Здесь мы жертву тебе принесём, как
учил, Как издревле и принято в нашем
народе.

Подивись, видишь лиственницу? Хороша?

А под нею на привязи конь
молодецкий. Я его выбирал для тебя не
спеша У имущего конский табун
человека.

Норовистый тот конь – не удержишь уздой,
Хоть крепка та узда, что надета на морду.
Отличается зверь быстроходной ездой,
Горделивой осанкой и поступью гордой.

Нуми-Торум, к нам младшего сына пошли,
Из семи сыновей он молоденький самый.
Он достигнет пределов любимой земли,
И, забравши коня, унесёт к тебе прямо...

Младший брат из семи, ты на древо спустишь,
Я стою тут, внизу, рядом – конь златогривый.
Ты коня-то возьми и к себе подтяни,
Так тяни, чтоб не вывихнул ноги игривый.
Отведи его к озеру с чистой водой,
Что блестит серебром и на солнце
искрится. Длинношеие лебеди – клюв
золотой... Как красиво там плавают белые
птицы!

Ты в водицу коня заведи под уздцы,
Неглубоко, чтоб скрылися только колени.
И подбрюшьё помой, и охвостья концы... Чистый
конь – он предвестник судьбы обновленья.

И надень на коня золотое седло,
Что покрыто тончайшим злачёным узором.
Впору самую: ни велико, ни мало, –
Красотою слепит восхищённые взоры!

Коли нет у коня под ногой нужных сил,
Сделай так, чтоб железными сладились ноги!

Коль спина слабовата, чтоб лучше носил,
Сделай спину железной коню для подмоги!

Коль плоха голова у подарка-коня,
Посодействуй-ка крепости морды ты конской.
Коли нужно для дела, её поменяй,
Ибо рвется обычно, где слабо и тонко.

*

Ты накинь на коня удила поценней,
В медно-красных, блестящих, чудесных колечках,
И скачками семью поднимайся быстрее.
Будут пусть у коня те скачки безупречны.

И, оставив внизу под собою семь сфер,
Ритуальный конь пусть мордой дверь
приоткроет, Та богатая дверь, золочёная дверь –
Это вход в золотые отцовы покои.

Седовласый старик – Золотой наш Отец,
Опершись, как на палку – на топорик
железный, Ловко вскочит в седло, как лихой
молодец, А совсем не кряхтя, еле-еле, залезет.
Слуги, что с семи рек, обретаются здесь,
Наблюдают они за семью жеребцами,
У них опыт, сноровка и знания есть, Как
коня вновь прибывшего бегать заставить.

Полетит конь стрелой, конь поскачет окрест.
Высотой в семь небес – это круг его бега,
И копыта сметут всю ухабистость мест,
Разве это под силу ногам человека?

От ухабов таких богатырь может пасть.

Не подняться ему после рытвин, колдобин. А
вот конь наш закроет всякой рытвине пасть,
Утрамбует подковой – путь будет удобен!

*

Ну, а здесь, на земле, уж сварилось в котлах
Мясо жертвы тебе, это конское мясо.
И подходит девица, нож железный в руках, И
мельчит им куски, чтоб хватило всем часом.

Как легко по волокнам снуёт острый нож,
С кривизной он удобною для вышиванья,
И в руках девы юной он очень хорош:
Быстро режутся порции для поедания.

*

Наша конская жертва – злому Хиню ответ,
Что над нами подол свой широкий раскинул.
Семь дорог, полных хвори, что застили свет,
Этой жертвою мы отсекли, заградили.

Будто стену из брёвен мы здесь возвели,
Укрепление из свай, сваи те – из металла.
И, наполнив черпак кровью жертвенной,
мы Семь дорог злого Хиня поливаем
немало.

Семь дорог поперечных, по которым шла
хворь, Мы ножом, соль на нём, отсекаем,
разрезав. И уходит, о, счастье, нестерпимая
боль, И куда-то уходят бедени-болезни.

Человек, у которого счастье ушло,
Вновь на годы обрёл свое водное счастье.
Тот, кто очень болел, и тому повезло:
Дни свои он продлил, ведь ушли все напасти.

IV. Призывное слово, обращённое к Торуму в Тагттит Павыле

Семь небес над головою
Твой от нас скрывают лик.
На седьмом – ты, всем главою,
– Золотой живёшь старик.

Ты, чье имя Нуми-Торум,
Восседаешь в облаках.
Под твоим живём призором.
Наша жизнь – в твоих руках.

Тонок слух у чёрной утки,
Тоньше – только у тебя.
Приложись ты ухом чутким,
И услышь ты нас, любя.

Как озёрная кувшинка,
Кончик уха своего
Поверни к нам строго, чинно –
Нам достаточно того.

И глазами, что размером –
Как вся озера вода,
Погляди, по крайней мере,
Хоть недолго, но сюда.

*

Место жертвоприношений
Обустроил с давних пор
Под кедровой старой елью
Муж один, убравши сор. ...

Ель та – дерево святое,

Ель та – божия свеча,
Дорогого дара стоит,
И сама из кедрача.

Здесь кусты – и те нарядны,
Гладко стоптана трава... Жертву
здесь принести – отраднo, И о
том идёт молва.
Конь на жертву –
ритуальный, Выручал всегда
народ. Им пожертвуешь, а
дальше Он удачу принесёт.

*

Конь холмистую землю
Уровняет – не упасть,
И болотную водицу
Превратит в упругий наст.

Землю сделает равнинной –
Легче женщине ступать,
Не оступится мужчина,
Здоровее его стать!

Привели коня на жертву,
Светло-серой масти он.
Белоснежной чайки перья
Не белее, убежден.

Вот красавчика связали,
Грива белая видна...
В дар божественный ножами
Проводили скакуна.

*

Сына Торума – младшего,
Что витает средь небес,

Мы зовем: «Спустися снова,
Посети наш чудный лес!»

Голоском чирка взываем,
Просим голосом гуся.
Гогот, щебет применяем
Мы, призыв к тебе неся.

По святой кедровой ели,
Как куница, ты спустись.
Душу лошади, что съели,
Ты возьми с собою ввысь.
Но сперва пускай
наденет Удила, узду,
броню. И, коль надобно,
заменит, Спину, голову
коню.

Если голова плохая,
Если и спина плоха,
Пусть Сын Торума меняет,
Заменяет их пускай.

Провожая, поминая
Ноздреватого коня,
Что из дальнего к нам края,
Гнали долго – аж три дня,

С дальних мест – из семиречья,
Мы мечтаем об одном
Здесь, у ритуальной свечи,
Чтоб на небе, на седьмом,

У него во время скачек
Безупречным был бы бег!
Это будет то и значить,

Послан лучший жеребец!

Пусть таким коня поднимет
Младший Торума сынок.
Конь наш лучше, чем другие.
Нет резвее этих ног!

Только прежде пусть на спину
Водрузят коню седло.
Неземной красы, вестимо,
Золочёное оно.

Подведут коня пусть к двери
— Золотые ворота. На пороге
встретит зверя Седовласая
чета.
Тот старик седоголовый —
Нуми-Торум Золотой, Вновь
помянут добрым словом, Он
хоть главный, но простой!

Опершись рукой на посох,
На топор, копьё ладом,
Золотой Отец попросит
Дать коня, что под седлом.

*

Сядет на коня красиво,
Сразу всюду рассветёт.
Конь почует белогривый,
Что за всадник, и — вперёд!

*

После выгула, Сын Младший,
Ты на озеро иди,
Приведи коня купаться,
И где мелко, заводи.

А вокруг – лебяжьи шеи,
А вокруг – вода блестит.
Точно, места нет милее,
Хоть всё небо облети!

Где вода всего по пояс,
Там красавца и купай.
А когда его помоешь,
То на скачках испытай.

*

Пусть наездники заставят
Покрутиться скакунов,
Вкруг семи небес вращаясь,
Понаделают витков.

Вкруг шести небес вращаясь,
Как по кромке колеса,
Как по обручу катаясь...
Впереди – наш конь-краса!

*

Потому и вспоминают
На семи тех небесах
Нас, ведь жертва-то какая:
Белогривый конь-краса!

Вспоминают и девицу,
Ей на Сакве равных нет:
В варке мяса мастерица,
Вышивает с малых лет!

Как умело нарезает
Мясо ножиком кривым,
Так же лепо вышивает
И узоры у канвы!

Меж семи небес бывает,
Духи тоже мастерят:
Шьют иглою, вышивают Семь-
шесть вышивок подряд.

И ножом кривым узоры
Вырезают не спеша,
Не спеша, да очень споро –
Красотой живёт душа!

А потом свои поделки
Разрезают и мельчат, И,
порезав мелко-мелко,
Раздают там всем
подряд.

Так вот на земле конину
Режут для семи небес, И
дают простолюдинам,
Чтобы Хинь ушёл,
исчез.

*

Пусть с мясною жертвой тою
Будет каждый отражён
Из семи путей – вчистую,
Словно кривеньким ножом!
Шесть путей болезни роста
Будут пусть устранены,
Словно сабельками, просто,
Их концы остры, точны.

*

И свершилось чудо-счастье –
Это жертвы добрый след
И призывного участия,

Чтоб не стало хворей,
бед.

Уважаемому мужу,
Что с постели не вставал,
Стало лучше, а к тому же
Вскоре он здоровым стал.

Дни, что были уж сочтёны,
Вдруг продлились на года,
И семьи глава почтенный
Стал ходить – вот это да!

У кого был сын лежачим,
Так болел, что встать не мог, –
И к тому пришла удача:
Сын вскочил – и за порог!

Стала жизнь длиннее втрое
У излеченных мужчин –
Это счастье, да какое:
Жив отец, здоров и сын!

Женам – тоже облегченье,
Девам – вовсе благодать.
Их закончились мученья:
Дочь жива, здорова мать!

Прочь ушло из дома горе –
Жертва им смогла помочь!
Мать семейства встала вскоре,
Поднялась девица-дочь.
Годы жизни их продлились,
Да, продлились в два раза,
И глаза их заискрились, В
них – лишь радости слеза.

Промысловый зверь вернулся,

И пополнились леса,
И охотник встрепенулся –
Это просто чудеса!

К рыбаку пришла удача:
Рыба полнит закрома. Стала
жизнь добрей, богаче, Не
страшит уже зима!

*

Сила жертвы так огромна,
Чудодейственна она...
Даже конский волос скромный
Чудо сотворит сполна.

Коли в лес, пустой и грустный,
Волос жертвы попадёт,
То в лесу не будет пусто –
Вскоре зверь туда придёт.

Коли в чашу устремится
Волос конского хвоста,
Будешь резвым, как куница,
Будешь есть еду в три рта.

Коли волос жертвы гривы
Занесёт в дремучий бор,
Будешь белкою игриво
Делать на зиму ты сбор.

Коли в воду устремится
Волос конского хвоста,
С гривы волос, хоть частица,
Ты, как рыбка, – лепота! – Будешь плавать и
резвиться,

Плавниками шевелить...
Жертва воздаёт сторицей!
С жертвой легче будет жить!

*

С пальца, что с мизинцем рядом,
Пусть покапает вода,
Только чистая, так надо,
Так положено всегда!

И тогда лесное счастье,
Точно, будет прибывать.
Коль отпустит нас ненастье,
Счастья нам не миновать!

*

Счастье ищущий мужчина,
Поднимись на чистый холм,
Что довлеет над равниной,
Как над тихой речкой чёлн.

Встань от жертвенного места
В перелётах двух стрелы.
Вспомни, как прекрасна жертва,
Грива, хвост её белы...

А потом на пять полётов
Луком посланной стрелы
Отойди, представив всё ты.
Думы здесь чисты, светлы...

После – подойти здесь можно
К шкуре, что бела, чиста,
И коснуться осторожно
Тонким кончиком кнута.

V. Гимн-благодарение Мир-Суснэ-Хуму в Мувынкесе

Над широкой рекою могучей, Над
кормилицей Обью, в верхах,
Восседаешь ты, лучший из лучших,
И паришь высоко в облаках.

Как грозна и востра твоя пика, И
длинна, будто клюв журавля!
Величав ты, красив,
светлоликий, Именуют Царём
все тебя!

Ты в покоях небесных, злачёных,
Семикомнатных, с дверью золотой,
Восседаешь, во власть облечённый,
За столом, что стоит высотой –

Высотой с утиную ножку,
Высотой – как ножка гуся,
И к тебе, оробевши немножко,
Мы взываем, надежду неся!

Обострённым божественным слухом
Нас услышь, Золотой, с высоты.
Только рябчик пугливый в два уха
Всё расслышит так тонко, как ты.

В семи трудностях мы оказались,
До нужды запредельной дошли.
Отыр-Царь, прояви свою жалость:
Снизойди до бедняжек земли!

Опустись дождевой каплей с неба,
Ты дождейки быстрее прилети! Ты
давненько в краях наших не был,
Ты до сирых, до нас, снизойди!

Прилети с дуновением ветра,
И увидишь, как бедно живём.
Нет бедняжек беднее на свете,
Чем молящие мы о своём.
Нас постигли болезни, бедени,
Все напасти свалилися враз.
Злые духи и люди-злодеи
Ослабляют, теснят нынче нас.

Это чёрные, красные Хини
В чёрных шубах примчались
вдруг, И болезни, и беды отныне
Стали делом обычным вокруг.

Мы всегда тебе в жертву приносим,
Золотой наш, рогатых зверей,
И готовы и дальше, но просим:
Защити нас, одень, обогрей!

Отведи все дурные напасти —
Слабость в теле и боли в костях.
Золотой наш, ведь всё в твоей власти,
Одари нас, трудяг и бедняг!

*

Прискачи к нам на звере
священном, Золотым он помечен
пятном. Мы твою
чудодейственность ценим, И
молиться мы не устаём.

С золотою отделкой богатой
Ты направь золотую узду
К нам сюда, так желанен всегда ты:
Скороходную ценим езду.

Приземлись на домовую кровлю
И направь ум нацеленно свой

Ты на озеро с матушкой Обью,
Чтобы стали полнее водой.

Обойди семь углов – семь окраин:
Семь краёв на земле, на воде.
Облети вокруг весь обруч по краю,
Ты приди, помоги! Мы в беде!
Осмотри всё вокруг по кольцу ты:
Осмотри все углы, закутки.
Приглядишься и всмотришься в
промежутки Меж углов, а они велики!

Слышишь ты соболиную просьбу?
Ты звериную слышишь мольбу?
Ты умом золотым охвати всё
И спустишься к нам – исполни мечту!

*

Золотой наш, семь жертв ты имеешь,
Ты имеешь шесть жертв... Коль
придёшь, То напасти ты сразу заметишь,
Сгладишь их, и беду отведёшь.

Будь беда, будь болезнь – всё едино
– Изгони – для того и приди! Хиня
чёрного, красного Хиня Убери,
сгладь, от нас отведи.

Год такой наступил лихоимный.
Хворей, слабостей в нём череда.
Кости ломит, ну, невыносимо –
Ой, беда! Ой, большая беда!

Царь, одаренный зверем весенним
И осенним, великий наш Царь,
Мы к тебе с уваженьем, почтеньем
Обращаемся ныне, как встарь.

Как и прежде, в поддержке нуждаясь,
Мы к тебе обращаемся вновь. Ты,
бруском семигранным вращаясь,
Объезжаешь земли семь углов.

Бедолаги твои и бедняжки,
Шубы ветхи и обувь худа...
Без тебя нам приходится
тяжко: Чуть – и в двери
стучится беда!
Хини красные, чёрные Хини, В
шубах чёрных, вот-вот нас съедят.
И одним нам не справиться с ними,
Мы помочь умоляем тебя!

*

Как хорош на святом покрывале
Белогривого образ коня! Может,
где есть другой, но едва ли
Сможет также красою пленять!

Семипольный ковер, освящённый,
Одному предназначен тебе...
Слышишь, Царь, наши скорбные стоны?
Посочувствуй тяжёлой судьбе!

Луки, стрелы у нас – словно
змейки, Их, священных, от века мы
читим... Умоляем тебя, Царь, сумей-
ка Нам, убогим, достигнуть мечты.

Пёстробокого зверя святого
Взял бы ты за золотую узду
И пустился бы верхней дорогой
В верховую, святую, езду.

Засверкала б на солнце уздечка,
Что держать будешь ты навесу.

Заблестят золотые колечки,
Путь торя к Золотому Отцу.

Золотой твой Отец – Нуми-Сорни –
Властелин он вся, господин,
Восседает высоко, он – горний:
Семь орлиных полётов под ним!

Одолеет бы ты эти полёты
Ради нас, сырых, нищих бедняг,
И, поднявшись на эти высоты,
К коновязи подвёл бы коня.
Пёстробокого верного зверя
Привязал бы к столбу у крыльца,
И своими шагами промерил Все
ступени к pokojам отца.

В дом, что мохланом славен злачёным,
В дом почтеннейший, дом золотой,
Ступишь ты, как всегда утончённо:
Осторожной сыновней ногой.

У двери, дверь имевшего дома,
Встал бы кротко, просящим лицом,
И, мольбою горячей ведомый,
Пред Всевышним предстал бы Отцом.

* * *

И Отец Золотой – Свет-Всевышний –
Вопрошал бы, к тебе обратясь:
«Мой сынок! Что случилось? Что вышло?
Твой приход и нужда... Есть ли связь?

И какие же мучают беды,
Расскажи, коли просит отец,
Поскорее отцу ты поведай,
Отвечай же, сынок, наконец!»

*

И, наверно, ты скажешь в ответе:
«Царь Златой! Мой Отец дорогой!
Есть несчастья людские на свете,
Беды есть под небесной дугой.

Там страданием охвачены земли –
Злого Хуля пронзёны стрелой.
Обеднял там народец, всё съели,
Нищетой обросли да бедой.

У людей даже кости ослабли,
Истощали донельзя тела.
Черношубые Хини, как сабли,
Рубят, колют людей, вот дела!
Хини красные в чёрных там шубах,
Хини чёрные в шубах – все там,
И с людьми обращаются грубо,
Возрастает людей нищета...»

Всё о нас ты отцу бы поведал,
Всё Златому Отцу рассказал.
Нуми-Сорни узнал бы о бедах,
О напастях бы наших узнал.

*

Что же он там тебе отвечает?
Что же он там тебе говорит?
«Мудрый Сын, семигранно
вращаясь, На земле людям благо
твори!

Семь премудростей ты
излучаешь, Семигранен талант
твой большой. Ты за мир на земле
отвечаешь, За бедняжек болеешь
душой.

Ты прошествуй к священному зверю,
Отвяжи, на коня заберись,
И на нём, быстроходном, промеряй
Всю небесную светлую высь.

Снизойди вниз, о, царственный сын мой,
И когда ты на землю придёшь,
Огляди всё глазами своими, Всё
увидишь, а, значит, поймёшь!

Есть беда? – Нос её надо сгладить,
Хуля нос надо сгладить, убрать!
Хини там? – Надо Хиней отвадить.
Роковую болезнь – покарать!

Пусть разглаженной будет дорога,
По которой нить жизни спешит.
Пусть людей молодых будет много,
Пусть же радость беду сокрушит!
И в семи уголках – дым по ветру –
Кольцевидной священной земли
Пусть приносят богатые жертвы:
Семь зверей чтоб тебе принесли!

Семь с водою котлов пусть согреют,
Деревцо молодое найдут.
Под него воду ту поскорее В
благодарности знак пусть сольют.

* * *

Я озвучил своё наставленье,
И его ты воспринял, сынок!
Не теряй драгоценное время –
Мчись на помощь, отважный ездок!

Соболино-звериную просьбу, Как
мольбу, сформулировал я. Да,

наказ мой исполнить непросто На
семи кольцевидных краях!

Охвати ты умом свою землю,
Охвати тверди, воду, и брод.
Знаю, сын, ты словам этим внимлешь
И спасёшь горемычный народ!»

VI. Призывная песня, обращённая к Мир-Суснэ-Хуму – Сыну Торума, на реке Лусум

На реке Оби, во семи местах,
Жертву ставят тебе в подношение!
В шесть слоев ковром ты одарен там,
Всяк несёт тебе угощение.

Ты велик, могуч, нет тебя сильней.
Вездесущий ты, Свет наш Золото! Ты
широк как Обь, что всех рек вольней,
Даже ухо твоё больше озера.

Пусть твой тонкий слух уха
чуткого Обострится так, как у
чернети, До земли дойдёт – молим
сутками:
Обрати свой взор к земной черни ты.

Глаз-озёр твоих обращение
К людям бедненьким в шубах стареньких
Пусть узрит-таки обнищание:
Вместо наста вдруг да проталинка!

В золотом дому, где полно чудес,
Где всегда льёт свет, не приходит ночь,
Ты подумал бы, в глубине небес,

Как же всё-таки нам опять помочь!

А помочь-то нам, ой, как надобно.
Мы бедняжечки, ой, как маемся,
Ведь в беде живем бедолагами,
А беда бедой погоняется!

Горьким плачем мы плачем день-деньской,
Воплем страждущих надрываемся,
Жаждем мы обрести, наконец, покой,
Мы, болезные, вишь, – шатаемся.

Плачи горькие, просьбы слёзные
Устремляем мы, да с надеждою.
Удали от нас время грозное,
Возврати ты нам время прежнее.

*

Объезжающий твердь бескрайнюю,
Объезжающий воды светлые,
Где Оби исток – с того края ты,
Совершающий путешествие...

Путь, что держишь ты, лишь семи самцам
Покоряется – так не близок он.
От начала всё видишь до конца:
Оком зорким ты наделён отцом.

Видишь, семь зверей, все рогатые,
Ноги путами нами спутаны.
Это дань тебе – дань богатая.
Отдаём тебе только лучшее!

И рукой своею державною,
Крепко взявши вервь, дюже прочную,
Жертв-зверей своих удержал бы ты,
Что для пиршества приторочены.

Скакуна держи, быстроходного,

Особливо ты, пуще всех зверей,
За поводья те, благородные,
Ибо он один всех других резвей.

*

И тогда уже, ну, конечно, ты,
Ухо – с Обь-реку, око – с озеро,
Уяснишь мольбу и поймешь мечты,
Озаботишься нашей просьбою.

Слухом тоненьким дикой чернети,
Обострённым гриба-панха запахом,
Верим, правильно нас расслышишь ты –
И поженуешь к нам ты запросто.

*

Ум твой просьбами озаботится,
Коль примчишься ты помогать
сюда. Ты охватишь всё, как нам
хочется,
Так объемлет всё лишь в разлив вода.

Ты, как луч златой солнца яркого,
Что своей косой в небе радует,
Одари-порадуй подарками,
Огради от хворей оградой!

Царь Златой ты наш, ум немеряный,
Хоть незрим, но, знаем, ты здесь и
там, А мольба к тебе порассеяна По
Оби по всей, по семи местам.

Слухом чернети горький плач услышь,
Грустный вид увидь глазом с озеро.
Мы о малости тебя просим лишь,
Справедливей нет в мире Отыра!

Ты быстрее всех объезжаешь мир,
Ты – душевней всех и сердечнее.
Помоги, Златой, слёзно просим мы.
Благодарности будут вечными.

VII. Призывная песня, обращённая к Мир-Суснэ-Хуму – Сыну Торума, в Хал Павыле

Какой ты знатный, родовитый,
О, Муж, достойнейший из всех!

Твои одежды важно шиты –
Медь, серебро, искристый мех!

Отец Святейший – Сорни Корыс,
Отец – Свет-Батюшка Златой –
Тебя поставил не на корысть –
На совесть мир беречь земной.

Ты сберегать сынов назначен,
Беречь назначен дочерей –
Мы просим: помоги! Мы плачем –
Примчись к болящим поскорей!

И надо ж было так случиться – А
жизнь превратностей полна – Всяк
стал к тебе взывать-молиться:
Пришли худые времена.

Как жизнь девичья затруднилась,
Как юношей скудеет жизнь!
Мы молим: выкажи нам милость,
Прибудь к нам, Отыр, задержись!

Жизнь, что была туга как косы,
Вдруг истончилась в волосок!
А солнца луч подсушит росы –
И распрямится стебелёк!

И ты, как солнца лучик тёплый,
Спустишь, приди и обогрей!
Жизнь наша скрючилась, поблёлкла.

Жаль сыновей и дочерей.

*

Дом светел, где ты восседаешь.
Там бревна медные блестят,
Своим величием поражает
Столь дома дорогой наряд!

И серебро жердей скрепляет
Забора стройный частокол. Он
дом твой светлый ограждает,
Вознёшись в небо высоко.

Все сыновья твои и дщери,
Что молят о другой судьбе,
Копытного с рогами зверя
Уже поставили тебе!

Возьми, прими ты жертву эту!
С тремя мелодиями плачь
Тебе мы шлём и ждём ответа...
Дай счастье нам, его назначь!

Поют здесь девушки о счастье.
Им вторить юношам не лень —
Установи, убрав ненастье,
Воспетый нами светлый день!

Травы съедобной очень мало,
Съедобный прутик не сыскать.
Лесную пищу нам, усталым,
Помочь бы надо отыскать.

*

Дай знак, мольба не позабыта.
Незрим твой зверь-самец для нас...
Так пусть хоть высунет копыто —
Его нога нам знак подаст!

Тогда, дорог не разбирая,
Готовы мы на знак ползти,
Колени, локти раздирая
На семидневном том пути.

Мы плачем, нужды обнажая,
Зовем: приди к нам
поскорей! Болезни, войны
поражают И дочерей, и
сыновей.

*

Мы плачем днём, мы плачем ночью:
От войн, болезней огради!
Ну, нет уже ни сил, ни мочи.
Спасти и исцелить приди!

Нам женщин исцели болезных,
Мужчин болезных исцели. Мы
помним, исцелял ты прежде, И
ныне наши дни продли!

VIII. Молитва-обращение к семейному покровителю на реке Лусум

Вот и поставил тебе я рогатую жертву,
Вот и хорошую жертву принёс я тебе,
Вот и поставил тебе я копытную жертву,
Так помоги же ты мне при опасной ходьбе:
Чтобы неровной земли под ногой не случилось,
Ямистой чтобы земля не была подо мной, Чтобы
неровностей, выбоин мне не встречалось,
Пусть будет гладеньким, ровным отныне путь мой.
От нежелательных встреч на неблизкой дороге,
Ямистой, зыбкой, неровной, убереги.
Пусть же отступят волнение, смятение, тревоги,
Пусть же в пути мне не встретятся злые враги.
И знаменитым своим рукавом соболиным
Ты б, ограждая от бед и невзгод, прикрывал!
Шапкой своею прославленной, шапкой звериной,
Ты бы меня, когда нужно, в пути накрывал!

IX. Гимн Сорни-Отыру, испрашивающий божественную защиту

Сорни-Отыр, над землей кружащий,
С косами светила восходящего,
Чутким слухом чернети пугливой
Наделён Отцом своим на диво!

Наделён семью детьми своими
Всякими дарами дорогими,
Жертвенными, добрыми дарами –
Семь дитятей их приносят сами.

Семь вестей, что к Торуму стремятся,
– Все добром и ласкою струятся.
Наделён ты трепетным почтеньем, Что
струит к тебе от населения.

Варится пока людская пища,
Исцелишь больных! Вот силища!
Не успеть остыть похлёбке в чаше,
Как здоровы все больные наши.

В доме с перилами, в крепком поместье,
Бревна крепки и с отливом в цвет меди,
В доме большом, что с перилами
медными, С жертвенным даром дитя твоё
бедное Шлёт тебе вести, взывая с
мольбою. Ум его занят – только тобою.
Из своего родового поместья
Шлёт тебе, Отыр, грустные вести:
Нет на охоте удачи – иссякла,
Нет на рыбалке удачи – иссякла.
Счастье лесное, водное счастье Вдруг
запропало. Нет над ним власти.

Только к тебе и уповает!

Кроме тебя, никого он не знает! Батюшка
твой – Нуми-Торум всеильный – Дал тебе
мудрость, вдохнул в тебя силы.
Просьбу услышь, напряги свое ухо,
Встань, преисполненный мудрости Духов!

К Батюшке надобно бы обратиться,
Буду на то уповать и молиться:
Дескать, мол, Батюшка мой, Нуми-Торум!
Как избежать нам от голода мора?
Дай мне совет, как помочь этим сирым?
Как приумножить здоровье и силы?
И предложи три котла угощений...

Слёзно молю, испрошаю прощенья.
Коль что не так, ты прости и помилуй,
Дай нам удачу, здоровье и силу!

Х. Мудрое наставление Ко-хо-хов! Ко-хо-хов!

Наш Торум крылатый, семь крыльев
имеющий, Наш Торум Всевидающий, Батюшка
наш! Над кругло-округлым Торумом реющий,
Торум округлый окольцевавший!

Направь свою нарту, в которую впряжены
Семь сильных оленей – оленей-самцов,
По-царски красивых, богато наряженных,
Наверх, над туманом семи облаков,

Над всеми краями – семью –
облакастыми, Над всеми туманами тех
облаков. Пусть где-то внизу остаются и
шастают Ходатаи, что из земных ходоков.

Земные пред нами снуют покровители.
Мы знаем, их силы не столь велики, Не
смогут помочь тем, кого так обидели.
Они легковесны, малы и легки.

Куда им до мощи святой Нуми-Торума!

*

Бедняжкам помочь, знаем, сможешь лишь
ты. Их шубы ветшают, пустеют их торбы, Их
просьбы – к тебе, о тебе их мечты.

Помчись над священной нашей землицею,
Где много людей, а ещё больше бед,
Над светлой землицей Богини с косицею –
Весеннего зайца косицы той цвет.

Над нашей землицею многострадальной,

В ней кости покоят усопших людей...
Прodelав дорогу тяжёлую, дальнюю,
Возвысься над нами, Святой Добродей!
Возвысься над нашей землёю священной,
В своей светлой шубе, звериной своей,
Обласканной Торумом, солнцем нетленным,
На нас, горемычных, свет чистый пролей!

*

Коль вновь Хуль захочет, чтоб силы ослабли,
Сосавший мне кости и славший беду,
Рукой шевельну, в ней – священная сабля,
И саблей святой я беду отведу.

На святой земле, с круглой грязной спиною,
Закроет шаман Хулю вновь злобный рот,
Ведь Торум поможет встать нйиту стеною
И дать Хулю вновь от ворот поворот.

* * *

Да, нйиту земному дает силу Торум,
И силушка духа приходит к нему.
Та сила – надёжная жизни опора.
Она помогает по жизни ему.

И нйит обращается к доброму Духу:
«Коль я заколдован противником злым,
Его, лихоимца, от уха до уха,
Ты острою саблей руби и коли!

Вбивай его вниз, под слоистую землю, Под
все семь слоёв: и руби, и вбивай. Ну, а
душу мою – этой просьбе ты внемли –
Подними, да повыше! Наверх поднимай!

*

Нуми-Торум – Всевышний – с семью рукавами,
Пусть все семь рукавов обнаружатся здесь.
С семью думами Торум, великий делами,
Всеми светлыми думами будь с нами весь!»

* * *

Добрый Дух есть у Няйта – заступник, опора;
И у злого шамана есть тоже свой Дух. Дух
шамана пришёл к Духу няйта, и скоро
Грянет битва жестокая пупыгов двух.

Двух людей – двух врагов – Духи в схватке
схлестнулись: Близ большого болота из-под нарты вдруг
бык На медведя напал. Небеса ужаснулись:
Рёв округу потряс, всё объял злобный рык!

Долго, коротко ль Духи, как звери, сражались:
То медведь побеждал, то сильнее был бык.
У быка обе ветви рогов обломались, А
медведь потерял свой огромнейший клык.

Обессилен вконец, отползли оба зверя,
Восвояси они, наконец, подались. По
прибытию домой и вошедши во двери,
Узнают о постигших их бедах, вот
жизнь!

Тот мужчина, чей Дух, как медведь, обескльчен,
Узнаёт, что дитя его умер: дела!
Кто лишился рогов, когда Дух был набычен,
Обнаружил, что двойня его умерла...

Да, шаман очень сложно живёт, очень тяжело...
А когда тот колдун умирал роково,
Вдруг разверзся живот под вогульской рубашкой –
То волосья людские разъели его.

Сколько лет всё копил, всё держал, не пуская:
Колдовал, призывал, напрягался, просил –
Вот шамана судьба, вот судьба колдовская,
Вот напряга цена сверхъестественных сил!

XI. Песня, обращённая к Торуму

Обходящий свет белый, его семь углов,
Ты мудрец седовласый, лицо всё в
морщинах, Ты имеешь стада и богатый улов,
Тороватый, могучий небесный мужчина!

Ты поишь и питаешь, тебя я люблю.
Коль не ты, то не жил бы под солнечным светом.
Спать ложась и вставая, тебя я молю:
Дай во здравии жить ещё многие лета.

Коли мне не хватало б еды и питья,
То молил бы тебя о своём
пропитанье.
Коль обноски носил бы иль кучу тряпья,
То тебя б умолял: Дай же мне одеянье...

Дай под вечер мне место, где мог бы поспать,
Чтобы сон не тревожили мой понапрасну.
Дай мне утром проснуться и место, где
встать, Чтобы люди вокруг были мне
безопасны.

Сделай так, чтобы с добрыми znalся людьми,
С ними жил и трудился, не зная печали,
Чтобы пить с ними, есть, заниматься
детьми... Пожелать много больше возможно
едва ли.

Обходящий свет белый, его семь углов,
Семь сторонok людских до последней, единой,
Приносящий нам дичь, приносящий улов,
Приносящий нам зверя, Мудрейший Мужчина!

Ты семь счастья людских от души всем раздашь,
Потому что ты добр, потому что ты щедрый.
Слёзы лью и молюсь: О, Отец Верхний наш! —
Под могучим и крепким раскидистым кедром.

В это время, я знаю, ты — там, наверху, В
своём доме стеклянном лежишь-возлегаешь.
Дом большой, в семь углов, но и в дальнем углу
Всё ты видишь и слышишь, и плач мой узнаешь.
Совершая обход, навещаешь людей,
И в семи уголках проявляешь
участие.
И с собою ты носишь, я знаю, везде Семь
частей, составляющих полное счастье.

Ты тому, кто не спит, даришь радостный сон,
Кто встаёт тяжело, совершенно разбитым,
Ты даруешь весёлый и легкий подъём, А
того, кто не ест, наградишь аппетитом.

Кто добротной одежды сегодня лишён,
Тех узришь ты с небес, хорошо их запомнишь,
И вопрос по одежде раз-два и решён:
Бедняку ты одежду пожалуешь в помощь.

Тем, кто ест не досыта, готов ты помочь.
Зверя, рыбу пошлешь на силки, петли, сети.
Чуть — и сыт твой сынок, и сыта твоя дочь,
И их лица весельем и радостью светят!

Кто желает оленя иль, скажем, коня,
Обращает к тебе свой призыв к воздаянью.
Ты, услышав его, сможешь точно понять
И порадовать вновь исполнением
желанья!

Вот за это за всё люди ценят тебя,

Бьют поклоны тебе и тебя вспоминают,
И еловые ветки пушат, теребя, И
для запаха чудного их поджигают.

Утром ранним, благим, когда всё ещё спит,
И пред сном всякий раз в поздний пасмурный вечер,
Зажигают, и запах повсюду струит,
Наши женщины веточки, будто бы свечи.

Благовоние лиственниц – это тебе!
Поутру, ввечеру источается запах...
И идёт благодать до высоких небес,
Будто гладят тебя хвойно-лиственной лапой.
Кто имеет коня, тот его головой,
Поминает тебя, молит дни, молит ночи.
У кого зверь рогат, тот его головой
Поминает тебя, наш Всевидящий Отче!

ХII. Заклинательное обращение к Торуму в деревне Евра

Великий господин, Отец наш – Нуми-Торум,
Наш Батюшка святой, защита нам и кров.
Твой глаз величиной с обской воды
просторы, Размерами он с озеро, где нету
берегов.

Запасы без границ еды в твоих пределах.
В пределах без пределов не счесть голов скота.
И нет ни у кого таких огромных денег.
Во всём живой пример ты всюду и всегда.

Богат – не кто имеет, а кто приумножает.
Ты умножаешь скот, одежду и еду,
Здоровье и удачу всегда ты порождаешь.
Отводишь прочь печали, хворобу и беду.

Я благости прошу, прошу я умноженья.
Умножь мою еду, питание в семь раз.
И чтоб мои стада, стада мои олени,
Размножились в шесть раз, услышь о, Боже, нас!

Ходящий подле нас то спереди, то сзади,
Отец наш Золотой, взгляни и оцени: Я
жертвую конём, оленем лучшим в стаде
Тебе, чтоб ты мои продлил, украсив, дни.

Коня тебе даю, оленя я поставил... Я
жертвую тебе, к тебе моя мольба: Дай
мне хороший дом и щедрое питание,
Богатое хозяйство и тучные стада!

ХIII. Призывная песня, обращённая к Священной Воде в Яныг Павыле

Семь лиственниц здесь и семь
кедров, Семь белых кудрявых

берёз Раскинулись кронами щедро
Среди травянистых полос.

В низинах семи тонкотравых
Вит Ялпын Дух ойка сидишь.
Ты многими плёсами правишь,
В прибрежье песок шевелишь.

Пески те течением омыты, Здесь
плёсы – темны глубоки. Семь
омутов тихих здесь скрыты
Течением бурным реки.

О, Дух-Покровитель ты водный!
В дому, где и дверь не постичь,
Ты правишь-сидишь благородно
В чешуйчатом рыбном обличье.

*

Спокойны у рыбы повадки,
Спокойны её плавники,
Бока золотисты и гладки,
Та рыба – хозяин реки!

Тебя, Дух наш рыбоподобный,
Мы просим покинуть свой
дом! И криком гортанно-
утробным С мольбою тебя мы
зовём.

И чернети дикой ты слухом
Услышь наш молитвенный глас!
Коснулись стенания уха?
Услышал молящихся нас?
Стоят здесь и просят три утки, Что
ты от беды уберёг. Пусть слух твой

таким будет чутким, Что шорох
малейший вберёт.

Прими, просим мы, подношенья
Из жертвенных ласковых рук.
Взамен же – войну и лишенья –
От нас отведи, Водный Дух!

*

Мы помним, Вит Ялпын Дух ойка,
Как ранее оберегал Сынов,
дочерей наших стойко, От
происков Хуля спасал.

Теперь, как и прежде, мы
молим, Ты руки войны удержи.
Над наглым, зарвавшимся
Хулем Ты верх поскорей
одержи.

Твоя, помним, слава гремела На
весь кольцевидный наш мир.
Тебе, Всемогуший, умелый,
Мы ставили жертвы на пир.

И слава твоя громогласно
В семи отдаленных краях,
Гремя, разгоралась, не гасла,
Как чудная сила твоя!

И, помня о времени этом,
Три утки взывают к тебе.
Задели их Хуля наветы,
Сказавшись на доле, судьбе.

Три утки тебя умоляют
Мольбой соболиной, любя,

К тому ж от души проставляют
Здесь жертву во славу тебя!

Мы жертвуем сильного зверя
– Большого: копыта, рога! –
Веди его в дом через двери:
Та жертва для нас дорога!

Её ты от чистого сердца
Прими с соболиной мольбой...
Мы молим, открой свои дверцы,
Всесильный! Гордимся тобой!

От бед сделай крепче заслоны,
От Хуля ты нас огради.
Мы бьём здесь поклон за поклоном,
Вит Ялпын Дух ойка, приди!

На гладкую жизни дорогу Ты
выведи нас поскорей! Пусть
дочери здравствуют долго, Век
долгий пусть ждёт сыновей!

Спаси, сохрани от болезней,
Пусть мир воцарится вокруг.
И пусть не разверзнется
бездна Печалей, усобиц,
разлук!

XIV. Призывная песня, обращённая к Священной Воде в верховье Лусума

К Вам обращаюсь, к Вам молю, Великие!
Взываю к Вам. Я знаю вашу мощь!

Вы – сильные святые, светлоликие!
Коль захотите, сможете помочь!

Тела у Вас могучие, железные, Как
камень горный – прочные тела.
Вам сила богатырская чудесная
Дана, чтоб делать добрые дела.

Дан слух Вам чуткий – бабочки озёрной,
И острый взгляд, как Обь, огромных глаз.
Я к Вам молю, забытый, беспризорный, Прислушайтесь,
вглядитесь, прям сейчас!

Вы озаботьтесь нашими местами.
Всмотритесь, вслушайтесь, услышите тихий стон,
Поклон мой низкий до земли достанет.
Вглядитесь: вот нижайший мой поклон!

Задумайтесь, Вы, властью облечённые,
Над бурной, беспокойною водой,
И мысль о помощи пронзит! Ей поглощённые,
Вы сжалитесь, конечно, надо мной.

Обской воды свою святую душу,
Воды озёрной вящую бы мысль
Направили в прибрежную бы сушу,
Открылся бы мольбы звериный смысл:

Чтоб не нашлось там места для ухаба,

Что может вызвать немощь у руки,
Чтоб места не нашлось и для оврага,
Что может вызвать хвори у ноги.
Пусть ровные и гладкие дороги
Сопровождают всюду всех детей,
Пусть будет много, будет очень много
Здоровых дочерей и сыновей!

Святые, просвещённые Вы люди!
Отец Всевышний здесь поставил Вас!
Пусть к берегу от Вас ответ прибудет,
Забота Ваша пусть охватит нас!

XV. Призывная песня, обращённая к Священной Воде в Сав Павыле

Среди песков в семи песках,
Средь плёсов в шести плёсах
Стоишь ты крепко на ногах,
Могучий, длиннокосый.

Ты, равный Отырам семи,
Прими от нас подарки.
Мы поднесём, а ты прими
С водой горячей чарку.

Пролейся капелькой дождя
Иль ветерком навейся,
И, в чарку жаркую зайдя,
Вбери парок – напейся.

В далёкий край мы держим путь.
В пути бывает худо. Как
избежать, как отвернуть
Нам от лихого люда?

Наш путь пройдёт среди чужаков –
Суровых, гордых русских,
Средь незнакомых берегов,
Лесных тропинок узких.

При встрече грозен и вогул –
Бесстрашнее нет воина –
Подстережёт на берегу
Иль на стремнине
вольной.

Не приведи, о, Мудрый
Дух, В руках их оказаться:

Вогул и русский – этих
двух Придётся опасаться.

Надеюшку на силу спин,
На мощь груди имеем!

Дух-Покровитель! Бога Сын!

Ты – главная надея!
Пусть женскую преграду здесь
Не встретим никакую,
И помоги нам перенести
Преграду и мужскую.

Пусть руки-ноженьки у нас
Целёхонькими будут.
Пусть не настанет лиха
час, Пусть подобреют
люди!

В деревню нам вернуться дай,
Да будем невредимы!
Любимых Отыров здесь край!
Здесь наши Героини!

**XVI. Призывная мелодия, обращённая к Священной Воде
в верховье Лусума**

Пески, излучины, протоки и заторы
– Тебе всё это отдал Нуми-Торум.

Великие твой Батюшка пределы Тебе
доверил в качестве надела.

Священная Вода – Дух-Покровитель,
Как велика, богата та обитель,
Что Батюшкой была тебе дана:
Журчит, плывёт, течёт та сторона.

В семь выходов златых твоё жилище,
Семь тихих омутов, но в них така
силища! В том месте семь железногрудых
Духов Сидят, остры на глаз, чутки на ухо.

Из тех семи седою головою
Особо выделяются там двое... Два
Духа, умудренных, седовласых,
Там обитают, многое в их власти.

О, дети омута, воды речной, озёрной!
Мы просим пониманья и призора!
Вы на поверхность водную всплывите,
На нас, просящих, пристально взгляните.

Вы видите людей из двух селений,
Из трёх посёлков люди, возраст древний,
И все они покорно жертву ставят:
Коня игривого с густыми волосами.

Копытом бьет! Какие хвост и грива!
Как топчется игриво – это диво!
Богатое мы ставим подношенье,
Принять извольте наше угощенье!

Из Духов полного, далёкого нам края,
Спешит к нам войско – враг нас донимает.
На нас пошёл войной не абы кто-то,
А сам, да будь поверженным, Хуль-Отыр!

Доселе, хоть враги и шли войною, Но
вырастали Духи там стеною. Хуль-
Отыру путь тотчас преграждался, И
тот ни с чем обратно убирался.

Да, Героини, Отыры успешно И
часто помогали, правда, прежде. И
сглаживали поросль всегда вы:
И прутья на песке, и те же травы...

XVII. Призывное слово, адресованное Воде в верховье Лусума

На речной и озёрной глади,
Нескончаемой, светлой такой,
Нет волны, воды лишь в мелкой ряби –
Это ты здесь наводишь покой.

Вот сковал лед озёра и реку.
Их поверхность – из тонкого
льда... Ты на кромке его человеку
Руку помощи тянешь всегда.

Коль поверхность ледовую топчут
Хуля или беды башмаки, Ты
прогонишь несчастье тотчас В
край далёкий, что полон Богинь.

Это жаркое длинное лето
Только осень дождём остудит...
Руки дочек, сынов – наших деток –
Силе злой ты не дай повредить.

Обладаешь ты сильной водою,
Столько омутов есть у тебя,
И со дна крутишь воду, рукою Плавником
грациозно гребя.

Щироке-Мораке – так ты зовёшься,
Именуешься так у людей.
Ждём, когда ж, наконец, отзовёшься...
Слышишь нас, пребывая в воде?

На поверхность воды быстротечной

Ты с семью дочерями явись, Те в
чешуйчатых платьях, конечно, В
них искрится небесная высь.

И ты сам – в виде рыбы – всплываешь,
С золотыми хвостом, плавником.
Образ твой в каждом доме, ты знаешь,
Есть: стоит в уголочке пустом.
В каждом доме есть угол передний,
А за домом – священный лабаз. Там
и там ты представлен небедно –
Человек-рыба – Дух Светлый наш!

XVIII. Обращённая к Нерыг (двум уральским горам) величальная мелодия

От верховья река до низовья
Бесконечна, длинна, широка,
И за нею Вы смотрите – Двое,
Возвышаясь и правя века.

И богатые рыбой озёра,
И луга, что богаты травой,
Охраняете справно Вы – Двое,
Сберегая и мир, и покой.

Нуми-Торум – Отец Ваш чудесный –
За заслуги Вас ценит – Двоих.
Нет среди покровителей местных
Лучше Вас – стойких, мудрых,
больших.

И в эпоху мужских покровителей
Да и женских – в любые года –
Были мы Вашей мощи ценители:
Проставлялись по полной всегда.

Мы несли Вам хорошую жертву,
Поклоняясь, молясь Вам – Двоим.
Вы хранили от Хуля нас верно, Не
проникнул к нам враг – ни один!

Но теперь из железа заслоны Почему-
то ослабли вконец:

Хуль к нам лезет и лезет по склонам,
Проникает к нам вражий боец...

XIX. Песня-восхваление в честь Полум-Торум ойки

О , Великий и в песнях воспетый,
Полум-Торум святой,
достославный, В белоснежную шубу
одетый,
Отыр Светлый, хранитель наш главный!

Ну, а мы – бедолаги земные,
В бедных, ветхих идём
одеяньях, И голодные мы, и
больные, Хиню отданы на
поеданье.

Хинь глубокою чёрную яму
Горемычным беднягам всё роет,
И идущих нас праведно, прямо
Эта яма поглотит и скроет.

Потому и с мольбой соболиной,
Нескончаемой, робкой, прилежной,
Мы взываем: Спаси нас от Хиня!
Просим ласково, кротко и нежно.

Отыр! Царь! Полум-Торум Великий!
Умоляем звериной мольбою,
Золотой свой рукав расстели-ка,
Озаботься людскою судьбою!

*

В белоснежную шубу одетый, Полум-
Торум, мы помним преданья: Нуми-Торум
– Отец многодетный – Ниспослал
управлять тебя нами.

Воссияет пусть Батюшки имя –

Ведь тебя Нуми-Торум приставил
К берегам полноводным Пелыма,
И на помощь убогим наставил!

Здесь, где змеям священным просторно,
Где берёза с золотыми ветвями,
Предназначил тебя Нуми-Торум
Управлять бедолагами, нами.
Ну, а ты мелких Торумов местных,
Мелких Духов, округой бегущих,
Всех расставил, приставил всех к месту,
Чтобы были те в жизненной гуще,

Чтобы нам помогали посильно,
Чтобы мы ощущали заботу,
Чтобы рыба ловилась обильно,
Чтобы зверя давала охота!

Мы стоим у священной березы,
С золотыми, как осень, ветвями...
Отведи все напасти, угрозы,
Озаботься болезнями, нами.

Мы ценой серебра умоляем:
Пожалей эту бедную землю!
Как велик ты, могуч – все мы знаем:
Помоги людям страждущим, бедным!

Докучают война и болезни –
Это происки злобного Хуля!
И поём мы призывные песни,
Чтобы светлые дни к нам
вернулись.

Многих девушек жизнь – на пределе,
Многих юношей жизнь – под вопросом.

Может быть, ты рукав свой расстелешь,
Иль над нами его ты разбросишь?

И подол дорогой, золочёный
Белоснежной сияющей шубы
Расстели нам, вконец удручённым,
Если мы тебе дороги, любви.

*

Посмотри, у березы священной
С золотыми, как осень,
ветвями Мы готовим в котле
угощенье С ароматными чудо-
парами.
Языкастое пламя алеет
Под котлом, что тебе
предназначен. Нет тебя, Полум-
Торум, милее, Нет добрее тебя –
однозначно.

Так услышь соболиную просьбу,
Вникни в смысл мольбы соболиной.
Верим мы, нас в беде ты не бросишь, К
нам заглянешь, проделав путь длинный.

Своего пёстробокого зверя
Ты направь к нам, о благе
молящим, Нам нужны не нужда и
потери, А здоровье, достаток, мир
вящий.

Напряги золотую уздечку
Скакуна своего золотого,
Пусть на миг он замрёт в том местечке,
Где подарок тебе уготован,

Где тебе не устанем молиться В
бедной обуви, в бедных шубейках.
Много шкур белоснежной лисицы
Приготовили мы, ты проверь-ка.

Пусть священный твой конь пёстробокий
От даров наших щедрых прогнётся,
Пусть к болящим, худым, одиноким,
Наконец-то, достаток вернётся.

*

Присмотрись, сколь людей здесь без шапок,
С непокрытой стоит головою –
Это просят бедняги достаток,
Мира ждут, жаждут счастья,
покая.

Сколь в лесу тёмнохвойных деревьев,
Столь и бед развелось, разразилось.
От беды не укрыться в деревне,
В городке не спастись – вот немилость!
Царь пелымский, единственный, главный,
Нет других покровителей здесь! Полум-
Торум – святой, достославный, Только ты
Покровитель и есть!

И березу твою пресвятую
Воспевают на все голоса
Птицы, змеи и звери лесные – От
неё к нам идут чудеса.

Ветер ветви березы качает,
Стайки птиц всё садятся на них,
А внизу, меж корней, проползают
Змеи Духов ногастых, святых.

Пробегают и звери здесь тропкой,

Все почтения к месту полны...

Но беда – стала жизнь наша топкой,
Нет спасенья от холодной волны.

Много жизней потеряно юных:
Много девушек в землю ушло,
Многих юношей в мире подлунном
Никогда не коснётся тепло.

Если зренье твоё обострится,
Если будет твой слух обострён,
Сможешь явственно в том убедиться,
Как мы бедно и скромно живём.

Из холодного моря просторов
Хинь – Урт-Хум, толстокосый царёк,
В лодку, что на железных подпорах,
Сел и в нашу сторонку погрёб.

Он, владенья твои объезжая,
Умерщвляет ослабших больных:
По пути в свою лодку сажает
Всех болезных бедняжек твоих.
Если здесь не пресечь Злого Хиня,
В деревнях не останется дев,
В городках, что стоят на Пелыме,
Не узрим молодых мы людей.

Пресеки строго Хиня разоры,
Толстокосого злого царька,
Напряги глаз, и царственным взором
Огляди свои земли пока.

И, узрев смертоносную лодку,
Ты возьми золотой в руки кнут,

Пресеки тем кнутом её ход ты, Хинь –
Урт-Хум, пусть не властвует тут!

Тёплый ветер подует коль вскоре
И коснется твоих рукавов,
То ногастый твой сын – местный Торум,
То же будет помочь нам готов.

Сетью мелкой, ячеистой, водной
Перекрой все дороги вокруг:
Хуль лишится дальнейшего
хода, А без хода он – будто без
рук!

Верим, Батюшка твой – Нуми-Торум,
Безучастно не будет взирать,
Пожалеет бедняжек, и скоро
Установится здесь благодать.

И тогда в благодарность бедняги
К рукавам новой шубы твоей
Приведут сквозь ручьи и овраги
Белоснежных рогатых зверей.

*

А пока, Царь – Хранитель Пелыма,
Заклинаем тебя и зовём, Да
святится вовек твоё имя,
Что в сердцах благодарных живёт!
Хинь-Урт-Хума косматого пути
Ты ослабь, развяжи, разорви,
Разомкни, разруби и распутай,
Лодку Хиня назад поверни.

Пусть уходит в холодное море,
Где края крыты мёртвой травой,

И уносит с собой наше горе
Под косматою грязной косой.

Ну а ты, Покровитель высокий,
Белоснежного зверя бы взял...
Со своим бы конём пёстробоким
К коновязи одной привязал.

Коновязь – близ дворца Нуми-Сорни –
Столб серебряный, ярус седьмой –
Там родительский дом, твои корни,
Там очаг твой любимый, родной! –

Вот о чем мы мечтаем, бедняжки,
Вот – ход мыслей, вот – их
череда, А пока нам приходится
тяжко, А покуда – повсюду беда.

Подошёл бы к священной берёзе,
Что шумит золотистой листвой,
В шубе белой, что греет в морозы,
И зашёл бы ты чинно в дом свой.

В дом священный, где змеи, – змеиный,
В дом, в котором семь комнат златых,
Шкур в котором не счесть соболиных,
Погружаешься медленно ты.

Отдохни от забот, Покровитель.
Пусть крылатые Духи твои
Не тревожат святую обитель,
Успокойся, приляг, отдохни.

*

Твоему рукаву золотому
Помолились участливо мы,

А сейчас мы к подолу святому
Здесь молитвою устремлены.

Под березу мы дар положили –
Связки шкурок златых соболей.
Помоги, чтобы дальше мы жили,
Что б имели здоровых детей!

Ты склонись, и проникнешься
болью За своих в ветхих шубах
бедняг. Дни златые, как шкуры
соболи, Всё нужнее нам день ото
дня.

Всё в твоей с Нуми-Торумом власти
– И воздать нам, и миловать нас. На
всё воля твоя и участие, На всё право
твоё и указ.

Коль захочешь поднять, то поднимешь.
Коль решишь сократить –
сократишь... Но, стенания наши
услышав, Верим мы, нас поднимешь,
простишь.

Дашь нам дней череду, ясных,
светлых, Значит, будем мы жить день
за днём. Ну, а коли призывы
поблекнут, В семислойную землю
уйдём.

**XX. Призывное слово, адресованное Полум-Торум
ойке на реке Лусум**

Батюшка наш, человек достойный!
Золотой наш Человек-Отец!
Озари ты глазом дальнобойным
Всю округу нашу, наконец.

Почему мне нет в лесу удачи?
Почему в воде удачи нет?
Объясни, ну, что всё это значит?
Я прошу, удачу дай в ответ...

**XXI. Призывное слово, адресованное Полум Торум ойке
в деревне Яуль-тыт**

Ты **Т** ы – светлый мой Отец!
 Ты – самый светлый Торум!
 – счастья Творец!

Ты – старец Полум-Торум!
Ты из семи божеств –
Сын младший, Сын
великий! Обходишь семь
небес, И нет милее лика!

XXII. Призывная песня, обращённая к семерым Менгквам-богатырям – местным пупыгам, в Мувынкесе

Нас, Менгквов семерых, могучих великанов,
Явившихся из леса на зов Отца-Царя,
Царь Верхний Золотой заведовать поставил
Над этим уголком, и, видимо, не зря.

Мы этот уголок земли святой, священной,
Поставлены Отцом блюсти и охранять. Семь
великанов мы, мы семь могучих Менгквов, И
это надо всем прочувствовать, принять.

Имея силу рук и силу ног имея,
Обходим семь краёв, обходим шесть углов,
Никто напасть на наши земли не посмеет.
Нас семеро, и нет сильнее молодцов.

Холмистых семь краёв обходим как границы,
Достойных семь краёв достойно мы блюдём.
Как мох, как лапы елей, густы у нас ресницы...
Реснитчатых семь Менгквов, мы – сила всемером.

Мы по лесу идём и кроны задеваем, И меж
еловых лап шагаем напрямик. Мы – Духи –
так вот нас в округе называют, Но званье
это нам присвоено не вмиг!

Мы Духами все семь, хоть малыми, но стали.
Мы стали Покровителями – тем гордимся мы.
Мы очень дорожим хранимыми местами.
Их охраняем мы, и службе той верны.

Дух малый мысль направил к шаману, что камлает:

«Какая слабость тела вдруг одолела вас?
Какая все же кость коснулась вас больная?
Скажите-расскажите, поведайте сейчас».

*

Камлающий шаман здесь Духу отвечает:

«Коль хворь и слабость тела не одолели б
нас, Коли больная б кость не множила
печали, То разве мы бы здесь просили слёзно
вас?

На Кел-Песан-землицу священную, родную,
В которой вскормлен был, в которой я возрос,
Назначенный мне Торумом дар утренний несу я,
Назначенный мне Корысом дар утренний принёс.

Живой и юркий юр моей земли нетленной,
Твоя живая сила пусть далее течёт!
Живой и скользкий сосыл моей воды священной,
Твоя живая мощь пусть далее плывёт!

Коль мясо ослабело, коль кость больною стала,
Здоровье надо править... Знать, жертва-то нужна?!
Ответь, наш Дух, поведай, быть может, жертвы мало?
Быть может, что иною и жертва быть должна?»

*

Дух выслушал камланье и говорит шаману:

«Скажу я всё как есть, что, как и почему.
Юлить, кривить душой я ни за что не стану...
Откуда вам дорогу я гладкую возьму?

В возвышенных лесах семь хвойных возвышений
Легко и без труда я часто прохожу,
Но в стройностях дерев семь стройных построений
Не разумею я, я их не нахожу.

Ищу их средь дерев и лиственных, и хвойных,
Ветвистых, как оленя замшелые рога.
Но вижу лишь крылатых я Духов всевозможных,
Встречаю всяких Духов, ходящих на ногах...

Выслеживаю я среди дерев ветвистых,
Выискиваю средь игольчатых дерев, Но к
ясностям никак не подберусь я близко, Раз
видимости нет, и ясности в том нет.

Не помогают в том высокие деревья, Не
подают они мне знаков никаких.
Безмолвствует сосна и кедр могучий,
древний, Не нахожу я знаков и у зверей
лесных».

*

Шаман в ответ речёт, не соглашаясь с Духом:
«Узрели, что ты Менгкв, здесь трое человек.
Людских четыре жизни – вот Менгква жизнь, по слухам:
Так долог на земле у Менгква жизни век.

Так почему же ты не можешь разобраться
И ясность средь дерев не разглядишь на свет?»

*

Явилось трое Менгквов – как будто трое братьев.
Помогут, может быть, они найти ответ.

Настойчиво шаман толкует этим Менгквам:
«Три Торума мои, участники пиров, Мы ставим
– вы берёте все жертвенные жертвы, А посему
и просьбу я изложить готов:

Со мною здесь сидят, со мною восседают
Три опытных стрелка, три лучника мои,
Три дитятки мои... О, как они страдают:
Задетые бедой, влачат лихие дни!

Задела деток хворь, хвороба
приключилась: Нога стоит, нейдёт, рука не
держит лук. Три Торума мои, нам окажите

милость И дайте силу ног, и дайте силу
рук!

И посреди зимы, ледовой, вьюжной, снежной,
Пошлите гладь земли для наших дочерей,
И сделайте землицу утоптанной и нежной,
Пригодной для ходьбы всех наших сыновей».

*

И вот что Дух лесной на это отвечает,
И вот что говорит беднякам-людям он:
«О, человек-шаман, я жертвы назначаю!
Пиры я назначаю, слова мои – закон!

Коль вечером прошу, откладывать не надо:
Просимую мной жертву нам тотчас обеспечить.
Коль утром закажу, быть не должно преграды:
И утренний котёл пусть варит ваша печь!»

*

Другой Дух говорит, другой Дух дополняет,
Внимание обратив, какой им нужен дар:
«Мы чашу угощения осушим, обоняя,
Вдыхая аромат – котла чудесный пар!»

*

Дух третий говорит, здесь обращаясь к людям:
«Сыночки, Сыновья! Хочу вам передать
Известия звериные, и с ними свет прибудет.
Попробуйте вестей звериный смысл понять.

В ближайшие три дня, в ближайшие четыре
Семь жертв найдите вы, что б путь облегчить свой,
Шесть жертв поставьте мне, как повелось в мире,
Привязанных и связанных одною бечевою!

Возьму из чашек пар, пар жертвенного мяса,
Возьму я дым котлов, чудесен этот дым,

А шкуры тех зверей, рога имевших часом,
Повесьте для Отца, что кличут Золотым.

Пусть Нуми Сорни наш, Отец Золотоносный,
Рассматривает их, любуется с небес. Тем
временем птенцы, что луки, стрелы носят,
Излечатся от хвори. Вот чудо из чудес!

Очистится земля для дев – вогулок юных,
И будут без труда их ноженьки носить!»
Разгладится земля для юношей-вогулов,
И будут без опаски они по ней ходить.

XXIII. Призывная мелодия, обращённая к Пасыт-пупыг ойке в Месыг Павыле

Шлём призыв в семь углов с Героинями,
Лесной Утщи, услышь наш призыв!
Шлём призыв в семь краев с Героинями,
Вверх струим мы призывный мотив.

Отыр наш, рассудительность в гудрости,
Бьём челом твоему рукаву,
Слёзы льём в ожидании мудрости,
Бьём челом на подола канву.

Мы погрязли в болезнях и войнах,
За рукав бы одёрнул войну,
Ухватил бы болезнь вместе с бойней –
Так не раз делал ты в старину.

*

Дорогой наш всевидящий Отыр,
Глаз твой – словно озёрная ширь,
Как обские просторы-ворота –
Так огромен ты, наш Богатырь!

Как леса вокруг озер густолисты,
Так густы и ресницы твои,

И мохнаты они, и тенисты, Бьют
среди них родники и ручьи.

Твой подол, что восславлен и в песнях,
Твой рукав, что и в сказах воспет,
Умоляем – глаза в поднебесье –
Бьём поклоны, и ниже их нет.

Наконечник стрелы в приземленье
Наклоняется низко к земле,
Вот и головы наши в склоненье:
Все поклоны, наш Отыр, – тебе!

И, как озеро, слух свой
священный Ты направь поскорее
сюда, И взгляни ты сюда
непрерывно. Глаз твой – словно
обская вода!

Глянь глазами, как Обь, ты
своими, Отыр наш, глаз ты свой
напряги! Шепчем мы твоё славное
имя, Ты – наш Царь! Пожалей,
помоги!

Дочерям жизнь всегда ты
продляешь, Удлиняешь ты жизнь
сыновьям. Мы в надежде, что нас не
оставишь, Не оставит нас милость
твоя.

А пока от невзгодья жилища,
Что полны были юношей, дев,
Опустели как сумки у нищих –
Их подол ратоборства задел.

Их коснулся рукав нездоровья...
Помоги и беду отведи,

Поведёшь коли царственной бровью,
То оставишь беду позади.

Злополучье войны и болезней Ты
всегда успевал отводить. Царь
семи покровителей здешних,
Сохрани и продли жизни нить.

Ты замолви Отцу Золотому
За убогих и сирых – за нас, Хоть
словечко одно, не пустое, Пусть
направит сюда он свой глаз.

Высотой в семь полётов орлиных,
В шесть орлиных полётов длиной –
Там Отец – Нуми-Сорни былинный,
Восседает и правит землёй.

Попроси у него нам покоя,
Умоли, к нам лицом поверни:
Ни болезни, ни войны – такое
Пусть не портит нам ночи и дни.
Глаз его – это солнце в восходе,
Глаз его – это солнца заход,
Взгляд лучист, им он землю обводит.
Он нам мир и здоровье несёт!

Как шершавость железа трёт кожу,
Так нас мучат болезни с войной...
Попроси, пусть Отец нам поможет:
Даст здоровье, достаток, покой.

Наше время пусть сделает нежным,
Мягким мехом собольим устлав,
Пусть же дни потекут безмятежно,
Пусть не будет опущенных глав.

Царь наш малый, ты близкий нам самый,
Ты богат. На монетах твоих Виден
лик. Как на коже есть шрамы, Так
двуглавый орёл есть на них.

Да, богат ты монетою медной,
Щедрый, добрый, всегда тороват.
Ну, а мы – дни влачим очень бедно,
Сильный голод – и сват нам, и брат.

Безысходность нас всех одолела,
Не подняться самим нам, не
встать. Сохнет девушки юное тело,
Сохнет юноши юная стать.

Вот-вот кончится сила земная
У детей, Отыр наш, посмотри:
Как бедна их одёжка лесная,
Так и хилы они изнутри.

Безнадёга вконец одолела.
Мочи нет, чтобы это терпеть.
Одежонка из шкуры оленя
Бедновата, аж стыдно смотреть!
Рукавички, обувька – сносились,
Бедность наша повсюду видна.
Умоляем тебя, Царь Всесильный,
Только ты нам надёжа одна!

Вот поэтому и умоляем,
Просим слёзно: приди, помоги!
Пусть детишки растут и
гуляют, Пусть отстанут
болезни, враги!

А потом мы житейские думы

Уж нацелим на новую жизнь, Да и
ты свои царские думы Сможешь
целить наверх, а не вниз.

Жизнь девичью наверх ты бы
поднял, Жизнь парней ты бы поднял
наверх. Чтобы дальше потом от сего
дня Им сопутствовал только успех!

*

Наконец, снизошёл на шамана
Покровителя-Пупыга Дух. И
толкует шаман с Духом прямо,
Поражая камланием слух.

Обратился шаман к Пупыг ойке:
– Дух лесной, наконец, ты пришёл!
Утщи наш дорогой, сильный, стойкий,
Дух возвышенностей, ты нас нашёл!

Помоги нашим деткам родимым,
Их рукам и ногам молодым.
Воспарит жизнь, коль ты их поднимешь,
Так парят в небе птицы и дым...

Коли ты Покровитель на деле,
Коль всамделишный Торум ты есть,
То исполни, о чем мы здесь пели,
Помоги детям нашим ты здесь.

*

Отвечает тут Пупыг шаману,
Не кривя своей доброй душой:
«Откровенно скажу, без обмана,
Хоть я Дух, но совсем небольшой.

Хоть и Дух я лесной, хоть и Утщи,

Хоть я Утци возвышенных мест,
Но не буду обманом вас мучить,
Сил, исполнить просимое, нет.

В этом лишь Верхний Торум поможет,
Умоляйте, просите его,
Со слезами просите: «О, Боже!», –
Здесь просить нужно лишь Самого!

Подготовьте площадку для пира,
Это место вам надо блюсти,
И семь жертв на веревке всем миром
Вам придётся туда привести.

И, веревкой привязанных вместе,
Шесть вы жертв отведите туда. И
помчится вдаль радостно песня,
Да и сказ вдаль помчится тогда.

Жизнь у девушек дальше помчится,
Жизнь у юношей дальше пойдёт.
Будут счастливы парни, девицы,
И окрепнет вогульский народ!»

XXIV. Призыв-обращение к мужчине – Сыну Святого Отыра из Ёвтым Сос-а, исцеляющему людей

Так звучал у шамана здесь бубен, Так
призывно шаман здесь камлал, Что
был вызван на связь местный Пупыг, Тот
устаами шамана сказал:

«Сыновья, дорогие сыночки!
Собрались вы, как стая гусей. Как
утиная стая, в цепочку
Вы построились, вижу, что все!

Вас какая нужда одолела?
Вас какая достала беда? Я
пришёл на призыв, ясно дело,
На камланье иду я всегда.

Мисхум гор – здесь подол его стойкий
Я пред вами уже расстелил. Мисхум
леса – подол его стойкий Я, радея о
вас, постелил.

Тот подол – моей матерью сшитый,
Соболями подол тот набит,
Постелил я для вашей защиты,
Детки! Кто всё сейчас прояснит?

Кто готов откровенно поведать,
Ну, какая моксьюн есть у вас?
Что за нужды, страдания, беды
Навалились на вас в этот раз?

Нежным гласом гуся гогочите,
Прокукуйте кукушкой лесной,
Что поёт поутру... Не молчите,
Будьте вы откровенны со мной.

Доложите-ка мне вы, сыночки!
Что случилось, что мучает вас,
Без волнения – гусь так гогочет...
Чтобы речь ваша плавно лилась.
Если всё по обряду исполним,
Ночь пройдёт, день пройдёт, а
потом, Мышцы силой и мощью
наполнит, И окрепнут все кости
притом.

Потечёт в людях сила водицы,
Мощь земли в них тогда потечёт.
Просветлеют угрюмые лица,

Возликует уставший народ!»

*

Говорят ему люди учтиво:

«Нас опутала крепко нужда: Как
деревья грустят над обрывом,
Так и мы, а обрыв наш – беда.

Потому и проводим в молитвах,
Дни и ночи... Совсем извелись.
Нас изводят болезни и битвы,
Где она, безмятежная жизнь?

Где здоровые ноги и руки?
Где наш завтрашний радостный день?
Всюду только страдания и муки,
И всё вкривь, не в дугу, набекрень».

Говорит Дух устами шамана:

«Коль одним поведу я крылом,
Землю всю облечу без изъяна,
А другим – воду всю целиком.

Коль проникнется вашей заботой
Чудотворного Духа душа, Что
размерами с Обскую воду, Станет
жизнь вновь для вас хороша.

Коль взмахну я кнутом драгоценным,
В рукояти его семь кистей,
Содрогнутся и двери, и стены –
Вздрогнет всё на священной земле!

Пусть тепло моей шубы собольей,
Пусть добротность обуви моей
Отогреют вас, снимут все боли.
Всяк бодрей станет и здоровей!»

* * *

Миг – и Пупыг уходит с приёма.
Связь закончилась, Дух улетел.
Только вот ведь, о, чудо подъёма:
Боль ушла из костей и из тел!

Исцелились и руки, и ноги.
Ни в ногах, ни в руках боли нет.
Снова гладкими стали дороги.
Снова ровно стелиться стал след.

И сородичи, и домочадцы – Как
один исцелились они. Снова
светлые дни стали мчаться,
Озарённые радостью дни!

**ПРИЗЫВНЫЕ ПЕСНИ СВЯТЫХ
ПОКРОВИТЕЛЕЙ,
СОБРАННЫЕ В XX-XXI ВЕКЕ МАНСИЙСКИМ
УЧЕНЫМ-ЛИНГВИСТОМ Е.И. РОМБАНДЕЕВОЙ**

**I. Дочери Царя Священной Воды,
призывная песня**

, Доченька Царя Воды,

« О

Воды Священной
Дочка, На берег выйди-
походи По нашей травке
сочной.

Широк изогнутый здесь плёс,
Широк тут плёс песчаный...
На берег выйди под откос –
Зову я неустанно.

Наряды будем шить вдвоём.
Мех – знатный, соболиный!
Брат ловит ценное зверьё:
В достатке мех звериный».

В ответ вещала Дочь Царя –
Царя Воды Священной:
«Хочу с тобою шить наряд,
Хочу всенепременно!

Ах, Миснэ леса, Миснэ гор!
Из вод бурлящих, пенных
Я б точно вышла на простор
Немедленно, мгновенно.

Но есть загвоздочка одна:
Твой младший брат, твой Мисхум.
Его я видеть не должна,
Нельзя мне быть с ним близко».

«Нет, нет! Мой брат покинул
дом, Не обману, поверь мне. На
соболей далёко он

Ушёл поставить петли.
Смелей на берег выходи!»
И та на берег вышла,
И девы стали выводить
Иглой по меху мысли...

А вечером она ушла
В свои речные воды.
Вернулся брат: «Ну, как дела?!
Здесь был, я чую, кто-то...»

И стал к сестрице приставать,
Расспрашивать с пристрастьем:
«Здесь кто-то был... Как величать,
Как звать, скажи мне, гостью?»

«Да нет же, нет, – сестра речёт, –
Волна лишь гладь качала»,
А брат всё объяснений
ждет:
«Рассказывай сначала!»

«Одежду надевала я
Для смётывания пыли...
А чтоб враги там иль друзья,
Так здесь не проходили...»

Брат успокоился, лег спать, А
утром – в лес с мешочком.
Вновь принялась сестрица
звать Воды Священной Дочку:

«Приди, продолжим шить вдвоём
Пушистые наряды.
Оставь бурлящий водоём,
Тебя я видеть рада!»

В ответ вещала Дочь Царя –
Царя Воды Священной:
«Хочу с тобою шить наряд,
Хочу всенепременно!
Ах, Миснэ леса, Миснэ гор!
Из вод бурлящих, пенных
Я б точно вышла на простор
Немедленно, мгновенно.

Но есть загвоздочка одна:
Твой младший брат, твой Мисхум.
Его я видеть не должна, Нельзя
мне быть с ним близко».

«Нет, нет! Мой брат покинул дом,
Не обману, поверь мне.
На соболей далёко он
Ушёл проверить петли.

Смелей на берег выходи!»
Та вновь на берег вышла,
Вновь стали девы выводить
Иглой по меху мысли...

А вечером ушла она
В родимые пенаты.
Вернулся брат: «Ответь, сестра,

Поведай правду брату!»

И стал к сестрице приставать,
Расспрашивать с пристрастьем:
«Здесь кто-то был... Как величать,
Как звать, скажи мне, гостью?»

«Да нет же, нет, – сестра речёт, –
Волна лишь гладь качала»,
А брат всё объяснений
ждёт:
«Рассказывай сначала!»

«Одежду надевала я
Для смётывания пыли...
А что б враги там иль друзья –
Так нет, не приходили...»
Но брат упорствует: «Нет, нет!
Кто был здесь? Говори же!»
Пришлось держать сестре ответ,
Что к истине был ближе:

«Царя Воды Священной Дочь,
Воды Священной Дочка,
Днем приходила мне помочь –
Сшивать мехов кусочки,

Одежду ладить из кусков
Звериных, соболиных...
Она шьёт споро... и легко
Прореху кроет клином...

И пальцы быстро так бегут С
иглой по ровным строчкам.
Сгодились бы на берегу

Воды Священной Дочка...»

Смекнул охотник Мисхум гор,
Воды Дочь – не помеха,
Она – опора из опор
В хозяйстве
человека!

И Мисхум гор сестре родной
Сказал: «Я завтра спрячусь,
А ты подружку всё одно
На бережок покличешь».

Настало утро. Брат в стожок
Тихонько схоронился.
Сестра пошла на бережок.
Туман вокруг стелился...

Вот начала подругу звать:
«Воды Священной Дочка,
На берег выйди погулять,
Пройтись по травке сочной... Широко
изогнутый тут плёс,
Широко тут плёс песчаный...
На берег выйди под откос –
Зову я неустанно».

Опять Воды Священной Дочь
О брате речь заводит. Сестра
в ответ: «Опаску прочь Гони
– брат вновь в походе».

В лесной и горной сторонах
Семь петель брат имеет.
Ушёл он в лес. Забудь про страх:
Брат к вечеру поспеет.

Смелей на берег выходи!»
И та на берег вышла,
Вновь стали девы выводить
Иглою по меху мысли...

И снова как вчера, точь-в-
точь, Снуёт игла по строчке.
Царя Воды Священной Дочь –
Ой, мастерица – Дочка!

И тут внезапно Мисхум гор
Метнулся из укрытия. Он
ловок был, силён и скор –
Ни убежать, ни скрыться!

И завязалась тут борьба:
Одна – к воде стремится,
Другой – в дом тащит, ну, беда,
Подальше от водицы.

И долго мерились они
И ловкостью, и силой,
Но видно были рождены
Быть вместе – милый с милой.
Сдалась Воды Священной Дочь.
Брат праздновал победу,
А девушка такую речь
Сказала напоследок:

«Мужчине – небом решено,
Начертано быть выше,
И остается мне одно – Жить
под твоею крышей», –

И продолжала Дочь Царя,
Царя Воды Священной:

«А женщина внизу – не зря:
Ведь крышу держат стены!

Быть ласковой подругой
я Отныне обязуюсь. Тебе,
мой муж, моя семья,
Всецело повинуюсь.

Тебе на половину нар,
Застеленных коврами,
Кладу я свой бесценный
дар. Нам вместе быть
веками!

И чем богата здесь вода,
Я, Дочь Воды Священной,
Тебе достать смогу всегда,
Сумею непременно!

Вода – водой, само собой, –
Я в лес пришлю удачу!
И даже зверя, что лесной,
Послать смогу в придачу!»

II. Отыру – Сорни Пыгу, призывная

есценный Отыр, Свет небесный,

– **Б**Сын дорогой, Сын Золотой,

Услышь меня – пою я песню
В знак благодарности святой!

Я, народившись, жил достойно.
Сюда меня назначил ты.

Меня не взяли хвори, войны.
Узреть тебя – мои мечты.

Явился б ты, бесценный Отыр, Сын
дорогой, Сын Золотой.
Тебе поведал бы я что-то.
Явись же, Покровитель мой!

Меня достойным человеком
Определил, назначил ты,
А коли так, то здесь до веку,
Лишь о тебе мои мечты.

Здесь музыкант на санквылтапе
Играет чуднейший мотив.
Танцор танцует чудный танец,
С движеньем музыку скрестив.

Бесценный Отыр – Свет небесный,
Сын дорогой, Сын Золотой,
Звучит под санквалтап здесь песня
В знак благодарности святой.

Играет человек достойный,
Почтенный, славный человек.
Рождает звуков ряд он стройный,
Его готовы слушать век!

Чуть пальцы прикоснулись к струнам,
Божественный полился звук,
Как будто птицы летним утром
Защебетали разом вдруг.
Запели струны, как пичуги,
Достали трели до небес...
И тут разверзся пол упругий,
И музыкант под ним исчез.

Что с ним случилось-приключилось
В момент божественной игры?
Ездок и белый конь явились На
месте той в полу дыры.

Такого ждали здесь едва ли –
Сурово всадник вопрошал:
- Куда вы деву подевали?
Добром верните – я сказал!

А коли деву не вернёте,
Повторно вскоре прискачу.
Живыми, точно, не уйдёте.
Я ослушанье не прощу!

И с тем ездок отсель унёсся, А
девушку вернули в срок. Ответ
был полным на вопросы, Что
задал здесь крутой ездок.

Домой вернули деву с миром,
Повеселела та, и вот
Блаженствует она поныне,
Она поныне и живёт!

III. Верховья питательной Оби, рыбной Оби Отыр (в образе гуся Отыр)

В верховьях Оби, питательной и рыбной,
Где высится священный трехъярусный
обрыв, В железном доме, что с неведомою
дверью, С незримым дымоходом, степенно ты
сидишь.

Отец твой, Нуми-Торум, ковёр тебе назначил,
Священный, шестипольный, что б жертву
покрывать.

Ковёр тот пир творит, несёт в делах удачу, Он
ценность-драгоценность – иначе не назвать!

Промеж семи столов, священных одноногих,
В моменты-промежутки, когда не занят ты,
Три дитятки-бедняги в шубёнках преубогих
С мольбою соболиной зывают: «Помоги!»

Три дитятки твои с зубами молодыми,
Что светят белизной, как ядрышком орех,
Мольбу несут к тебе, твоё лишь славят имя,
И стелется мольба, как соболиный мех!

Запаслив ты, богат, как белочка под осень.
Кто видел – не забудет её богатый схран.
Наш Отыр Золотой! Тебя мы слёзно просим:
Приди и помоги преодолеть урон!

Тебе дары несём на стол дощатый низкий, С
утиную-гусиную он ножку высотой. Приди,
отведай яств, проделав путь неблизкий, И
чашу осуши с медовою водой.

Тебя мы чтим всегда как богочеловека,
Считаем мы тебя дражайшим, золотым.

Озера ты питаешь и восполняешь реки,
И для бедняжек ты являешься святым!

Создай здесь озерцо с золатыми берегами,
К накрытому по-царски столу скорей примчись,
И с думою святой над нами, бедняками,
Дражайший, Золотой, возьми и покрутись.

В былое время ты уподоблялся капле,
Что падала дождем с разверзшихся
небес, От хворей избавлял и девушку, и
парня, И продлевал для них дражайшей
жизни бег.

О, Царь наш Золотой! До сирых снизошел бы:
Ты на ковре священном к молящим
приземлился. Три дитятки твои – три сына в
бедных шубах В призывах и мольбе проводят
эту жизнь.

И вороном лесным с гортанным низким гласом
К тебе зываем мы: Приди и помоги!
Наш Златокрылый Гусь, услышь молитву нашу.
Мы знаем, на помин легки твои шаги.

Указатель имен персонажей

Ас-Кóтиль óйка (Áяс -Торум) – богатырь (господин) среднего течения Оби
Áяс-Тóрум – Дух-покровитель природы, сын Нуми-Торума.

Богатырь устья реки Сакв (Сыгвы) – сын Торума.

Вит Ялпын Пúпыг óйка ((дословно: Воды священной Дух-мужчина) –
Дух Священной Воды

Вор-Мíснай (Ур-Мíснай, Вит-Мíснай) – Богиня лесов (гор, воды).

Вóрья Óтыры – трое братьев-богатырей с реки Ворья.

Ёлы-Тóрум – хозяин подземного мира.

Кáлтащ (Кáлтась) – богиня, сестра (по другим источникам – жена) НумиТорума.

Куль-Ôтыр – сын Нуми-Торума, отрицательный персонаж эпоса.

Лáрни Най – Богиня-бабушка.

Лóпынг-ус óйка – сын Нуми-Сорни.

Менгкв – великан.

Мíснэ (Мíснай) – Дух-покровительница.

Мíсхум – брат Миснэ, Дух-покровитель.

Мир-Сýснэ-Хум (За Миром Смотрящий Человек) – наиболее способный сын Нуми-Торума.

Най – Богиня.

Нёрыг – Две горы.

Нёхсын Ёрын – ненец соболиный.

Нúми-Кóрыс – Отец Всевышний, имевший сыновей Нуми-Торума, ШахылТорума, Топал ойку и дочь Калтащ экву.

Нúми-Сóрни – дословно Всевышний Золото (дорогой).

Нúми-Тóрум – сын Нуми-Корыса и Щищ Най.

Нярс-най éква – Героиня, Дух-покровительница верхнесосьвинских манси.

Ôтыр Сóрни Пыг (дословно: Богатырь золото-сын) – одно из имен МирСуснэ –Хума.

Пакв-пóсы Ôтыр – белокурый Отыр, цветом ядра кедрового ореха, правивший вместе с двумя младшими братьями в Лор-усе.

Пáсыт-пúпыг óйка – Дух-покровитель на Сыгве.

Пíщинг-най – своенравная и вероломная жена богатыря Пакв-посы Отыра из Лор-уса.

Пóлум-Тóрум óйка – Дух-покровитель Пелыма.

Пóрнэ – женщина фратрии Пор (другая фратрия – Мось), представляющаяся в виде злой уродки и неумехи и несущая людям несчастья.

Рúсын-г-óвлуп-хóщи-сев-óтыр – обращение жены к Тэк ойке, означающее «Много слуг имеющий богатырь с вьющимся концом косы».

Сакв-Сунт óйка – Дух-покровитель устья реки Сакв.

Сакв-Тáлих óйка – Дух-покровитель верховья реки Сакв.

Сóрни Кóрыс – верховный бог, отец Нуми-Торума.

Сóрни-Ôтыр (Золотой Богатырь) – одно из имен Мир-Суснэ –Хума.

Тагт-Тáлих óйка – Дух-покровитель верховьев реки Сосьва.

Тагт-Кóтиль óйка – Дух-покровитель среднего течения реки Сосьва.
Тáрьяим-Кóрьяим – богатырь с Конды-реки, отрицательный персонаж; перевод имени не представляется возможным в связи с исчезновением кондинского диалекта.

Тóрум-áги éква – дочь Торума.

Тóрум-пыг óйка – сын Торума.

Тúруй Пúнна Хум – Перьев Орлана человек

Тэк óйка – Дух-покровитель, сын Нуми-Торума.

Úсын-Óтыр – богатырь по имени Усын.

Úтпи – злое, мстительное существо, относящееся к вредоносным для людей силам.

Úтци – семья Духов, зверо- человекоподобных существ.

Хинь (Урт-Хум, Хуль, Хуль-Óтыр) – злой толстокопый дух, живущий в холодном море и приносящий болезни и несчастья.

Хонт-Тóрум óйка – Дух эпохи междоусобных войн.

Хупарилэки – имя зырянского богатыря, победу над которым одержал ХонтТорум ойка.

Щáрхол-Óнгыт-Ютланг – имя богатыря, напавшего на край Тагт-Котиль ойки.

Щахл-Тóрум – один из Духов-покровителей, Бог грозы, природы.

Щер-кéви-мор-кéви-кумлын-нари – имя друга и помощника Тэк ойки (на венгерский язык Б. Мункачи перевёл как «Дикий камень, простой каменьмеч»).

Щищ (Щищ Най) – Богиня-мать, жена Сорни-Корыса.

Щíроке-Мóраке – одно из имен хозяина (Святого Духа) Воды.

Éква-пыг-пыгрищ (дословно: женщины сын) – имя Мир-Суснэ-Хума в детстве.

Указатель топонимов

Áяс – река Обь.

Áяс Пáвыл – поселок.

Вóрья – река.

Éвра – деревня на реке Конда.

Ёвтым Сос-а – деревня на речке, купленной на соболей.

Йóтентер-күленг – городок на реке Конда.

Кел-Песáн – территория неподалеку от Мувынкеса, на которой обитали семеро Духов-Менгквов.

Кондá – река, впадающая в Иртыш.

Кызýм – река.

Лар-ус – городок.

Лонгх-áвиг-нёл – городище в низовье Оби, родина жены Тэк ойки.

Лóпынг-ус – городище.

Лóпых – название озера и реки – притока Сыгвы.

Лóпых-овл – край в районе Лопыха (ныне – деревня Ломбовож).

Лóпых-ус – городище, ныне – деревня Ломбовож на реке Ляпин.

Лýсум – река Лозьва.

Лóпла – левый приток Северной Сосьвы.

Мувынкéс – поселок на реке Сакв (Сыгва), где правила Торум-аги эква – дочь Торума.

Мёсыг Пáвыл – деревня на Сыгве.

Няксимвóль – поселок на Верхней Сосьве.

Пóлум – река Пелым.

Пúпыг-я – река, по которой плыл Хонт-Торум ойка.

Сав Пáвыл – поселок.

Сакв – река Сыгва.

Сакв сунт – устье Саква (Сыгвы).

Сáня (Сыня) – река, левый приток Оби.

Тагт – река Сосьва, левый приток Оби.

Тагт-Тáлих – верховье Сосьвы.

Тагт-Котиль – среднее течение Сосьвы.

Тáгттит Пáвыл – поселок на Сосьве.

Хал Пáвыл – поселок на Северной Сосьве.

Яныг Пáвыл – деревня на Северной Сосьве.

Яуль-тыт – деревня.

Словарь непереуведенных с мансийского языка слов

Аги – дочь.

Варя́г – с манс. вор (бор) – лес, аки – человек, то есть, лесной человек.

Ващ – желудок у Менгква.

Ка́мус – жестковолосая часть шкуры, снятая с нижней части ног лося, оленя, лошади.

Мо́ксьюн – нужда, болезнь.

Мо́хлан – узел.

Нэ – женский пол.

Няйт – целитель, кудесник, знахарь, чуродей (в отличие от шамана – колдуна, а может быть, и порчельника, портельника).

Панх – галлюциогенный гриб (например, мухомор), считающийся пищей богов и духов. Шаманы, вдыхая аромат обрабатываемых термически панхов, достигают состояния транса.

О́йка – мужчина.

О́тыр – богатырь, святой покровитель.

Пу́пыг – дух.

Пыг – сын.

Пы́грищ (пы́грись) – мальчик.

Санквылта́п – народный струнный инструмент обских угров.

Со́сыл (со́ссыл) – священная змея.

Та́нга – конопля.

То́рум – Бог, небо, погода, природа, век, эпоха, эра, срок жизни человека, икона

Тынзя́н – ременной (из оленьей кожи) аркан до 30 метров длиной, с помощью которого ловят в стаде нужного оленя.

Урт – призрак.

Хале́й – речная чайка.

Хоре́й – деревянный шест до трех метров длиной для оленьей нарты.

Хум – человек, мужчина.

Эква – женщина.

Юр – священная змея.

Словарь редко употребляемых русских слов, использованных в книге

А́бы – лишь, только.

Аж – частица, то же, что даже.

Бедёнь – беда.

Безнадёга – полная безнадежность.

Бекрёнить – ломать, ставить (делать, наклонять) набекрень.

Благим ма́том (кричать) – громко, пронзительно, раздражающе (кричать).

Благоде́нство – благоденствие.

Близ – возле, подле, около.

Бечевá – прочная веревка.

Бла́гость – добросердечность, доброта, милосердие.

Бла́зниться – впадать в соблазн.

Блюсти́тель – хранитель, смотритель.

Бре́дни – вранье, измышления.

Бредо́вый (бредово́й) – лишённый разумного основания, нелепый.

Ввечеру́ – вечером, вечерним временем.

Верва́ (вервь) – верёвка.

Верхоту́ра – верхняя часть чего-нибудь, например, помещения.

Вести́мо – то же, что конечно.

Ве́тошь – ветхая одежда, тряпье, лохмотья.

Веща́ть – говорить что-либо значительное.

Взапра́вду – подлинно, всерьёз, не шутя, действительно.

Вишь – частица, употребляемая, чтобы обратить внимание, указать на что-то.

Внима́ть – слушать с особым вниманием, вникать в смысл говоримого.

Воднолу́ки – изгибы реки.

Возда́ние – то, что воздается кому-нибудь за что-нибудь, награда или кара.

Воздыма́ться (вздыматься) – подниматься кверху.

Возлега́ть (возлежать) – торжественно лежать или сидеть полулежа.

Вознаме́риться – захотеть, возыметь намерение.

Войте́ль – воин, завоеватель, победитель.

Воло́сья – волосы.

Во́рог – враг.

Восседа́ть – торжественно, важно сидеть на почетном месте.

Вприщу́р – прищурившись.

Вражи́на – тот, кто находится в состоянии вражды с кем-либо.

Вразумле́нье – обретение понимания чего-то, положительный итог работы разума.

Вре́дни – вред.

Вскóрости – скоро.

Всяк – всякий.

Вя́щий – великий.

Глазолу́пый (глазопя́льный) – лупоглазый.

Глас – голос.

Глаша́тай – человек, объявляющий что-либо всенародно.

Глядь-погля́дь – посмотрел.

Гневли́во – разгневанно.

Гну́сный – плохой, подлый, низменный.

Горба́тить – ломать, делать горбатым, неровным.

Го́рний – небесный, находящийся в вышине.

Град – город.

Гу́дрый – крепкий, хороший, качественный.

Де́скать – де, мол (молвить), частица для обозначения вводной речи, чужих слов.

Ди́ва – лесная, дикая, чудная девушка.

Добродей – тот, кто совершает добрые поступки, благодетель.

Доковыля́ться – дойти, хромая, припадая на ногу.

Доне́льзя – до предела возможного, до крайней степени.

Достосла́вный – достойный, заслуживающий славы.

Дража́йший – тот, кто дорог, мил, уважаем.

Дрань – мелкие кусочки чего-либо, например, щепки.

Дре́вко – длинная круглая палка, на которую насаживаются острые стрелы.

Дре́во – дерево.

Дщерь – дочь.

Дядья́ – дяди (родственники).

Живо́т – жизнь.

Жидѣть – становиться жидким.

Загвѣздка – препятствие, помеха.

За́года – заранее, заблаговременно.

Запропа́сть (запропасться) – исчезнуть, пропасть неизвестно куда.

Засо́ня – тот, кто любит долго спать.

Зато́р – задержка движения из-за скопления людей или предметов в какомлибо узком месте.

Изда́лече – издалека.

Издре́вле – издавна, с давних времен, исстари.

Измóр – истощение.

Изничто́жить – уничтожить.

Изуве́р – крайне жестокий человек.

Иму́щий – богатый, состоятельный.

Ина́р – стремена, то есть ножные опоры (железные дужки с ушками) всадника при верховой езде, подвешиваемые на оба бока лошади.

Испра́вно – правильно, в точности.

Испроси́ть – попросить, получить по просьбе, исходатайствовать.

Ка́бы – если бы.

Ка́пище – культовое место, сооружение у языческих народов.

Каю́р – погонщик собак или оленей, запряженных в нарты.

Кедра́ч (кедрѡвник) – лес, состоящий из кедров.

Колдо́бина – рытвина, яма на дороге.

Ладѡ́м – по-хорошему.

Ла́пковый (орнамент) – орнамент, в котором главным элементом выступают лапки, например, лягушки.

Лелѣ́ять – нежить, холить, ласково заботиться.

Ле́по – замечательно, хорошо, великолепно, прекрасно.

Леси́на – гладкий ствол (от начала ствола до верхушки без ветвей и листьев) срубленного дерева.

Личи́на – облик.

Лиходѣ́й – тот, кто совершает подлые дела.

Лихо́ймный – использующий для своей выгоды затруднительное положение человека.

Лѡ́но – передняя часть тела: грудь, живот, колени.

Мазі́ла – не меткий стрелок.

Мале́ц – мальчик.

Маста́чить – мастерить.

Мерёжа – рыболовная сеть, натянутая на обручи, сетевая ловушка.

Молоди́ца – молодая женщина.

Молчо́к – призыв не говорить или обещание молчать.

Мор – смерть.

Мыта́рства – житейские муки.

Набекре́нь – с наклоном набок.

Наде́юшка (наде́я) – надежда.

Наде́жа – надежда

Нако́сник – золотое, серебряное, медное или костяное украшение, надеваемое на косу.

Наме́дни – совсем недавно, на днях.

Напа́сть – беда, несчастье.

Напра́слина – ложное обвинение, клевета, наговор.

Напря́г – натуга, тяжесть, напряжение.

Нарече́нная – названная (невеста).

Науше́нье – недобрый совет, подстрекательство.

Не в ду́гу – сделать что-то неточно, нечетко, неудачно.

Незна́мо – неведомо, неизвестно.

Невзго́дые – невзгоды.

Невод – сетное отцеживающее орудие для ловли рыбы.

Недолга́ – нареч. быстро.

Немо́щь – боль, болезнь.

Неради́вый – недобросовестный, нерачительный.

Несмышле́ныш – юный человек с несформировавшимся мышлением.

Ниспосла́ть – величая, торжественная форма глагола «послать».

Нога́стый – имеющий большие или длинные ноги. Данное прилагательное в текстах применяется по отношению местным духам-покровителям, часть из которых – ногастые, а другая часть – крылатые.

Норови́стый – упрямый, с норовом, строптивый.

Ны́нче – ныне.

Огни́во – металлическая полоска для высечки огня о камень.

Обита́ть – жить, пребывать.

Обиходи́ть – обеспечить уходом, заботой.

Обмя́кнуть – обессилеть.

Оборо́титься – стать, превратиться, обернуться.

Обрета́ться – находиться, пребывать.

Обре́тши (силу) – обрета.

Обу́вка – обувь.

Обу́ять – охватить, объять (о душевном состоянии).

Оза́док – положение в конце, сзади, среди отстающих.

Окольчу́женный – одетый в кольчугу, то есть рубашку из металлических колец.

Оконцо́вка – конец; в оконцовке – в конце, с конца с краю.

Опа́ска – осторожность в предвидении чего-либо нежелательного.

Особли́во – особенно.

О́стов – твердая основа какого-либо объекта.

Отве́тствовать – говорить в ответ, отвечать.

О́торопь – состояние крайней растерянности, сильного замешательства и недоумения.

О́трок – подросток.

О́тче – отец.

Охоло́ниться (охло́ниться) – остудить пыл, начать думать «холодной» головой, успокоиться, прийти в себя.

Охиле́ть – ослабеть, стать дряхлым в силу возраста или болезни.

Ошара́шить – оgoroшить, сделать что-то неожиданно.

Па́водок – временное поднятие уровня воды в реке, вследствие быстрого таяния снега, обильных дождей.

Пена́ты – родные места, родной дом, родной очаг.

Передняя (с. 100) – комната при входе в дом.

Пи́ршество – пир.

Пле́с – глубокий участок русла реки, расположенный между перекатами, отличающийся наибольшей кривизной.

Пове́дать – рассказать.

Поді́ – наверное, должно быть.

По́дле – около, близко, совсем рядом.

Подмо́га – помощь, пособие.

Подна́чивать – провоцировать кого-либо.

Подро́ст – поросль молодых деревьев.

Подсо́бить – помочь.

Покли́кать – позвать.

Поку́да – то же, что пока.

Полони́ть – взять в плен, пленить.

Поми́н – поминание, поминовение.

Посо́х – трость или палка для опоры при ходьбе.

Пота́чка – потворство, поблажка.

Потрапе́зничать – хорошо и вкусно поесть.

Похваля́ться – хвалиться.

Преиспо́лненный – весь заполненный чем-либо, проникнутый каким-либо чувством.

Прибы́ток – прибыль, барыш, выгода.

Призо́р – присмотр, надзор, наблюдение.

Прима́к – муж, принятый в семью жены, живущий в доме жены.

Приторочи́ть – привязать, прислонить.

Прозна́ть – узнать.

Прола́за – проныра, прохиндей, пройдоха.

Проме́ж – между.

Проставля́ться – поставлять угощение кем-то (просителем, виновником торжества и пр.) для кого-то по особому случаю.

Простира́ть – протягивать в каком-либо направлении.

Профу́ра – пронырливая, наглая женщина.

Прощева́й – прощай.

Прям – прямо, совершенно, просто; усиливает значение того, о чем говорится.

Пустельга́ – пустое, ничтожное дело, вздор, пустяк.

Пу́ще – сильнее, больше.

Раде́ть – заботиться о ком-либо или о чем-либо, проявлять старание по отношению к чему-либо.

Раж – сильное возбуждение, неистовство, возбуждение.

Разговѣться – хорошо, вкусно, сытно поесть, полакомиться после длительного перерыва или лишения.

Разор – разорение.

Ратоборство – сражение, битва, схватка, борьба.

Ретиво – усердно, старательно, с рвением.

Русич – житель Руси, русский.

Сбираться – собираться.

Сват – родственник одного из супругов по отношению к родственнику другого супруга.

Сигануть – рвануться, метнуться, кинуться, скакнуть, устремиться.

Сирые – бедные, убогие.

Скальп – кожа головы с волосами, срезанная с головы поверженного врага.

Смекнуть – догадаться, понять.

Смётывание – удаление смахивание, сбрасывание.

Снедь – еда.

Снести весть – сообщить что-либо.

Содрогнуться – дрогнуть, начать дрожать.

Сокровенный – скрытый, тайный, затаенный, не обнаруживаемый.

Сонм – сход, собрание, толпа.

Сперва – сначала, вначале, раньше.

Споро – быстро, ловко, успешно (о работе).

Справный – находящийся в хорошем состоянии, добротный.

Стенания – мольбы.

Стращать – пугать.

Стрекануть (дать стрекача, дать дёру) – побежать что есть силы.

Суженая – избранница, невеста.

Схрон – тайное хранилище чего-либо.

Сыскать – найти.

Талдычить – повторять, твердить одно и то же.

Тварюга – то же, что и тварь; подлый человек, подлец.

Твердь – земля.

Торба – заплечная сумка из бересты.

Требуха – внутренности рыбы или животного.

Туесок – небольшой берестяной короб цилиндрической формы с крышкой, предназначенный для хранения жира, ягод и пр.

Ту́лово – туловище.

Тя́тя – отец.

Увещева́ть – призывать кого-либо, просить кого-либо.

Удила́ – часть сбруи, приспособленная для взнуздывания лошади и управления ею, состоящая из двух металлических звеньев, вкладываемых в рот лошади.

Улепетну́ть – убежать, удрать, но улепётывать.

Улучи́ть – найти, выбрать удобное, подходящее для чего-нибудь время.

Умота́ться – утомиться, устать, дойти до изнеможения.

Упова́ть – твёрдо надеяться на кого-либо, непоколебимо верить в кого-либо.

Упреди́ть – предупредить.

Усла́да – наслаждение, удовольствие, отрада.

Учти́вый – почтительно-вежливый.

Ухва́тки – уловки.

Хвороба́, хворь – болезнь.

Хла́дная – холодная.

Хлябь – грязь, пучина, глубина, месиво.

Хо́дко – стремительно, быстро.

Хо́лить – нежить, лелеять, ласково заботиться.

Ца́ца – тот, кто избалован, высокомерен, требует к себе слишком много внимания.

Ча́ять – ожидать, надеяться.

Че́рнеть – водоплавающая птица из подсемейства нырковых уток.

Чре́сла – поясница, бедра.

Чум – русское название переносного жилища у ненцев, представляющее собой конический шалаш из жердей, покрываемый берестой, войлоком или оленьими шкурами.

Шелом – шлем, железная шапка.

Ширкунёц – упряжный бубенчик, в отличие от поддужных колокольчиков, выполняли магическую функцию.

Шуриа́к – шурин, брат жены.

Шуткова́ть – разыгрывать, шутить.

Щепá – то же, что щепка.

Явь – реальная действительность; в явь – наяву.

**Указатель авторов передачи смыслового содержания оригинала,
художественно интерпретированного в данной книге**

ВОЕННЫЕ ПЕСНИ СВЯТЫХ ПОКРОВИТЕЛЕЙ

II. Героическая песня богатыря Тэк ойки (перевод канд. филол. наук С.С. Динисламовой; консультант – канд. филол. наук Ю. Дмитриева (Салонтаи)).

III.1. Героическая песня о богатырях из Лор-уса (перевод канд. филол. наук С.С. Динисламовой; консультант – докт. филол. наук Е.И. Ромбандеева).

IV. Сказ о князе-богатыре Лиственничного города (перевод канд. филол. наук Ю. Дмитриевой (Салонтаи); консультант – канд. филол. наук С.С. Динисламова).

X. О двух братьях-богатырях устья Конды сказкой сказываемая военная песня (перевод канд. филол. наук Ю. Дмитриевой (Салонтаи); консультант – канд. филол. наук С.С. Динисламова).

XI. О Тарьяим-Корьяиме – мужчине, жившем на той стороне кочковатой болотины, военная песня (перевод канд. филол. наук Ю. Дмитриевой (Салонтаи); консультант – канд. филол. наук С.С. Динисламова).

ДУХИ-ПОКРОВИТЕЛИ: ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ПРОШЛОГО

IV. Куль-Отыру призывная мелодия (перевод канд. филол. наук Ю. Дмитриевой (Салонтаи); консультант – канд. филол. наук С.С. Динисламова).

ПЕСНИ-ПРИЗЫВЫ, ОБРАЩЁННЫЕ К СВЯТЫМ ПОКРОВИТЕЛЯМ

III. Призывное слово, обращённое к Торуму на реке Лусум; IV. Призывное слово, обращённое к Торуму в Тагтит Павыле; XI. Песня, обращённая к Торуму; XII. Заклинательное обращение к Торуму в деревне Евра; XX. Призывное слово, адресованное Полум-Торум ойке на реке Лусум; XXI. Призывное слово, адресованное Полум-Торум ойке в деревне Яуль-тыт XXIV. Призывобращение к мужчине – Сыну Святого Отыра из Ёвтым Сос-а, исцеляющему людей – переводы канд. филол. наук Ю. Дмитриевой (Салонтаи).

Интерпретируя все остальные произведения (34) второго тома Б. Мункачи, автор использовал семантико-стилистически адекватные переводы (семантически полные, точные и стилистически эквивалентные переводы, соответствующие функционально-стилистическим нормам мансийского языка), осуществлённые доктором филологических наук Е.И. Ромбандеевой.

Прим. Названия разделов, произведений и их нумерация соответствуют оглавлению (см. стр. 3-5)

Вадим Борисович Орлов

**Вогульский героический эпос в
художественно-литературной (русскоязычной)
интерпретации**

*В книге использованы иллюстрации
Ольги Александровны Мерцаловой*

Вадим Борисович Орлов

Родился 5 июля 1954 года в Челябинске.

Доктор педагогических наук, профессор по кафедре менеджмента.

Почётный работник высшего профессионального образования.

Служил в рядах Советской Армии. Находился на комсомольской, административной, педагогической работе.

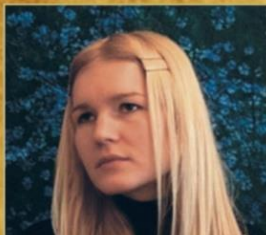
С 2003 года и по сей день – профессор кафедры менеджмента Югорского государственного университета. Под его научным руководством выполнены и защищены докторская и несколько кандидатских диссертаций. Автор более 200 научных и учебно-методических работ.

Поэт. Член Союза российских писателей. Автор нескольких сборников стихов.

Бард. Написал более 200 песен, с которыми регулярно выступает перед жителями ХМАО-Югры. Выпустил несколько музыкальных альбомов собственных песен.

В последние годы увлёкся художественно-литературными переводами древне-мансийских текстов.

Ведёт общественную работу, являясь Президентом «Академии Природы» – региональной общественной организации содействия развитию творчества, образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Ольга Александровна Мерцалова

Родилась 29 июня 1978 году в Ивделе (Свердловская обл.), а вскоре вместе с родителями переехала в пос. Хулисунт Берзовского района ХМАО – Югры, где выросла и живёт по сию пору.

В 1997 году в Красно-турьинске окончила художественное училище по специальности художник-оформитель, затем Санкт-Петербургский академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина по специальности художник-живописец, где обучалась на факультете станковой живописи в батальной мастерской под руководством засл. худ. России, проф. С.Д. Кичко.

Член «Союза художников России». Член международной ассоциации изобразительных искусств АИАП ЮНЕСКО. Участник нескольких десятков выставок различного масштаба: от рай-онных до всероссийских и международных, в том числе и зарубежных. Её персональные выставки прошли в Ханты-Мансийске, Екатеринбурге, Тюмени, Париже и других городах. Дипломант, медалист, лауреат многих художественных выставок и фестивалей.

Вогульский героический эпос в художественно-литературной (русскоязычной) интерпретации

Вадим Орлов